

ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОЗНАНИЯ

Коллективная монография

Москва



УДК 159.9
ББК 88
П86

Авторский коллектив:

д-р психол. наук, проф. ЮФУ Рюмина Л.И. (отв. редактор)
(Предисловие, 1 Глава 1 Раздела, 1 и 2 главы 4 Раздела);
д-р психол. наук, проф. Южного университета (ИУБиП) Пищик В.И. (2 Глава 1 Раздела);
канд. психол. наук, доц. ЮФУ Воронцов Д.В. (3 Глава 1 Раздела);
д-р психол. наук, проф. ЮФУ Белоусова А.К.,
канд. психол. наук, доц. ЮФУ Вышквыркина М.А. (1 Глава 2 Раздела);
канд. психол. наук, доц. ЮФУ Сериков Г.В. (2 Глава 2 Раздела);
канд. психол. наук, доц. ЮФУ Шкурко Т.А. (3 Глава 2 Раздела, 4 Глава 3 Раздела);
канд. психол. наук, доц. ЮФУ Габдулина Л.И. (1 Глава 3 Раздела);
канд. психол. наук, доц. ЮФУ Бреус Е.Д. (2 Глава 3 Раздела);
канд. психол. наук, ст. преп. ЮФУ Альперович В.Д. (3 Глава 3 Раздела)

Научный редактор:

д-р биол. наук, профессор, академик РАО Ермаков П. Н.

Рецензенты:

д-р псих. наук, профессор, чл.-корр РАО Котова Э.Б.
д-р филос. наук, профессор Шкуратов В.А.

**П86 Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / Под ред. Л. И. Рюминой - М.: КРЕДО, 2015. – 144 с.
ISBN 978-5-91375-094-5**

В монографии представлены результаты исследований последних лет, развивающие основные положения научной школы А. А. Бодалева. В ней анализируются как новые подходы в психологии общения и познания людьми друг друга, так и прикладные работы, выполненные в их русле. В монографию включены статьи, раскрывающие особенности биографии и профессиональной деятельности А. А. Бодалева, ранние работы и малоизвестные статьи из его архива.

Адресуется психологам, занимающимся как психологической теорией, так и практической деятельностью.

Для оформления обложки монографии использовались фотографии и фрагменты статей А. А. Бодалева

ISBN 978-5-91375-094-5

УДК 159.9
ББК 88

© Издательство «КРЕДО», 2015
© Коллектив авторов, 2015

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
Раздел 1. Психология общения: современные подходы	9
Глава 1. Социокультурная детерминация общения: от общения как фактора к общению как условию бытия (<i>Рюмина Л.И.</i>)	9
Глава 2. Преемственность и изменение общих черт поколений, сопряженных с их ментальностью (<i>Пищик В.И.</i>)	20
Глава 3. Создание пола, гендера и сексуальности в общении (<i>Воронцов Д.В.</i>)	31
Раздел 2. Межличностное познание: восприятие и познание внешнего и внутреннего в человеке	46
Глава 1. Особенности мышления о другом человеке в юношеском возрасте (<i>Белюсова А.К., Вышквыркина М. А.</i>)	46
Глава 2. Внешнее и внутреннее, душа и тело в их «естественном» и «неестественном» взаимодействии (на примере героев литературных произведений) (<i>Серигов Г.В.</i>)	57
Глава 3. Восприятие возраста как частный случай социальной перцепции (<i>Шкурко Т.А.</i>)	69
Раздел 3. Система отношения с другими: факторы, условия и динамика	80
Глава 1. Ценностные ориентации и удовлетворённость отношениями с другими у лиц с разной направленностью в общении (<i>Габдулина Л.И.</i>)	80
Глава 2. «Коммуникативное ядро» – социально-психологические особенности трудного партнера общения в представлениях о нем (<i>Бреус Е.Д.</i>)	89
Глава 3. Развитие идей А.А. Бодалева о феномене «жизненное событие»: события в жизни субъекта общения и динамика его представлений о Враге и Друзе (<i>Альперович В.Д.</i>)	101
Глава 4. Динамика отношений личности в процессе социально-психологического тренинга (<i>Шкурко Т.А.</i>)	111
Раздел 4. Бодалев А.А. – личность и ученый	111
Глава 1. Бодалев А.А.: личностное и профессиональное становление.	121
Бодалев Алексей Александрович	122
Автобиография из первых рук	124
О своих учителях	
Владимир Николаевич Мясников	125
Борис Герасимович Ананьев	129
Из воспоминаний современников	130

Глава 2. Научная деятельность: развитие идей общения и межличностного познания	134
Бодалев А.А. <i>К проблеме социальной перцепции</i>	134
Об общении	137
Бодалев А.А. <i>О взаимосвязи общения и отношения</i>	137
О межличностном познании	139
Бодалев А.А. <i>Межличностное познание, децентрация, рефлексия, идентификация, эмпатия и их роль в общении</i>	139
О познании и общении	140
Бодалев А.А. <i>Познание, общение, творчество</i>	140
Список учеников А.А. Бодалева	141

Предисловие

В начале 20 века, когда только закладывались основы отечественной психологии, великий российский психолог Лев Семенович Выготский писал, что «советская психология не должна стать «Иваном, не помнящим родства».

Спустя почти столетие, эти слова великого ученого не потеряли своей актуальности. Представляемая читателю коллективная монография – подтверждение тому. В ней анализируются как научные истоки учения выдающегося психолога А.А. Бодалева, так и работы, основывающиеся на его идеях.

А.А. Бодалев – действительный член АПН СССР и РАО, заслуженный деятель науки РФ. Крупнейший из отечественных психологов специалист в области психологии личности, социальной психологии, психологии общения, один из основоположников акмеологии, основоположник психологии познания людьми друг друга, основавший одну из важнейших школ российской психологии, учитель, подготовивший плеяду ныне широко известных психологов. Пожалуй, эту свою ипостась он считал одной из важнейших в своей жизни, не случайно, что он с такой теплотой всегда вспоминал годы своего учительства в школе.

В данной монографии Алексей Александрович Бодалев предстает и как не менее выдающаяся личность, достигшая акме – высшей точки развития личности, – определению которого он так много уделял внимания в последние годы. Пережив тяжелое время в блокадном Ленинграде, он не только выжил, но и сформировался как честный, интеллигентный человек, с гуманными ценностями, которым не изменял до конца своей жизни.

Алексей Александрович был и успешным администратором, и хорошим организатором. Благодаря ему была открыта первая в стране лаборатория по изучению социальной перцепции и лаборатория по общению в Психологическом институте РАО, организована консультативная служба по широкому кругу психологических проблем, в частности, центр психологической помощи семье при МГУ. Он выступал инициатором, идейным вдохновителем и организатором многочисленных конференций по психологии общения и познания людьми друг друга. Одна из

них, посвященная анализу трудностей общения, с успехом прошла в 1990 году в Ростове-на-Дону. В 2003 году в этом же городе состоялась еще одна знаковая для специалистов в области психологии общения конференция «Психология общения: социокультурный анализ». Она дала толчок для дальнейшего объединения усилий ростовских психологов по изучению проблем общения и социальной перцепции, и во многом побудила авторов к созданию этой монографии.

В духе Энциклопедического словаря по Психологии общения, последнего крупного «детища» Алексея Александровича, в коллективной монографии представлены самые разнообразные исследования по общению и познанию людьми друг друга, показывающие многогранность и необъятность данных психологических феноменов.

Монография содержит четыре раздела. В трех представлены теоретические и эмпирические исследования общения и познания людьми друг друга. Авторы стремились не повторять ставшими хрестоматийными мысли выдающегося ученого, а показать возможный путь их развития в современных условиях.

В первом Разделе «**Психология общения: современные подходы**» представлены современные взгляды на процесс общения и факторы, его детерминирующие. Открывает этот раздел Глава «Социокультурная детерминация общения: от общения как фактора к общению как условию бытия». В ней показаны возможности недавно оформившегося ценностно-смыслового (онтологического) подхода к общению, позволяющего глубже понять его роль в развитии и становление культуры и ее представленности в межличностном общении. В соответствии с идеями А.А. Бодалева показывается, что в онтологическом плане общение является сложным процессом, вплетенным в канву человеческой жизни, в связи с чем его изучение, характерное для современного этапа развития психологии, требует интеграции усилий специалистов различных областей науки. Несмотря на всю сложность этой задачи, такой междисциплинарный подход может помочь не только понять стратегии и тактику формирования личности в процессе общения, но и способствовать раскрытию

механизмов функционирования общностей и их бытия в соответствии с ценностями жизни и культуры, которая сама может быть рассмотрена как опосредованное и деперсонализированное общение.

Мысль о значимости анализа роли общения в функционировании общностей находит свое отражение и в следующей Главе «Преемственность и изменение общих черт поколений, сопряженных с их ментальностью». В ней сопоставляются антропологический, исторический, психогенетический, сравнительный, социокультурный, психолингвистический подходы к проблеме смены черт поколений. Обсуждаются сравнительные исследования зарубежных и российских поколений. Особое внимание уделяется анализу и интерпретации результатов эмпирического исследования поколений Южного региона, проведенного на основе, в том числе, и специально созданных для этого авторских методик.

В Главе «Создание пола, гендера и сексуальности в общении» на основе применения принципа историзма к социально-психологическому анализу процесса общения приводятся эмпирически обоснованные аргументы в пользу того, что оно является ведущим механизмом создания базовых компонентов личности, которые в психологии общения традиционно рассматриваются в качестве природно заданных. Смысл этих феноменов непрерывно складывается и переформируется в процессе общения, закрепляясь в виде нормативного понятийного образа. Поэтому пол, гендер и сексуальность скорее следует понимать как продукт развития языка и социальной перцепции, который все время возникает и переопределяется людьми в процессе взаимодействия на основе понятийной интерпретации проявляемых в общении социально-психологических характеристик личности. Особое внимание уделяется неотрефлексированным до сегодняшнего дня взаимопересечениям концепции социального конструкционизма с идеями А.А. Бодалева и С.Л. Рубинштейна, что подводит к мысли о неслучайности подобного парадигмального поворота в социально-психологическом переосмыслении феноменов пола, гендера и сексуальности посредством психологии общения.

Второй Раздел «**Межличностное познание: восприятие и познание внешнего и внутреннего в человеке**» представлен главами, посвященными проблемам межличностного познания как в непосредственном, так и опосредованном общении.

В первой Главе этого раздела – «Особенности мышления о другом человеке в юношеском возрасте» анализируется теоретическая модель и результаты эмпирического исследования особенностей мышления о другом человеке у студентов. Авторы выделяют в структуре мышления о другом человеке следующие компоненты: оценивающий, действенный и смыслопорождающий. Эмпирическое исследование показало доминирование стратегий «ухода» от мышления о другом человеке в юношеском возрасте. Выявлено, что среди компонентов мышления о другом человеке доминирует смыслопорождающий компонент.

В Главе «Внешнее и внутреннее, душа и тело в их «естественном» и «неестественном» взаимодействии (на примере героев литературных произведений)» показано взаимодействие внешнего и внутреннего в человеке, зависимость изменений «внешнего тела» от «внутреннего», анализируются события и ситуации, которые приводят к этому. Особое внимание уделяется экспрессии, выразительному поведению как видимым фрагментам «внешнего тела» литературного героя, свидетельствующим о его «преображении». На основе авторского понимания естественности и неестественности проводится социально-психологический анализ смоделированных писателями ситуаций сложного взаимодействия внутреннего и внешнего, души и тела человека. Само понятие «естественное» в отношении проявления внутреннего, сущностного в человеке во внешнем, экспрессивном рассматривается как социальный конструкт, оценочная категория, определяющая соответствие поведения и общения конвенциональным социокультурным представлениям о взаимодействии внутреннего и внешнего в человеке.

В следующей главе «Восприятие возраста как частный случай социальной перцепции» приводятся результаты исследования, в основу которого легла оригинальная методика «Идентификация возраста личности с использованием фотовизуализации», созданная для изучения компонентов внешнего облика другого человека в структуре восприятия визуальных презентаций возраста. Проведенное исследование позволило описать «вклад» различных компонентов внешнего облика в структуру восприятия возраста и понять, на что в первую очередь опирается субъект восприятия при анализе возраста другого человека, еще раз подтвердить исключительное место лица человека в процессах социального восприятия и познания другого человека (в частности, в про-

цессе восприятия возраста другого). Сделанные выводы позволили выстроить иерархию способов и средств омоложения с точки зрения того, насколько они влияют на восприятие человека как более молодого, чем он есть, с точки зрения его хронологического возраста. В качестве развития данной проблематики, опираясь на модель восприятия и понимания человека человеком, разработанную в школе А.А. Бодалева, намечены перспективы исследования восприятия возраста другого человека.

Третий Раздел «**Система отношения с другими: факторы, условия и динамика**» посвящен анализу характеристик трудного партнера по общению, а также личностным коррелятам, способствующим удовлетворенности отношениями с другими, динамике отношений в результате значимых событий в жизни человека и в специально организованной тренинговой группе.

В первой Главе раздела «Ценностные ориентации и удовлетворенность отношениями с другими у лиц с разной направленностью в общении» обсуждается роль и место отношений с другими людьми в жизни личности. В сложной системной детерминации общения и системы отношений личности подчеркивается значение ее направленности в общении, представляющей собой конкретизацию ценностных приоритетов личности как субъекта жизни в сфере ее отношений с другими людьми. Приводятся результаты эмпирических исследований, иллюстрирующие связь личностных ценностей с видами направленности в общении, различающимися по ценностно-смысловому содержанию, а также эмпирические данные об особенностях оценки людьми с разной направленностью в общении своих отношений со значимыми другими, об их удовлетворенности этими отношениями и всей жизнью в целом.

Во второй Главе «Коммуникативное ядро» – социально-психологические особенности трудного партнера общения в представлениях о нем» исследуются детерминанты различных представлений о трудном партнере общения через ролевые, этнические, гендерные, личностные, социально-психологические характеристики. Трудный партнер общения описывается через экспрессивно-речевые, социально-перцептивные параметры, через характеристики отношения-обращения и навыков взаимодействия, что, согласно А.А. Бодалеву, отражает структуру коммуникативного ядра личности. Делается вывод о взаимосвязи ценностного отношения к другому (как центрального компонента коммуникативного ядра личности) и степени

затруднений в общении.

В Главе «Развитие идей А.А. Бодалева о феномене «жизненное событие»: события в жизни субъекта общения и динамика его представлений о Враге и Друге» приводятся результаты эмпирического исследования трансформации представлений личности о Враге и Друге в зависимости от выраженности кризиса ее системы отношений, связанного с типом значимых жизненных событий. Посредством качественных и количественных методов установлено, что преобладающий тип значимых жизненных событий оказывает дифференцированное воздействие на уровень выраженности кризиса системы отношений и направления структурно-содержательной трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге. Партнер по общению, выступающий «врагом» или «другом», совершающий различные поступки, в сознании субъекта опосредствованно влияющие на данные представления, приобретает свойства «человека-события» в понимании А.А. Бодалева.

В Главе «Динамика отношений личности в процессе социально-психологического тренинга» показано современное звучание предложенной А.А. Бодалевым программы изучения личности в общении. Проводится систематизация социально-психологических факторов динамики отношений личности; подчеркивается, что изучение динамики отношений личности невозможно в отрыве от анализа процессов восприятия и социально-психологической интерпретации участников общения, а также без учета выражения отношений к другим людям, их форм обращения друг к другу. В главе приводятся результаты исследования динамики отношений личности (к другому, к себе, к группе; осознаваемых и неосознаваемых отношений) и их основных параметров (знака, интенсивности, модальности, дифференцированности, взаимности) в процессе танцевально-экспрессивного тренинга.

Последний четвертый Раздел «**Бодалев А.А. – личность и ученый**» посвящен личности ученого, что хорошо отражено в первой Главе раздела «Бодалев А.А.: личностное и профессиональное становление», где приводятся официальные данные об ученом, его рассказ о самом себе. А.А. Бодалев не только неоднократно подчеркивал значимость нравственных отношений, но и сам демонстрировал их, до конца дней с благодарностью вспоминая всех тех, кто способствовал его становлению, как личности и как профессионала, прежде всего, В.Н. Мясищева и Б.Г. Ананьева.

Это находит отражение в его статьях, посвященных этим двум учителям.

Во второй Главе «Научная деятельность: развитие идей общения и межличностного познания» Алексей Александрович предстает как ученый, создавший крупную психологическую школу. Часть его учеников, защитивших под его руководством кандидатские и докторские диссертации, перечислена в списке, составленном самим А.А. Бодалевым. В разделе также представлены его научные статьи об общении и познании другого человека. Являясь черновыми вариантами, они отражают путь размышлений ученого об этих психологических феноменах.

Раздел иллюстрирован фотографиями Алексея Александровича, что также отражает путь разви-

тия и становления ученого. Фотографии и материалы либо нигде не публиковались ранее, либо публиковались давно, или в малоизвестных научных источниках (материалах конференций и т.д.).

Пользуясь случаем, авторский коллектив выражает благодарность Вере Александровне Лабунской за участие в подготовке коллективной монографии.

Особая благодарность вдове Алексея Александровича – Маргарите Александровне, за предоставленные из личного архива документы, фотографии и материалы А.А. Бодалева, а также за сотрудничество при подготовке монографии и трепетное отношение к наследию выдающегося ученого.

Авторский коллектив:

д-р психол. наук, проф. ЮФУ Рюмина Л.И. (отв. редактор)

(Предисловие, 1 Глава 1 Раздела, 1 и 2 главы 4 Раздела);

д-р психол. наук, проф. Южного университета (ИУБиП) Пищик В.И. (2 Глава 1 Раздела);

канд. психол. наук, доц. ЮФУ Воронцов Д.В. (3 Глава 1 Раздела);

д-р психол. наук, проф. ЮФУ Белоусова А.К.,

канд. психол. наук, доц. ЮФУ Вышквыркина М. А. (1 Глава 2 Раздела);

канд. психол. наук, доц. ЮФУ Сериков Г.В. (2 Глава 2 Раздела);

канд. психол. наук, доц. ЮФУ Шкурко Т.А. (3 Глава 2 Раздела, 4 Глава 3 Раздела);

канд. психол. наук, доц. ЮФУ Габдулина Л.И. (1 Глава 3 Раздела);

канд. психол. наук, доц. ЮФУ Бреус Е.Д. (2 Глава 3 Раздела);

канд. психол. наук, ст. преп. ЮФУ Альперович В.Д. (3 Глава 3 Раздела).

РАЗДЕЛ 1

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

ГЛАВА 1. Социокультурная детерминация общения: от общения как фактора к общению как условию бытия (Л.И. Рюмина)

Введение

Роль общения в жизни человека, групп и человечества в целом переоценить трудно. По сути то, что мы привыкли называть социальной психикой, и есть результат этого процесса. Поэтому в психологии нет другой категории, которая была бы наделена такой значимостью, как категория «общение». Без него нет личности, группы, общества, культуры, которая сама может быть рассмотрена как опосредованное и деперсонализированное общение. Без него не было бы и человечества. Поэтому неслучайно, что «общение – герой любого времени и любой теории и концепции», независимо от того идет ли речь о теории личности, теории мотивации и т.д., хотя и присутствует там незримо.

Общение – редкая научная категория, которая для обычного, несведущего в науке человека является не абстракцией, а реальностью, самой жизнью. Вся человеческая жизнь – общение: с собой, другим, другими, культурными и историческими источниками. Отсутствие или дефицит общения тяжело переживается человеком, а в детстве, как известно, может привести к почти необратимым последствиям.

Что касается науки, то общение выступает и как предмет, и как объект, но, пожалуй, самое важное – оно выступает методологическим принципом и основой любого исследования. Через общение можно определить все остальные принципы научного исследования (развития, активности и др.). Оно является своего рода основанием деления парадигм на естественно-научную и гуманитарную, где непосредственно участвует в определении последней, принимая

форму диалога, что и является отличительной особенностью гуманитарного подхода.

Ввиду сложности и емкости феномена толкование общения как понятия зависит от исходных теоретических оснований исследователя. Однако общение трудно однозначно определить потому, что оно – экзистенциальное явление. При этом осознание того, что общение – универсальное условие человеческого бытия, пришло в науку рано. Благодаря усилиям представителей экзистенциально-гуманистической психологии, такой ракурс рассмотрения общения стал приоритетным и в психологии. Однако его экзистенциальная роль и онтологические функции долгое время ускользали от внимания исследователей и по-прежнему не изучены в полном объеме. Особенно это справедливо по отношению к российской психологии.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что в отечественной социальной психологии наблюдаются коренные изменения ее предметного поля и методов исследования, что свидетельствует об онтологизации и гуманизации психологического знания. Вернулся интерес к неклассической психологии, дающей простор в выборе методов и интерпретации полученных с их помощью данных. Математическая точность и жесткий детерминизм стали уходить на второй план. Психологии стал интересен сам человек и его сосуществование с другими людьми. Все это позволяет рассматривать современную социальную психологию как науку, в центре которой человек с его возможностями и способностями жить в сложном мире людей, где его внутренний мир постоянно соприкасается с таким же многогранным и сложно структурированным миром других людей. Иными сло-

вами, становится интересен сам мир человека, его бытие.

Анализ человеческого бытия невозможен без обращения к понятию «ценностно-смысловые образования», которое сегодня интенсивно осваивается российской психологией и начинает претендовать на роль центрального понятия в новой неклассической, постмодернистской психологии. Тесная связь общения с ценностями и смыслами отмечается многими учеными. Однако путь российской социальной психологии к осознанию бытийной роли общения был сложен, и большую роль в разработке онтологического (ценностно-смыслового взгляда) на общение сыграли идеи А.А. Бодалева (Бодалев, 1996, 1988). Его представление об общении как уникальном, целостном, нравственном явлении, не сводимом к отдельным партнерам, и в то же время личностно опосредованном, соответствовало понятию диалогического общения, которое интенсивно развивалось в 80-ые годы двадцатого столетия А.Ф. Копьевым, Г.А. Ковалевым, Т.А. Флоренской в лаборатории «Общение в семье и школе», возглавляемой А.А. Бодалевым, и способствовало созданию особого взгляда на ценностно-смысловую опосредованность общения (Рюмшина, 2011).

Что дает такой ценностно-смысловой подход к психологии общения? Во-первых, приоритет изучения ценностей и смыслов, нравственной оценки общения открывает возможности анализа социально-психологических явлений в глубоких слоях коллективного бессознательного, ментальности и определения их роли и функций в выборе определенных способов взаимодействия.

При этом рассмотрение общения с точки зрения усвоенных партнерами ценностных отношений переносит акцент с анализа личностных качеств партнеров на анализ их внутреннего мира и переживаний как внутриличностных предпосылок развития реальных отношений с другими людьми. Важным становится изучение не личностных, а ценностно-смысловых детерминант, коммуникативной направленности как их интегрирующей характеристики, Я-концепции, ценностных ориентаций и осмысленности жизни, лежащих в основе самораскрытия, взаимопонимания, эмпатии, толерантности и других психологических явлений.

В целом такой подход предполагает теоретико-методологическую схему анализа социально-психологических явлений, характеризующуюся многоуровневностью, поэтапно-

стью, учетом социокультурных, общественных и внутриличностных характеристик. Наконец, он способствует раскрытию механизмов функционирования общностей и их бытия в соответствии с ценностями жизни и культуры (Бодалев, 2015).

На этом последнем аспекте хотелось бы остановиться более подробно. Он практически не изучен в социальной психологии, в то же время исследование роли общения в развитии культуры, позволяет понять и его роль в развитии человечества в целом, и бытийных ценностей в частности, и создает возможность для более глубокого понимания социокультурной и общественной детерминации общения в реальных ситуациях взаимодействия.

Социокультурная детерминация общения

Следует отметить, что культурная обусловленность человеческого существования находится в центре внимания психологов со времени написания В. Вундтом «Психологии народов» – одной из первых попыток концептуализировать и начать конкретное исследование взаимодействия культуры и индивидуального сознания. Большой вклад для понимания исторического и культурного контекста существования человека внесли труды В. Дильтея, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Шпенглера, М. Блока, Л. Леви-Брюля, С. Леви-Стросса, М. Мид, Л. Февр, а также советских ученых (Л.С. Выготского, П. Флоренского, М. Бахтина, и др.), хотя в связи со сложной общественной ситуацией в стране к созданию законченной культурно-исторической теории их труды не привели.

Таким образом, в XX в. впервые была осмыслена значимость культурного многообразия как ценности цивилизацией. Результаты научных исследований, накопленные в это время, позволяют понять роль общения в формировании и функционировании культуры, что может быть представлено весьма схематично как «общение-культура-общение». С одной стороны, общение есть условие формирования культуры (без него ее просто не было бы), с другой – само детерминируется ею. По существу, сама культура – это форма общения, и она возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются. Культура транслирует программы поведения, общения и деятельности, а предметы материальной культуры выступают как средства хранения и переда-

чи смыслов, регулирующих их. Иными словами, с одной стороны, культура имеет коммуникативную природу, с другой – символическую (Лотман, 1994 и др.).

Однако общение как фактор и условие человеческого существования детерминируется еще и общечеловеческими ценностями, сформировавшимися в ходе развития человечества. Это позволяет человеку понять мысли, цели, переживания партнера (независимо от его этнической, групповой принадлежности и т.п.) и быть понятым им.

По мере развития человечества, благодаря общению, формируются и различные культуры. Из общего смыслового поля, накопленного в этом процессе, каждая культура усваивает определенные ценности, делая их своими социокультурными ценностями. При этом в каждой культуре есть ценности отрицательные и положительные (безусловные и относительные), и оригинальность каждой из культур, как отмечал К. Леви-Стросс (Levi-Strauss, 1978), прежде всего, в ее собственном способе размещения ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах. Каждое время делает свой отбор и отбирает ценности, которые должны быть полезны как для выживания отдельного человека, так и всего человечества, то есть быть общечеловеческими ценностями.

На культурный фактор по мере развития человечества накладывается еще одна важная для его выживания система – религия. И, наконец, общество, выступая в роли активного субъекта по отношению к конкретному человеку, стремится формировать у него те ценностные установки, которые необходимы для успешной адаптации в данной общественной и социально-экономической системе.

Общественные отношения более динамичны, они могут соответствовать или не соответствовать социокультурным традициям, а также общечеловеческим ценностям. От этого во многом зависит и формирование внутреннего мира личности, и ее переживания. С психологической точки зрения (как адаптация к конкретным условиям с целью выживания) в зависимости от культуры, религии, общественных устройств, эффективной может быть любая из форм общения. Но в онтологическом плане самой эффективной формой, способствующей выживанию человечества, является диалог.

Это можно объяснить тем, что на ранних этапах развития человечества необходимость жить в гармонии с миром природы, способствовала

стремлению жить в гармонии и с себе подобными, которые в это время являлись для индивида просто частью окружающей действительности. Одному выжить в постоянно угрожающем мире природы было трудно. Поэтому первые функции общения – это сплочение и взаимопомощь, ставшая первым нравственным принципом. Другой человек при этом представлял особую значимость (ценность), как первоисточник, связанный с выживанием (Каган, 1988). Эффективным являлось общение, соответствующее этим функциям, то есть развивающее отношения между людьми. Стремление к объединению и совместности существования (иначе человечество не могло выжить) способствовало развитию диалогических (равноправных) отношений. Переживания тоже были коллективными, связанными с совместностью проживания и осуществлялись посредством различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность к данной общности. Основное действо в них строилось на доречевых (невербальных) средствах общения – жестах, мимике, интонации, доставшихся человеку в наследство от животного мира (Бутовская, 2004, Лабунская, 1986 и др.). Интересно, что на протяжении длительного эволюционного развития искренняя невербальная коммуникация представляла большую значимость для выживания и адаптации. Для сохранения устойчивых социальных отношений нужно было, чтобы сородичи могли получать надежную информацию о намерениях человека. Для этого эмоции должны были служить правдивым сигналом о внутреннем состоянии человека, поэтому природа накладывала вето на любые посяательства в этом направлении. Правдивые сигналы, как отмечает М.Л. Бутовская, давали преимущества в социальной адаптации как отправителю, так и получателю, так как коллективы преимущественно состояли из родственников. Например, если на лице одного из сородичей появлялось выражение страха, то для других членов группы оно являлось сигналом тревоги и предупреждением о возникшей опасности, т.е. правдивая демонстрация эмоций адаптивна для поддержания единства группы и ее выживания (Бутовская, 2004).

Из ориентации на диалогические отношения, зачатков нравственности и значимости для жизни других людей начинают формироваться общечеловеческие ценности. Они и стали теми превращенными формами жизненных отношений, которые соответствуют естеству человеческой природы, присущи в той или иной мере

всем людям, независимо от места проживания, этнической принадлежности и т.п.

Антиподом диалогических отношений, согласно ученым экзистенциально-гуманистической ориентации (Шостром, 1992, Маслоу, 2002 и др.), выступают манипулятивные отношения. В них другой человек используется для получения собственной выгоды. Онтологически манипуляции не были предопределены, изначальное стремление к консолидации сил и получению личной выгоды зависело от общего успеха. Рост манипуляций становится возможным лишь в связи с интенсивным развитием технических средств, СМИ и т.п. Когда человек стал вполне автономен от природы и от других людей, появилось стремление к их контролю и подчинению себе (Рюмшина, 2011).

Рассмотрим соотношение социокультурных и общественных ценностей на примере манипуляций. Это становится возможным в связи с тем, что манипулирование наделено нравственной оценкой и непосредственно связано с ценностями и, учитывая наличия внешних и внутренних его причин (Шостром, 1992), можно говорить о социокультурной детерминации манипуляций.

Однако отметим, что с позиций ценностно-смыслового подхода к общению можно выделить два ракурса их рассмотрения – как воздействия и как сложноорганизованной деятельности. В основе такого деления лежат следующие основания: сознательное и бессознательное стремление к использованию манипуляций, целенаправленность и ситуативность, степень зависимости использования манипуляций от внешних и внутренних (личностных) факторов.

В контексте конкретных задач и целей общения манипулирование людьми принимает вид коммуникативного воздействия, совершаемого осознанно или неосознанно, в зависимости от ситуации общения, отношения к партнеру. Каждый человек может осуществлять подобного рода воздействия, и личность в данном случае рассматривается с точки зрения наличия или отсутствия у нее соответствующих характеристик субъекта общения (коммуникативной компетентности, навыков общения, сензитивности и т.п.). Манипулирование людьми может рассматриваться и сквозь призму внутренних глубинных характеристик манипулятора, что позволяет говорить о манипулятивной деятельности – совокупности манипулятивных воздействий. Такая деятельность целенаправленна, осознанна (или частично осознанна).

Формируется она по мере развития личности, с учетом приобретаемого ею опыта общения, в котором манипуляции получают позитивное подкрепление. Манипулятивная деятельность становится достаточно автономной от внешних факторов и осуществляется, как правило, независимо от ситуации общения, от партнера и т.д., так как зависит от ценностно-смысловых установок личности. Иными словами, человек не может не использовать других людей в собственных целях, так как не видит иного пути.

Поэтому анализируя социокультурные характеристики, мы будем исходить из ориентации представителей того или иного этноса на манипулятивную деятельность, что не исключает применения ими манипулятивных воздействий в определенных коммуникативных ситуациях.

Социокультурная и общественная опосредованность манипуляций

Существует очень много классификаций культур в соответствии с различными критериями, положенными в их основание. Большинство из них создавалось в связи с анализом деловых отношений, хотя в последнее время они используются шире в различных кросскультурных исследованиях.

Рассмотрим некоторые из них. Р. Льюис, сравнивая культурные особенности различных наций, особенности их мышления и взаимоотношений, выделяет три типа деловых культур, различающихся способом организации деятельности, стилем вербального и невербального общения, а также национальными ценностями. Эти типы получили название моноактивные, полиактивные и реактивные культуры (Пашукова, Гришина, 2015).

Культуры, по мнению Ф. Тромпенаарс, отличаются тем, как в обществе принято решать проблемы. Он предлагает модель межкультурных отличий, состоящую из 7 параметров (культуры универсальных и культуры частных истин, коллективизма и индивидуализма, культуры нейтральные и эмоциональные, низкоконтекстные и высококонтекстные, ориентированные на социальное происхождение, и на заслуги, культуры, по-разному относящиеся ко времени и культуры, по-разному относящиеся к природе). Э. Холл в зависимости от отношения к контексту – информации, окружающей и сопровождающей событие – выделяет высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры.

Однако для понимания природы культурных предпосылок манипулирования наибольший интерес, на наш взгляд, представляют следующие классификации. Деление культур на прагматичные – не прагматичные, монологичные и диалогичные, Я-зависимые и Я-независимые (Harel, Shinovu, 1991). Рассмотрим эти достаточно известные классификации применительно к проблеме манипулирования людьми. Прагматичные и монологичные, так называемые Я-независимые культуры, создают почву для использования других людей в собственных целях. Первые за счет ориентации на стремление к получению материальной выгоды, выгоды являются монологичными в силу стремления к контролю над другими и отстраненности от них при сосредоточении на собственном «Я». Я-независимые более чем Я-зависимые культуры ориентированы на успех, власть. Естественно, что в этом стремлении их представители чаще подвергаются риску, неопределенности, в связи с чем выше вероятность использования манипуляций отдельными гражданами и снисходительное отношение к ним общества. Монокультурный подход характерен для западноевропейской и североамериканской культуры. Восточные, азиатские, южно-европейские, латиноамериканские культуры ориентируются на установление эмоциональных контактов с другими, соответствие им, что позволяет отнести их к Я-зависимым культурам. При таком подходе, по мнению ряда ученых, формируется взгляд на «Я» как личность, зависящую, неотличимую от других (Рюмшина, 2010).

Что касается России, то она может быть отнесена к Я-зависимым, не прагматичным культурам, ориентированным на достоинство, что согласуется и с идеями значимости положительных связей с другими, проповедуемыми православием, долгое время являющимся духовным приматом российской культуры. Западноевропейские, протестантские культуры – монологичны и прагматичны. Американская культура, формируясь в период расцвета индивидуализма, развития технических устройств (в том числе и СМИ) и рыночных отношений, может быть охарактеризована как Я-независимая, прагматичная, монологичная.

Еще одна классификация, представляющая для нас особый интерес, принадлежит Г. Хофстеде (2002), открывшему культурные измерения – определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна культура отличается от другой. Как известно, на

основе анализа ответов на вопросы о ценностях и взаимоотношениях между представителями различных наций, он предлагает четыре параметра культурных измерений: 1) дистанция власти, т.е. степень, в которой люди, не имеющие власти согласны с ее неравномерным распределением, 2) коллективизм-индивидуализм, 3) женственность и мужественность, 4) избегание неопределенности.

Главное из таких культурных измерений – индивидуализм-коллективизм. Основными ценностями индивидуалистических культур являются: уважение прав человека, высокая ценность человеческой жизни. Индивидуальные цели важнее групповых. Наиболее индивидуалистические культуры сложились в западных странах, в первую очередь США, Великобритании, Канаде, Австралии, Нидерландах. Основными ценностями коллективистской культуры являются взаимовыручка, гостеприимство, щедрость. Самосознание характеризуется как «Мы-сознание», поэтому поведение человека определяется принадлежностью к группе. Социальная идентичность более значима, чем личностная, гармония важнее личного мнения. Для представителей таких культур характерна забота о влиянии своих решений и действий на сообщество и воздержание от высказывания мнений, которые могут противоречить общим интересам. Конфликт недопустим, слово «я» избегается. Групповые цели важнее индивидуальных, ценность отдельной человеческой жизни низкая и всегда приносится в жертву интересам группы. Нарушение норм сопровождается чувством стыда. Высоко ценится «жизнь по обычаю», «как у людей». Правовое сознание развито слабо, преобладают моральные представления, апелляция к межличностным, а не правовым отношениям. Взаимоотношения более значимы, чем дело. При распределении ресурсов превалируют нормы равенства и удовлетворения потребностей (Гришина, 2015). Наиболее коллективистские культуры сложились в странах Азии и Латинской Америки (Японии, Тайване, Сингапуре, Перу, Гонконге, Колумбии). К данному виду культуры может быть отнесена и Россия.

Следующее измерение – соотношение мужественности и женственности. В мужественных культурах высока ценность материальных вещей, власти и представительства, более сильная мотивация к достижению, ценится стремление к успеху, забота о высоком достатке, настойчивость, жесткость и агрессивность в достижении целей. Представители мужественных культур

склонны много и напряженно работать. К этому типу культур относятся Германия, Япония, Италия, Австрия, Ирландия, кавказские народы. В женственных культурах главными являются духовные ценности: смысл жизни, воспитание, духовное развитие человека. Ценятся забота и внимание. Представители женственных культур стремятся помогать слабым и сочувствуют неудачникам. К таким культурам относятся Скандинавские страны: Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Нидерланды. Согласно Н. Бердяеву у России тоже «женственная» природа (Бердяев, 2010). Поэтому, несмотря на то, что единой точки зрения на мужественную или женственную природу России пока нет, мы все-таки склонны относить ее именно ко вторым.

Еще одно культурное измерение – дистанция власти. В культурах с высокой дистанцией власти она является основной ценностью и дает огромные преимущества тому, кто ею обладает. Для достижения успеха в таких культурах требуются услужливость, конформизм, авторитарность. Представители культур с высокой дистанцией власти считают, что люди рождаются неравными и у каждого свое место в жизни. Дистанция между социальными слоями значительна, предпочитается жесткое руководство. Культуры с высокой дистанцией власти сложились в России, Бельгии, Франции, латиноамериканских и ближневосточных странах. Члены культур с низкой дистанцией власти ценят равенство, уважение, знания, способности. Власть не дает особых льгот и привилегий в социальном плане и рассматривается как обычная общественная деятельность. Подчиненные считают себя такими же людьми, как их руководители, и последние разделяют это мнение. Это характерно для США, Германии, Великобритании, Финляндии, Австрии, Дании и Норвегии.

Представители культур с высоким уровнем избегания неопределенности (еще одно культурное измерение) имеют более высокий уровень тревожности, нетерпимы к двусмысленности, больше беспокоятся о будущем и сопротивляются любым изменениям. Этот уровень присущ Португалии, Германии, Перу, Греции, Бельгии, Японии, России, странам Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. Культуры с низким уровнем избегания неопределенности имеют более низкий уровень стрессов, допускают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску. Представители этих культур менее напряжены и более раскованы. Низкий уровень характерен для Швеции,

Норвегии, Дании, США, Ирландии, Финляндии, Нидерландов и Гонконга.

Итак, как можно заметить из всего вышеизложенного и обобщая проведенный анализ, отметим, что русская культура, предстает как женственная культура, с высокой дистанцией власти и с высоким уровнем избегания неопределенности. Скорее всего, она полиактивная, низкоконтекстуальная, непрагматичная культура, ориентированная на достоинство, Я-зависимая со стремлением к пониманию других (Рюмшина, 2010, Рюмшина, Мустафаева, 2014).

Поэтому для русского этноса главными являются духовные ценности: смысл жизни, воспитание, духовное развитие человека. Самосознание русского этноса формируется на основе «слитности» собственного «Я» с «Я» другого человека, чтобы не нарушить гармонию с ним представители русской культуры готовы пожертвовать своим «Я», ценятся забота и внимание, помощь слабым и сочувствие неудачникам, что будет мешать осуществлению манипуляций. При этом у русского этноса как «взаимозависимого» можно наблюдать конформизм в отношении близких «других» (прежде всего, семьи), которые представляют определенную ценность. Вместе с тем, конформизм в отношении «других» – чужих практически не проявляется. Как отмечал еще П. Флоренский, стиль мышления русского человека – антипод рациональному. Рациональность часто заменяется эмоциональностью и в процессе мышления: русский человек способен больше обсуждать пройденный путь, чем обдумывать дальнейший, что характерно для манипуляций, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед.

Власть обладает ценностью. Дистанция между социальными слоями значительна и дает огромные преимущества тому, кто ею обладает. Для достижения успеха в русской культуре требуется услужливость, что может способствовать манипулированию, но в тоже время и авторитарность, жесткое руководство, что предполагает открыто применяемое насилие. Представители русской культуры больше беспокоятся о будущем, сопротивляются любым изменениям. При этом допускают выполнение нескольких дел в одно время, а то или иное событие может быть отменено или передвинуто. Они имеют достаточно высокий уровень тревожности, избегают неопределенности, нетерпимы к двусмысленности, являющейся основой манипуляций, склонны к прямолинейности, открытой, а не характерной для манипуляций скрытой, коммуникации.

Для русского этикета характерно обращение к знакомым людям по имени или имени-отчеству, что предполагает большую контактность и открытость. Для русских характерна прямая и выразительная манера речи, недоверие к молчанию, стремление к оценке и выражению мысли, прежде всего, словами, а не средствами невербального общения. Что касается последнего, то, с одной стороны, типичны достаточно близкое расстояние между собеседниками, прямой контакт глаз, выразительная мимика, жестикуляция и тактильные контакты как следствие нескрываемой эмоциональности, а с другой, «бытовая неулыбчивость» (Владимирова, 2015). Русских отличает потребность в самовыражении, нескованная рамками строго этикета, они ориентированы на искренность, истинность и значимость высказываний, характерные для коллективистических культур.

Таким образом, исходя из основных характеристик русской культуры, можно говорить об отсутствии в ней предпосылок к манипулированию. Слитность «Я» с другими при выражении жертвенности и жалости будут препятствовать манипулированию, точно так же, как и преобладание эмоционального над рациональным, значимость любви, страданий и лишений. Православие как духовный примат русской культуры с его идеей соборности и неприемлемости лжи также не поощряет использование другого в своих целях. Поэтому в отличие от некоторых культур, где манипулятор – вполне успешный человек, в русской культуре, надо полагать, будет «рождаться» особый тип «кающегося» манипулятора (Рюмшина, 2010).

Для представителей русского этноса крайне важны близкие контакты и отношения с другими, но, учитывая их доверчивость и бесхитростность, а также недостаточное осознание самооценности (Н. Бердяев), они скорее будут становиться жертвой манипуляций других людей, чем манипуляторами. Этому будет способствовать и то, что русский человек менее искушен в опознании манипулятивных воздействий (Рюмшина, 2011).

Однако, чтобы лучше понять специфические черты русской культуры и отсутствие в ней предпосылок для манипулятивной деятельности, сравним ее, например, с британской – по многим культурным измерениям противоположной ей.

По мнению ученых, длительная и упорная деятельность на поприще коммерции и завоевания других государств породила в национальной психологии англичан черты сухой расчет-

ливости и предприимчивости, сдержанность, выдержку и уверенность в себе (Крысько, 2002). Для этой культуры, как ясно из предыдущего анализа, характерны индивидуализм, рационализм, прагматизм, равенство, независимость, соревновательность, традиционализм. В ней как культуре, где индивидуальные цели важнее групповых, ценностью обладают материальные вещи, сильна мотивация к достижению, успеху, высокому достатку, будут создаваться достаточно благоприятные условия для манипулирования. Этому же будет способствовать и настойчивость, жесткость и агрессивность в достижении целей, а также характерные для манипуляций стремление к контролю, как над собой, так и ситуацией общения, холодный расчет и четкое просчитывание действий как своих, так и партнера. Однако низкая дистанция власти, при которой ценятся равенство и уважение, а власть не дает особых льгот и привилегий в социальном плане, может препятствовать манипуляциям, например, в деловой сфере.

Что касается религии, то на протяжении почти пяти столетий Английская церковь находилась в полном общении с остальной частью Православной Церкви. Очевидно, что за почти полтысячелетия православная вера способствовала формированию определенного образа жизни английского народа и монархии, но православное наследие первых веков христианства в Англии хотя и сохранилось, но фрагментарно (Филлипс, 2014). Поэтому понятие коллектива как отражения соборности у русского человека отсутствует у англичан.

В связи с вышесказанным, неслучайно, что английский этикет в этой индивидуалистической культуре предполагает следование традиционным этикетным правилам. К ним может быть отнесено: соблюдение значительной дистанции между собеседниками, исключаящее вторжение в личное пространство каждого из них, избегание прямого визуального контакта, ограниченное использование жестикуляции, мимических и тактильных средств коммуникации, которые могли бы обнаружить эмоциональное состояние говорящего. Что касается свойственной англичанам улыбчивости, то она является знаком доброжелательного отношения к адресату. Все это значительно отличает английский этикет от норм русского взаимодействия (Владимирова, 2015). Поэтому неслучайно, что в отличие от русской культуры, в которой дифференциация местоимений «Ты-Вы» может служить указанием на близость отношений с партнером, в англий-

ском языке единая форма обращения «Вы» как показатель, на наш взгляд, равенства и в тоже время дистанции в отношениях.

Однако кроме социокультурных существуют еще и предпосылки, создаваемые тем или иным общественным устройством, и они могут вносить свои коррективы в презентацию социокультурных норм и правил поведения. Покажем это на примере деловых отношений.

Социокультурная и общественная детерминация деловых отношений

Как уже отмечалось, многие классификации культур создавались применительно к деловым отношениям, что вполне объяснимо тем, что неучет их может привести к серьезным последствиям и потерям, в том числе и материальным. Хофстеде (2002), например, неоднократно отмечал, что организации в значительной мере являются «порождениями» своей национальной культуры.

Сравнивая западноевропейский и российский опыт совместной профессиональной деятельности, исследователи, как правило, отмечают, что одним из главных отличий является то, что для ее успеха в России деловые партнеры должны вступать в личные, доверительные отношения, опирающиеся на мораль, которая носит «конвенциональный» характер (Владимирова, 2015).

Поэтому существуют и разные, опосредованные культурными различиями модели ведения переговоров. В западной модели важнее профессиональные качества партнеров (деловитость, прагматизм и высокий профессионализм), в восточной (куда можно с полным основанием отнести и русскую культуру) – личностные, человеческие отношения (доверие между партнерами, важны внешний вид и манера поведения). Тем не менее, каждая из этих моделей применительно к реальным представителям этносов и культур приобретает свои уникальные и неповторимые черты. Так, отмечает М.М. Абдуллаева (2015), один из общих принципов ведения переговоров англичан – «fair play» (дословный перевод – «честная игра») обеспечивает реалистическое, практическое отношение к жизни, основанное на убеждении, что все может корректироваться в соответствии с обстоятельствами. Для представителей восточной модели, в том числе и русской культуры, характерно стремление к установлению взаимопонимания, избегания открытого противостояния.

В связи с этим неудивительно, что направленность русского речевого поведения на достижение взаимности откладывает отпечаток на характер производственной деятельности, успешность которой зависит от межличностных отношений. Подобная деловая коммуникация значительно отличается от западноевропейской, которая подчиняется принципу кооперации: коммуникативный вклад каждого участника определяется совместно принятой целью. При этом речевое поведение, подчеркивает Т.Е. Владимирова (2015), должно соответствовать определенным постулатам качества информации (не лгать и не говорить того, для чего нет достаточных оснований), количества информации (высказывание должно содержать не меньше, но и не больше информации, чем требуется), релевантности информации (не отклоняться от темы), и способа ее изложения (избегать непонятных выражений и неоднозначности, краткость и организованность).

Особый интерес в связи с этим представляет профессиональная деятельность управленцев (менеджеров), часто ведущих различного рода переговоры и работающих в условиях возможного несовпадения организационных целей и личных целей сотрудников организации. Решение задачи согласования этих разнородных целей является одной из основных задач ее руководителя, но одновременно оказывается и благоприятной средой для возникновения и процветания как осознанных, так и неосознанных манипулятивных способов воздействия. Причем их распознавание связано не только с коммуникативной компетентностью человека, но также определяется и социокультурными особенностями и общественной ситуацией, в которой осуществляется эта деятельность.

Можно полностью согласиться с рядом авторов (Никитинская, 2014 и др.), что в России традиционно сложилась система управления, имеющая в своей основе образцы авторитарного руководства. В советской традиции управленческие решения принимались единолично, отношения были построены на жестких иерархических принципах, но в появившихся в постперестроечное время организациях малого и среднего бизнеса ситуация несколько другая. Росту манипуляций способствуют рыночные отношения, риск и неопределенность общественной ситуации, страх перед будущим (Шостром, 1992), поэтому эти изменения могут способствовать росту манипуляций, по крайней мере, в деловой сфере.

С целью пояснения этого обратимся к кросс-культурному исследованию выраженности склонности к макиавеллизму российских и британских руководителей, проведенному под нашим руководством Э.М. Мустафаевой. Всего в исследовании приняли участие 45 руководителей среднего звена из России и 40 менеджеров из Великобритании, а также 304 их подчиненных. Средний возраст российских и британских менеджеров – 36 лет, что может свидетельствовать о схожем опыте руководящей работы.

Подробно ознакомиться с результатами этого исследования можно в других работах (например, Рюмина, Мустафаева, 2014), в данном случае мы рассмотрим лишь некоторые из полученных данных. Как отмечалось ранее, по многим показателям русская культура не должна создавать предпосылки для манипуляций, в отличие от британской. Однако полученные результаты не показали значимых различий между группой британских и русских менеджеров. Иными словами, русские менеджеры склонны к манипулированию своими подчиненными в такой же мере, как и британские. Этому есть несколько объяснений. Западная правовая система имеет давние традиции, выражающиеся не только в принципах индивидуализма, рационализма, прагматизма, но и гражданственности и законности. Как уже отмечалось, в британской культуре как культуре с низкой дистанцией власти в деловых отношениях ценятся равенство и уважение, что естественно может препятствовать манипулятивной деятельности менеджеров. Подтверждением этому может служить и то, что некоторые из наших респондентов-британских руководителей даже со средним уровнем манипулятивных склонностей относят себя к руководителям-манипуляторам.

С другой стороны, полученные результаты могут служить иллюстрацией «вмешательства» общественных условий, т.е. это тот случай, когда, согласно Фромму, в невротическом, постоянно угрожающем человеку обществе в борьбе за выживание удобнее быть манипулятором. Бизнес в современной России далек от идеала, в связи с несовершенством законодательства, коррупцией, с радикальными переменами экономических, социальных институтов, политической системы, это вынуждает менеджеров избирать неконструктивные формы поведения, которым как раз и является манипулирование. Согласно проводимым нами ранее исследованиям на различных профессиональных группах среди руководителей-предпринимателей

был зафиксирован очень высокий процент лиц с выраженными макиавеллистическими склонностями (Рюмина, 2011).

Согласно исследованию Н.С. Никитинской (2014), руководители бизнес - организаций в большей степени ориентированы на использование манипулятивных стратегий в управлении. В то же время у британских руководителей нами не выявлено взаимосвязи между формой организации и склонностью к манипулятивному поведению, что, на наш взгляд, связано с отсутствием различий в условиях работы государственных и коммерческих организаций. Наибольшая выраженность манипулятивных тенденций наблюдается у российских менеджеров в возрасте 50-59 лет. Не трудно заметить, что эти руководители начинали свой профессиональный путь в СССР, обществе, где поощрялись авторитарные и манипулятивные управленческие воздействия на подчиненных. В новых экономических условиях конкуренции с коммерческими организациями они избирают тот же манипулятивный путь взаимодействия. Ради справедливости отметим, что у британских руководителей склонности к манипулированию не зависят от возраста.

В связи с этим становится понятным и выбор менеджерами с манипулятивными склонностями средств манипулирования. Так обращает на себя внимание частота использования одного из них – «ссылка на мнение авторитетных людей», к которым российские менеджеры прибегают значительно чаще, чем британские. С одной стороны, это следствие влияния того же советского периода развития российского общества с его однопартийностью и авторитетом руководителя. С другой стороны, русская культура относится к культурам с высокой дистанцией власти, а это само собой подразумевает значимость авторитета. При этом представителям русского этноса свойственно ориентироваться на мнение окружающих, поэтому для них это важный аргумент. Британские менеджеры тоже используют данный прием, но значительно реже. Причем спектр их манипулятивных приемов шире и среди них особо выделяются те, которые связаны с качеством информационного потока (искажение информации, утаивание ее части), что соответствует английским требованиям к речевому поведению.

Особенно российский бизнес сложен для женщин. Согласно данным многих зарубежных и российских исследований, женщины менее склонны к использованию манипулятивных техник. Однако

анализируемое исследование не подтверждает этого. Попадая в среду «жесткого, агрессивного» российского бизнеса, женщины-руководители в определенной степени теряют женственные черты и перенимают мужские формы взаимодействия, среди которых и манипулятивные приемы и способы воздействия на подчиненных

Выводы

Итак, возвращаясь к началу обсуждения этой темы, отметим, что рассмотрение общения с позиций его ценностной опосредованности позволяет глубже понять его роль в развитии и становлении культуры, и ее представленности в межличностном общении. Такой процесс предполагает не линейное (и несколько упрощенное) его изучение, а поэтапное воссозда-

ние всей глубины такого опосредствования и учета максимального количества его факторов. Поэтому можно полностью согласиться с А.А. Бодалевым, что в онтологическом плане общение является сложным процессом, вплетенным в канву человеческой жизни, в связи с чем его изучение, характерное для современного этапа развития психологии, требует интеграции усилий специалистов различных областей науки (Бодалев, 2015 и др.). Такой междисциплинарный подход, как отмечает А.А. Бодалев, может помочь не только понять стратегии и тактику формирования личности в процессе общения, но и способствовать раскрытию механизмов функционирования общностей и их бытия в соответствии с ценностями жизни и культуры, которая сама может быть рассмотрена как опосредованное и деперсонализированное общение.

Литература

1. Абдуллаева М.М. Национальные особенности переговоров. //Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. С. 347.
2. Бердяев Н. Судьба России. Изд-во: Аст, Астрель, 2010.
3. Бодалев А.А. Психология о личности. М.: Изд-во МГУ, 1988.
4. Бодалев А.А. Психология общения. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
5. Бодалев А.А. Предисловие. //Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. С. 5–7.
6. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004.
7. Владимирова Т.Е. Обращение в межэтническом общении. //Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. С. 348–349.
8. Владимирова Т.Е. Этикет в межэтническом общении. //Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. С. 357–358.
9. Владимирова Т.Е. Пресуппозиция межэтнического общения. //Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. С. 354–355.
10. Гришина Е.А. Культуры индивидуалистические и коллективистические. //Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. С. 340–341.
11. Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.
12. Крысько В.Г. Этническая психология: Учебное пособие. М., 2002.
13. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону. 1986.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.
15. Маслоу А. По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. Рачковой Е. М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2002.
16. Никитинская Н.С. Манипулятивные стратегии в современной российской бизнес-среде (на примере малого бизнеса): Дисс.... канд. психол. наук, Ярославль, 2014.

17. Пашукова Т.И., Гришина Е.А. Культуры делового общения: моноактивные, полиактивные и реактивные. // Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. С. 340–341
18. Рюмина Л.И. Онтопсихология общения. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. Германия, 2011.
19. Рюмина Л.И., Мустафаева Э.М. Социокультурная и общественная детерминация манипулирования подчиненными российскими и британскими менеджерами. Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 5. С. 676–687. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.5.12235.
20. Рюмина Л.И. Социокультурные предпосылки манипулирования (на примере русской культуры) LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, Германия, 2010.
21. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. Минск: ТПЦ «Полифакт», 1992.
22. Хофстеде Г. Организационная культура: Управление человеческими ресурсами. /Под ред. М. Пула, М. Уоррена. СПб: Питер, 2002.
23. Филипс Андрей. Остатки православной традиции в английской жизни. <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/58579.htm>. (дата обращения 26.02.2014).
24. Harel K.M., Shinovu K. Culture and the self: implication for cognition, emotion and motivation // Psychol. Rev. 1991. V. 98. N. 2. P. 224–255.
25. Levi-Strauss C. Race and History // Structural Anthropology. Vol. 2. 1978.

ГЛАВА 2. Преемственность и изменение общих черт поколений, сопряженных с их ментальностью

(Пищик В. И.)

Введение

Интерес к проблеме преемственности поколений возрастает с каждым днем. ООН включила в число пятнадцати глобальных проблем современного мира проблему отношений между поколениями. Проблему поколений рассматривают представители различных научных направлений. Существует очевидная востребованность социально-психологических исследований поколений на российском материале, чтобы выявить сложности и возможности построения конструктивного взаимодействия между представителями различных поколений. Изучение различных общностей, по мнению ряда авторов, является очень актуальным для выявления их бытия (Бодалев, 1995).

В современном нестабильном мире одной из актуальных научных проблем является выявление и фиксация особенностей преемственности и изменения черт поколений. Динамика поколений не подвергается сомнению, но какие именно черты остаются стабильными, актуализируя преемственность, а какие сменяются, остается невыясненным. Именно социально-психологические черты составляют социальное бытие поколений.

В этой связи целью построения представленного материала стало обобщение имеющихся исследований различных черт поколений в социальном, культурном, психологическом планах и представление результатов сравнения общих черт российских поколений X, Y, Z с учетом типа их ментальности.

Поколение как конструкт сложноопределяем. Были сделаны попытки установить содержание этого явления иностранными исследователями (B.R. Kupperschmidt, W. Straus, N. Howe, J. Twenge) и российскими учеными (И.С. Кон, Е.В. Куфтяк, В.И. Пищик, М.И. Постникова, М.В. Сапоровская, В.В. Семенова).

Основы изучения проблемы поколений в России заложили Б.Г. Ананьев (1969), И.С. Кон (1967). И.С. Кон признает, что поколение это

«символическая общность», не количественная, а качественная определенность, объединяющаяся общностью жизненного опыта, не имеющая четких хронологических границ, отражающая динамику смены обычаев, нравов, типов поведения. Бытие поколения выражается во взаимоотношениях, преемственности и конфликтах *«Жизненный путь человека* – это история формирования и развития личности в определенном обществе, *современника* определенной эпохи и *сверстника* определенного поколения. Вместе с тем фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями образа жизни и системы отношений, суммой ценностей и жизненной программой – целями и смыслом жизни, которыми данная личность владеет» (Ананьев, 1969, 2001, с. 91–92). «В процессе общественного воспитания и образования, т. е. в процессе формирования людей данного поколения, складываются «типичные характеры эпохи», социально ценные свойства поведения и интеллекта, основы мировоззрения и готовность к труду» (там же, с. 92). Если мы говорим о характере эпохи поколений, то можно определить ряд черт, присущих им.

Теория поколений зарубежных авторов основана на двух основных предположениях (Kupperschmidt, 2000). Во-первых, гипотеза социализации предполагает, что ценности взрослых формируются в детстве и раннем подростковом возрасте и что эти основные ценности остаются относительно стабильными по жизни. Во-вторых, социальная конструктивистская теория предполагает, что реальность социально определена отдельными лицами и группами, формируется в социальных взаимодействиях.

Исследователи обнаруживают уникальные, самобытные характеристики поколений в течение нескольких десятилетий. Довольно популярным стало определение поколения как «группы, идентификационными признаками которой выступают: год рождения, возрастная когорта, значительные события в жизни на критических стадиях ее развития» (Kupperschmidt, 2000, с. 66).

Поколения относят к разновидности больших социальных групп. Существует определенная сложность выявления общих черт больших групп в науке.

В социологии впервые поставлена проблема сложности определения формальных границ поколений. К. Мангейм (2000) определил поколение как социальную общность, временной интервал измерения социальных изменений в обществе, как политического «актора». Обычно интервал, разделяющий поколения – это 15–30 лет. Автор призывал не рассматривать процесс смены поколений как линейный и считал, что сравнивать поколения можно только в рамках семейных ролей. Для В. Дильтея (2004) представлялось важным, что поколение объединяет субъективное переживание времени, наполненного событиями, интеллектуальными достижениями. Социологи полагали, что в отличие от социальных групп, которые занимают место в общественной стратификации, поколения занимают определенное место в историческом прогрессе. Х. Ортега-и-Гассет (1991) считал, что поколение объединяет людей со схожими убеждениями, коммуникативными практиками и у каждого есть свое «сегодня». М. Хальбвакс (1992) и Ф. Бартлетт (1959) акцентировали внимание на феномене коллективной памяти, которая также может быть основанием объединения представителей поколения. В.В. Семенова определяет 4 подхода рассмотрения поколений: биологическое определение поколений; генеалогический контекст; демографический подход к поколению; историко-культурный. В культурно-историческом плане дается символическое определение поколения – участники одного события или современники важных исторических процессов, люди с общими ориентациями и настроениями, им приписывается «дух времени» (Семенова, 2009, с. 7). Таким образом, наполняемость конструкта «поколение» будет зависеть от научной позиции автора.

Хотелось бы заметить, что психологи чаще всего используют те же критерии дифференциации поколений, которые были выделены социологами. А.В. Толстых (2000) ориентировался на возраст и исторические события, М.И. Постникова (2010) выделила сочетание исторической эпохи, возрастного периода, социальной роли в семье. М.В. Сапоровская (2011) и Е.В. Куфтяк (2014) значимыми признаками считают отношения в семье и возраст.

Если сравнивать поколения с возрастными когортами, то очевидны их различия. В демографии возрастная когорта определяется как совокупность индивидов, близких по возрасту. Возрастные когорты обычно имеют размах 5 лет. Не все возрастные когорты объединяются в одно

поколение, но очевидно, что разные когорты могут входить в одно поколение.

Иллюстрацией может служить проведенное нами совместно с Н.В. Сивриковой исследование (2014), в котором на основе методики поколенческой идентификации группы людей разных возрастов были определены в группы поколений (советское, переходное, постсоветское). При этом в одни и те же группы поколений попали люди разных возрастов. То есть были такие пенсионеры, которые определили себя в группу молодых (постсоветское поколение) и др. Таким образом, представляется важным субъективная сопричастность ощущения себя в разделении групп поколений. Следовательно, не только демографический статус человека, историческое событие определяют его место в поколении, но и субъективная близость, связность с ним.

Подавляющее количество авторов, описывая поколения, фактически воспроизводят характеристики, которые являются дифференцирующими и для возрастных когорт. Так W. Strauss, N. Howe (2009) на основании изучения ценностей среднего класса, пришли к выводу, что важнейшими факторами, определяющими мышление, действия поколений, являются не возраст, а среда, в которой человек рос и нормы воспитания в семье, т.е. историческая эпоха взросления. Но среда и нормы взросления являются важнейшими культурными характеристиками для возрастной когорты.

Трудность состоит в том, что формальный подход к поколению не позволяет увидеть скрытый пласт его особенностей.

В качестве единицы анализа поколения мы определяем его ценностно-смысловую совместность на уровне ментальности, выделяя аксиологический подход к определению понятия «поколение». Когда человек разделяет убеждения и ценности, доминирующие в определенных исторических условиях, он идентифицируется с определенным поколением. Мы определили поколение как группу представителей, рожденных в определенный период и объединенных переживаниями специфических исторических событий и носителей типа ментальности (Пищик, 2010, 2011).

Для обоснования данных представлений приведем исследование, проведенное совместно с бакалавром Е. Чирвой (2014). С помощью методики Дж. Келли и авторской методики измерения типа ментальности (В.И. Пищик) с целью выявления, обоснования и соотнесения расхождения в базовых ценностях были изучены личностные

конструкты представителей поколения пожилых (1946-1964 гг. рождения) и молодых (1983 - конец 1990-х гг. рождения) людей. Исследование было проведено на 170 руководителей обоих полов и студентах вузов – 130 человек.

В ходе обработки результатов исследования мы смогли выделить следующее: большинству поколения военного детства присуща традиционная ментальность. Представителям исследуемого поколения свойственны следующие особенности:

- умеренные стремления к детерминированности, уверенность в себе, способность к руководству, оптимизм, сложность в освоении новых технологий и недоверие к новым методам;
- сильные стремления к коллективизму, иерархичности, ориентации на вознаграждение в долгосрочной перспективе, желания разнообразия;
- слабые стремления к внедрению инноваций и средний, по их оценке, уровень овладения компьютерной техникой.

Кроме того, при составлении таблицы конструктов нами были выделены две основные для данного исследования шкалы – шкала «Нахождение в зоне комфорта» и шкала «Недоверие к технике». Таким образом, можно отметить, что для представителей поколения очень важно находиться в своей зоне комфорта, что подтверждает результаты анализа их жизненного пути и основополагающих событий, сформировавших ценности этого поколения. Недоверие к технике в целом у них сравнительно невысокое, но также присутствующее.

Исследование представителей поколения молодых (поколение Y) показало, что им присуща инновационная ментальность. Также им присущи:

- тенденция к разрушению традиций;
- открытость переменам;
- склонность к риску;
- индивидуализм ценностных ориентации;
- недоверие к авторитетам;
- своеволие;
- уступчивость;
- стремления к внедрению инноваций;
- высокий, по их оценке, уровень овладения компьютерной техникой.

Как видно наблюдаются расхождения между представителями двух поколений по ценностным основаниям и типу ментальности.

Из вышеизложенного можно сделать предварительное заключение, что понятие «поколение»

оформилось первично в социологии и постепенно перешло в пространство изучения психологов. Психологи ищут свои специфические основания для определения понятия как психологического термина. На сегодняшний день таких оснований несколько: формальные – возраст; историческая ситуация развития представителей до 12 лет; роль в семье. К неформальным признакам, можно отнести следующие основания: тип ментальности; ценностно-смысловую иерархию; самосознание своей принадлежности к определенному поколению; переживание исторических событий развития.

Основные подходы к проблеме поколений

Поколение как социальная группа помимо общих характеристик может порождать общие черты, поскольку выраженность их среди представителей какого-либо поколения будет в среднем схожа. Под чертой Г. Олпорт (2002) понимает предрасположенность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций. Представители поколения – это участники или современники важных исторических событий, людей с общими переживаниями, отношениями к историческому событию.

Обозначим несколько подходов к проблеме определения общих черт поколений: антропологический, исторический, психогенетический, сравнительный, социокультурный, психолингвистический. Каждый из этих подходов отражает различные грани бытия поколений.

В рамках **антропологического** подхода было показано, что передача знаний через цепочку поколений характерно не только для людей, согласно заключениям исследователей в Национальном центре изучения приматов при университете Эмори и Университета Сент-Эндрюс, Шотландия (2006). В первый раз, исследователи показали, шимпанзе демонстрируют поведение обучения поколений аналогично как у людей. В отличие от предыдущих результатов, которые указывали на то, что шимпанзе просто соответствуют социальным нормам группы, это исследование показывает, что формы поведения и традиции могут быть переданы по цепочке отдельных шимпанзе. Эти результаты также показывают большое сходство между поведением человека и шимпанзе и могут служить основанием того, что культурное обучение может быть глубоко укоренено в эволюционном процессе.

Исторический подход просматривается в работах Н. Хоу, В. Штрауса (2009), которые посредством метода исторической реконструкции определили повторяющийся характер четырех поколенных типов в англо-американской истории, каждый из которых имеет четкую коллективную персону, и соответствующий цикл из четырех различных типов эры, каждый с особым настроением. В исторической ретроспективе не всегда представлялось развитие поколений как непрерывный процесс. Были обозначены конфликтные и прерванные отношения поколений.

Типология включала большое количество поколений, мы приведем только близкие к нашему времени: потерянное (1880–1900 годы рождения), величайшее (1901–1924 г.р.), молчаливое поколение (1925–1945 г.р.), Беби-Бумеров (1946–1964 г.р.), поколение X (1965–1982 г.р.), Y (1983— конец 1990-х г.р.) и Z (начало 1990-х— 2000-е г.р.) поколение.

В то время как разница между поколениями обнаружена в различных исследованиях, определяющие поколения остаются специфичными для каждого общества, культуры. Исследования в азиатском контексте, как правило, представляют тот же классификационный метод западных ученых, хотя многие из значимых событий, упомянутых в контексте развитых стран, не относятся к Азии. Некоторые ученые (Yu & Miller, 2005) обнаружили, что различия, прогнозируемые между поколениями в мировой литературе, не применимы в азиатском контексте.

C.P. Egri & D.A. Ralston (2004) выявили четыре когорты различных поколения в китайском контексте: республиканское (родились 1930-е-1950-е гг.), консолидации (1951-е-1960-е), культурной революции (1961-е-1970-е), и социальной реформы (1971-е-1975-е). Было обнаружено, что последние поколения в Китае и США имеют меньше различий и больше сходства в личностных ценностях.

S.M. Noble & C.D. Schewe (2010) предлагают четко различать поколения для развивающихся стран, отличие которых основано на политических, исторических и культурных аспектах традиции. Авторы иллюстрируют различия в классификации поколений различных азиатских стран. 1-е Бэби-Бумеры (1946-е-1950-е) имеют большое финансовое благополучие, самоопределяются. «Денс» поколение (1951-е-1960-е) – преданные, образуют сообщество духовности. «Shinjinrui» поколению (1961-е-1970-е) присущ индивидуализм, отсутствие необходимых навыков лидерства, важных для укрепления их позиции. 2-е

Бэби-Бумеры (1971-е-1975-е), для них важны сбережения, они трудолюбивы и адаптивны. Сообществу «Пузырь» (1976-е-1986-е) присущи индивидуализм, выразительность. «Shinjinrui» младшие или Поколение Z (1987-е-1995-е) делают уклон в сторону стабильных корпоративных рабочих мест. Как утверждают авторы, неоднородность поколений в азиатском контексте требует дальнейшего исследования.

Интерес представляют исследования поколений Индии (Vasanthi, 2012). Автор показывает, что при кажущейся однородности населения Индии, оно очень многообразно по религиозным, социальным и др. показателям. S. Vasanthi полагает, что сельское и городское население Индии находится на разных стадиях эволюции. Если на Западе выделяют основные четыре поколения, представляющие работающее население, то в Индии таковых три: традиционное поколение – консерваторы (1948–1968 гг.), нетрадиционное поколение – интеграторы (1969–1980 гг.) и поколение Y (1981 г.). Кластерный анализ данных показал, что поколения отличаются по показателям: согласие и толерантность, долг в отличие от гедонизма, предпочтение семейных отношений, предпочтение иерархии. Эти данные принципиально отличаются от данных западных ученых.

Уже имеется немало отечественных работ, характеризующих представителей различных поколений (Е.В. Куфтяк, В.И. Пищик, М.В. Сапожников, В.В. Семенова, А.В. Толстых). Несмотря на региональную, культурную специфику можно выделить устойчивые характеристики поколений.

В. Чумаков (2008) в российских поколениях выявляет следующие: поколение победителей – выжившие (1901–1922 гг.) – герои; молчаливые – тихие (1923–1942 гг.) – художники; Беби-Бумеры (1943–1964 гг.) – пророки; X – самостоятельные (1965–1982 гг.) – кочевники; Y- (1983–2000 гг.) – герои; Z – 2001–2022 гг. художники; 2023–2042 гг. – пророки.

В советское время российские психологи В. Дубин, А. Гражданкин, А. Толстых (1993) провели исследование и выявили пять основных возрастных групп в плане их поколенческого самоопределения в СССР. Разница в группах установлена в 10 лет. Группы подразделялись на: 1) 1920-х гг. рождения, проявляют следующие черты – консерваторы, религиозны, завистливые, имеют множество внутренних запретов; 2) 1931–40 гг. рождения – конфликтны, радеют за государство, выступают за усиление наказания; 3) первое послевоенное поколение – эскаписты,

реалисты, кривят душой для пользы дела, считают себя специалистами; 4) 1950–60 гг. рождения – поддерживают честный большой заработок, предрасположены к благотворительности, уважительно относятся к науке, терпимы к хиппи, алкоголикам и др.; 5) 1970–80 гг. рождения – стараются не упустить свое, стараются быть самим собой, говорить, что думают, сочувственно относятся к миллионерам, не религиозны и т.д. На наш взгляд, представленная классификация поколений довольно подробная.

Исторический подход отражает многообразие типов поколений для различных стран и культур.

Психогенетический подход открывает вопросы наследования общих черт поколения через наследственный код. А.А. Шутценбергер (2011) определяет синдром предков через трансгенерационные связи, передачу травм и радостных событий. Основываясь на 30-ти-летнем стаже в психотерапии, автор демонстрирует, как клиенты повторяют модели поведения своих предков, переживая весь чувственный опыт, получая часто наследственные заболевания и даже не осознавая этого. А.А. Шутценбергер переносит данный концепт и на историю народов, предки которых платят за содеянное их предшественников.

Л.Н. Докучаева, В.В. Докучаев (2001) предлагают учитывать влияние отдаленных социально-психологических последствий политических репрессий и войн на третье, четвертое и последующие поколения, на особенности характера, модели поведения и направленность мировосприятия новых поколений, родившихся уже после всех этих событий. А.В. Осницкий (2008) продемонстрировал в течение 15 лет наследование личностных свойств (проверяемые по методике СМИЛ и некоторых проективных методик) девушек от бабушки по материнской линии, а мальчиков от дедушки по отцовской линии.

S. Kitayama (2014) зафиксировал признаки культурных различий, встроенных в мозг. Много лет назад, в статье, опубликованной в *Psychological Review*, он отметил, что на Западе, как правило, имеются более сильные чувства независимости и личностного самоопределения в то время как жители Востока склонны рассматривать общество с более глобальной точки зрения. «Сейчас это очень ясно, что культурные различия могут быть продемонстрированы на уровне головного мозга – иногда даже более ясно, чем вы можете наблюдать это в поведении», – писал он.

Автор обнаружил, что префронтальная область мозга производит дофамин – нейротранслятор. Ген дофамин является DRD4. Это вещество, как было показано в его лаборатории, имеет разную концентрацию в различных культурах. Люди с вариантами высокого дофамин показали значительно более сильные культурные различия, чем с низким уровнем дофамин. Его большая концентрация приводит к увеличению адаптации человека к новым условиям жизни. Другими словами, культура может развиваться за счет генетического меньшинства.

Он написал, что культурные различия обнаруживаются на уровне головного мозга (Kitayama, 2014), и поделил культуры на независимые американские и взаимозависимые азиатские. Они были обозначены как две модели самоуправления. Независимые культуры требуют того, чтобы человек был уникален, имел цель и следовал ей, говорил прямо. Взаимозависимые культуры имеют следующие нормы: принадлежность к группе, поддерживают общие цели и в состоянии прочитать контекст. С. Китаяма задается вопросом: «Как культурные нормы передаются?» Ссылаясь на работы Л.С. Выготского (2005), С. Китаяма отмечает, что тот показал образование и посредничество взрослых, приводящее к поглощению (интериоризации) культуры. С. Китаяма сформулировал идею, суть которой сводится к тому, что «человек преобразует культурное дело». Каждый раз, когда он решает какие-то задачи или проблемы, человек может изменить структуру своего мозга, так как он пластичен (нам представляется, что еще А.Р. Лурия (1937) в разделах по нейропсихологии писал об этом). Собственно и А.А. Шутценбергер в своей психотерапевтической практике показывает, что осознание «синдрома предков» также может приводить к уменьшению его влияния.

В **социокультурном** подходе культура и социальные отношения выступают важнейшими аспектами взаимодействия поколений. Культура представляется как динамическое образование с разнообразием культурных практик, порождающих многообразие форм социальности.

Исходным положением является то, что Я-концепция этносубъекта выступает опосредствующим фактором воздействия культуры на психические процессы (Мацумото, 2003, 2008; Берри, Пуртинга, Сигалл, 2007; Hofstede, 1980).

Поэтому, содержательное наполнение конструкта преломляется через представления о концепции Я в различных культурах.

Начало было положено исследованиями Брунера (1977), Хофстеда (1980), Хофстеда, Шведера, Борна (1984), которые эмпирически установили, что культуры разнятся особенностями мировоззрения: 1) коллективистское, социоцентрическое, межличностное и взаимозависимое; 2) индивидуалистическое, эгоцентрическое, личностное, независимое. Исследования были продолжены, и стало ясно, что количество синдромов, признаков, характеристик для различных культур можно выделить достаточно много в аспекте концепции человека, представлении о времени, статусов, мотивов деятельности, отношения к природе и т.д.

Формирование общих черт поколения зависит от культурного контекста. В кросс-культурной психологии (Мацумото, 2003, 2008; Берри, Пуртинга, Сигалл, 2007) выделена евроамериканская пятифакторная модель личности, включающая следующие черты: экстраверсию, нейротизм, социальное соответствие, добросовестность и открытость. Она была дополнена в восточных культурах такими чертами, как лицо и гармония, в африканских культурах – духовностью. Культурная концепция личности является конструктом и содержит общие черты поколений. Каждая культура вносит свое своеобразие в нее. Но это продольный срез культуры, интересно рассмотреть поперечный ее срез в плане сменяемости поколений.

J. Twenge (2006) обнаружил в своем исследовании, что нарциссизм является гораздо более распространенным явлением, чем в прошлых поколениях. Только 12 % подростков в начале 1950-х согласились с утверждением «я важная персона», но к концу 1980-х годов этот показатель вырос до 80 %. Отечественные исследователи также проводят определенные срезы поколений и раскрывают их отдельные черты.

Т.В. Мещерякова, О.В. Герасимова (2013) показали на выборке студентов медицинского университета с 2005 по 2013 гг. динамику их ценностных ориентаций и мировоззренческих позиций от открытости к закрытости, от веры к атеизму, от активной позиции в жизни к пассивной и т.д.

G. Akhgarnia (2011) рассмотрел результаты опроса 6500000 студентов США, в период между 1966 и 2009 гг. Было установлено, что наибольшие изменения появились в социальной уверенности в себе (они были 30 % в 1966 г. и стали 52 % в 2009 г.), лидерских качествах (41 % против 62 %), способности публичного выступления (25 % против 37 %), интеллектуальной уверен-

ности в себе (39 % против 60 %) и стремлении к достижению (60 % против 76 %). Таким образом, фиксированные в культуре качества могут подвергаться модификации.

М.И. Постникова (2010) в результате исследования выявила, что ценности довоенного и военного поколений были сгруппированы в проявлениях коллективизм/консерватизм, а ценности поколения застоя и эпохи перестройки – на открытости изменениям/индивидуализме.

С.Ю. Лавренчук (2010) исследовала женщин 3 поколений (1920–1945 гг. рождения, 1948–1964 гг.р. и 1975–1988 гг. р.) и показала, что в выборке при переходе от женщин более старшего возраста к более молодым меняется значимость представлений о собственной успешности. Внешнее сравнение (оценок группы, предполагаемого «взгляда глазами группы») становится для них менее значимым, чем внутреннее ощущение и собственная оценка успешности. Чем моложе женщина, тем более значимо для нее «наличие собственности и материальных благ» как неперемного условия успешной жизни, «хорошей материальной обеспеченности» как характеристики успешности жизни, тем более склонна она считать успешной самодостаточную женщину и в меньшей степени – здоровую и замужнюю женщину, ведущую хозяйство, что может быть связано как исключительно с «возрастной» тенденцией понимания значимости хорошего здоровья, так и уменьшением привлекательности роли домохозяйки как тенденции в обществе. Чем старше женщина, тем более важен для нее стаж как показатель успешности, как в случае успешной семейной жизни, так и успешной профессиональной жизни. Обнаружены различия в ведущих ценностях, тем ценнее безопасность и доброта, а у младших – ценности достижения и гедонизма. Смыслоразножизненные ориентации ориентированы у старших и средних поколений на будущее с альтруистическим основанием. У младших поколений смыслоразножизненные ориентации направлены на настоящее с определенной долей скептицизма и подозрительностью.

М.В. Сапоровская (2011) установила, что по мужской линии в семье воссоздаются распределения власти в системе, а по женской линии передаются особенности эмоциональной дистанции, черты характера, связанные с отношением к другим и деятельности.

Психолингвистический наименее разработанный подход. Однако в исследованиях К.В. Ниловой (2011, 2015) показаны особен-

ности внутрисемейного вербального общения на российской выборке. Автор выделила цели, тактики и жанры семейной коммуникации у представителей разных поколений. Определила конструктивные и деструктивные стратегии внутрисемейной коммуникации, инновации, поддерживающие и побуждающие, нейтральные и др. интенции.

Представленные выше подходы к проблеме выделения общих черт поколений демонстрируют разнонаправленность исследований и их перспективность. Эмпирический материал подтверждает тезис о наличии общих черт присущих различным поколениям и специфических общих черт характерных для отдельных групп поколений.

Как известно, А.А Бодалев (1995) для описания психической жизни человека выделил три основания: пол, возраст, профессия. Традиционно сущностной составляющей принадлежности человека к социуму является социальная идентичность (Tajfel, Turner, 1979), возрастных отношений – возрастная идентичность (Микляева, 2009) и т.д. При этом возникает вопрос о возможности описания поколений через формы идентичности.

Оставаясь в рамках социокультурного подхода, нашу позицию в отношении поколений можно охарактеризовать как рассмотрение поколений через призму их ментальностей. Ментальность при таком понимании рассматривается нами как сложная система совмещения значений, смыслов и ценностей, направляющих социально-психологические характеристики поколений. Ментальность является не индивидуальной характеристикой, а групповой и проявляется на групповом уровне.

В организации системы ментальности мы выделяем надсистемы (религия, этнос и социум), подсистемы (образ мира и образ жизни) и собственно структуру ментальности (компоненты, конструкты, элементы и контексты). Ядерные составляющие системы ментальности опосредованно связаны с окружающим миром через социально-психологические характеристики. Социально-психологические характеристики – это репрезентанты ментальности. Значения связаны с представлениями и дискурсами образа мира. Ценности как основные жизненные принципы связаны с ценностными ориентациями коллективного субъекта. Смыслы связаны с особенностями взаимодействия и отношениями.

Мы выделили следующие социально-психологические характеристики менталь-

ности поколений: ценностные ориентации (с направленностью индивидуализм/коллективизм), содержание категоризации образа мира, социальные представления, социальные установки, формы дискурса, направленность отношений и взаимодействий с социальной группой (доминирование, конформизма / неконформизма, уступчивость /самоутверждение, Я-концепция).

Сопоставление социально-психологических характеристик позволило определить различные типы ментальностей. Сочетание стабильности в образе мира, коллективизма в образе жизни и зависимости в коммуникации предполагает традиционную ментальность. Взаимоотношения людей опосредованы традицией. Совмещение зависимости в коммуникации, готовности к новому в образе жизни и нестабильности в образе мира отличает переходную, кризисную ментальность. Взаимоотношения людей опосредованы сломом традиций. Сочетание нестабильности в образе мира, индивидуализма в образе жизни и независимости в коммуникации порождает инновационную ментальность. Взаимоотношения людей опосредованы инновационным социальным действием. Соединение независимости в коммуникации, консерватизма в образе жизни и стабильности в образе мира рождает постинновационную ментальность, которая может перейти к традиционной при определенных культурно-исторических условиях. Взаимоотношения людей опосредованы отходом от инноваций.

Поколения, формируемые в различных социокультурных условиях, могут отличаться доминирующей надсистемой, типом, направленностью трансформации и социально-психологическими характеристиками ментальности. Все типы ментальности могут быть представлены у каждого поколения, но доминирующим типом является тот, который исходно сформирован в определенных социокультурных условиях.

Эмпирическое исследование поколений

Респонденты

В нашем эмпирическом исследовании (2014–2015 гг.) выборку представляли следующие группы поколений г. Ростова-на-Дону: 2000–2003 гг. рождения (поколение Z) (150 чел.); постсоветские 1983–90 гг. рождения (210 чел.) – студенты молодые работающие (поколение Y); переходные 1965–82 гг.р. (245 чел.) работающие зрелые люди

(поколение X) и советские 1940–1945 гг.р. (140 чел.) пенсионеры (Беби-Бумеры).

Методы и методики

Для определения типа ментальности использовали методику определения типа ментальности В.И. Пищик. Методика позволяет выявить четыре типа ментальности: традиционный, характеризующийся традиционными ценностями, стабильным образом мира, коллективистским образом жизни; инновационный тип, определяющий независимые, индивидуалистические ценности, изменяемый образ мира, многообразный образ жизни. Между традиционным и инновационным типом ментальности располагается переходный тип – в котором в равных долях представлены стабильные и изменяющиеся составляющие. После инновационного типа ментальности следует постинновационный, который характеризуется более стабильным образом мира, мало изменяемым образом жизни.

Для определения культурных ценностей поколений применялась методика культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатова и др.). Методика включает шкалы: ориентация на группу, на себя; ориентация на изменения; ориентация друг на друга; ориентация на власть и позволяет отнести различные ценностные ориентации к группам поколений.

Методика С.Х. Шварца позволила отнести группы поколений к следующим модальным ценностям (наслаждение, достижения, социальной власти, самоопределения, стимуляции, конформизма, социальность, безопасность, зрелость, поддержка традиций, социальная культура и духовность).

Шкала измерения социальных установок Г.К. Триандиса позволила нам определить индивидуалистическую и коллективистскую направленность поведения респондентов.

Результаты

В результате было выявлено, что в группе **советских поколений (Беби-бумеры)** выявлен конструкт горизонтального коллективизма, характеризующейся: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью, уважением власти, традиционный тип ментальности.

Нами было выявлено, что у **переходных поколений (поколение X)** выражены горизонтальный индивидуализм с параметрами: душевность, разобщенность, самостоятельность; индивидуализм; недоверие к власти; традиционализм, коллективизм, своеволие, свободолюбие, анархия, холодность, соперничество, склонность к риску, традиционный тип ментальности

У **постсоветских поколений (поколение Y)** преобладает инновационная ментальность со следующими социально-психологическими характеристиками: независимыми представлениями о своем «Я», индивидуалистические ценности, с направленностью на социальные изменения, дискурсивной гетерогенностью.

В исследовании проведенном под нашим руководством Е.В. Стуровой (2015) было показано, что **новое поколение (поколение Z)** обладает следующими характеристиками: агрессивность, рисковость, устремленность в будущее, соперничество, инновационный тип ментальности, основанный на ценностях вертикального индивидуализма, предполагающий открытые отношения, активную позицию в жизни, рациональность, ориентацию на личные достижения.

Статистический анализ посредством Т-критерия Стьюдента показал значимые различия по перечисленным показателям между группами поколений. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели Т-критерия различия по шкалам

Шкалы	T
Взаимовыручка/разобщенность	-1,72
Замкнутость/открытость	1,43
Дисциплинированность/своеволие	1,18
Агрессивность/миролюбие	1,03
Верность традициям/разрушение традиций	1,04
Осторожность/склонность к риску	-0,28
Уважение власти/недоверие к власти	-0,05
Сердечность/холодность	0
Подчинение/самостоятельность	0,06
Устремленность в прошлое/устремленность в будущее	0,24
Законопослушность/анархия	1,38
Уступчивость/соперничество	-0,24
Традиционный тип ментальности	1,59
Инновационный тип ментальности	-0,10
Переходный тип ментальности	-1,18
Постинновационный тип ментальности	-0,48

Следовательно, мы опять обнаружили значимые различия между отдельными чертами поколений и типами их ментальностей.

Обсуждение результатов

Поколение X – это родители поколения Y, но они не похожи по своим социальным проявлениям. Можно ли полагать, что поколение Y порождено «кофигуративной культурой» (термин М. Мид, 1988), в которой преобладающей моделью поведения является модель современников. Поколение X – «постфигуративной» культурой, в которой прошлое стариков – будущее молодых. Поколение Z, на наш взгляд, относится к поколению «префигуративному», когда и сверстники и старшее поколение перенимают опыт у подростков. По всей видимости, это так и есть.

В развитии личности и ее характера мы наблюдаем два противоположных процесса или механизма: экстернализация и интериоризация. Л.С. Выготский полагал, что сначала складываются внешние отношения между ребенком и взрослым, а за тем они интериоризируются. Поскольку личностные черты представляют ответы на жизненные затруднения, то их проявление всегда связано с определенными жизненными сценариями. То есть, при возникновении ситуации в когнитивной схеме актуализируется соответствующая оценка и стимулируется определенное стереотипное поведение, и мы наблюдаем его проявление.

Однако данная объяснительная схема может быть полезна в случае, если между поколениями существует прямая передача культурного опыта от поколения к поколению через обучение. Профессор G. Codrington (2012) представил исследование, в котором показал, что чем моложе человек, тем меньше раса и возраст выступают предикторами отношений и поведения. Молодые люди Южной Африки имеют больше общего друг с другом, чем любой из них имеет общего с их собственными родителями. Аналогичные исследования, проведенные в Японии, подтвердили данный результат. То есть, для современных поколений трансмиссия не является прямой.

Следовательно, сценарии, модели поведения могут задаваться не только семьей, а например, СМИ могут предлагать репертуар жизненных сценариев. Определяет в этом случае выбор сценария, который в последствие закрепится в общих чертах поколения, например, поддержка, одобрение моих выборов со стороны сверстников, например на форуме, в блоге, в твиттере и др.

Сопоставив данные западных и российских исследователей, мы выделили следующие поколения в российской истории, представленные в таблице 2.

В таблице первые три поколения имеют те названия, которые были предложены W. Strauss, N. Howe (1999).

Мы определили поколение 1965–1982 гг. как «неверящее», поскольку, на наш взгляд, хотя ценности представителей данного поколения формировались при социализме, они являются носите-

Таблица 2

Поколения 20 века (Западный мир и Россия)

Время рождения	Название поколения	Основные события, сопровождающие жизнь поколений
1880–1900	«Потерянное поколение»	Волна иммигрантов в Америку Создание РСДРП в России.
1901–1924	«Величайшее поколение»	Первая мировая война; Октябрьская революция; Возникновение СССР
1925–1945	«Молчаливое поколение»	Вторая мировая война; Создание ООН; Великая депрессия;
1946–1964	«Беби-бумеры» (традиционные – носители традиционной ментальности)	Война во Вьетнаме; распространение рок-музыки и сексуальная революция; полет человека в космос
1965–1982	«Неверящее поколение X» (переходные- носители переходной ментальности)	1968 г.: Красный май и вторжение в Чехословакию; Афганская война (1979–1989), эра персональных компьютеров;
1983–1999	«Информационное поколение Y» (инновационные- носители инновационной ментальности)	Буря в пустыне; развитие связи, компьютерных технологий; распад СССР; первая чеченская война, новый всплеск Терроризма
2000–2015	«Новое поколение Z» (постинновационные-носители постинновационной ментальности)	Вторая чеченская война; Война в Ираке; Мировая рецессия конца 2000-х; Мировой кризис; Война в Украине; Война в Сирии.

лями переходной ментальности. Переходная ментальность еще сохраняет отдельные традиции, но ее представители уже видят несостоятельность социалистической системы. Представители поколения, рожденных в 1983–1990 гг., назвали «информационным», поскольку их жизнь полностью уже зависит от информационных систем и пластиковых карточек.

Представителей поколения, рожденных в 2000–2015 гг., мы определили как «новое», поскольку, на наш взгляд, они создадут новые традиции в истории страны, ориентируясь на которые будет жить следующее «традиционное» поколение.

Выводы.

1. Интерес к проблеме поколений впервые был проявлен социологами. Именно социологами были выделены основные критерии определения феномена поколения. В психологии представители школы А.А. Бодалева поставили вопросы о том, как влияет на личность бытие общности, в которой она живет и почему она порождает в своих представителях определенные стереотипы. Углубляя данные вопросы, мы показали как в различных культурах и поколениях изменяются общие черты.

2. Представленные факты транслирования определенных черт поколениям (характеристик мобильности) не выглядят так однозначно. Как и в случае биологического уровня наследования признаков, социальное транслирование качеств через поколение и отсутствие этой трансляции не позволяет нам сделать однозначные выводы. Современные представления синергетики говорят нам о фрактальной природе наследования в условиях непредсказуемости и случайности.

3. В системе черт личности присутствуют общие черты, которые формируются в поколенческих связях. Горизонтальные, внутр поколенческие отношения и вертикальные, межпоколенческие отношения – это те условия, в которых формируются общие черты представителей определенных поколений. Большое количество зарубежных исследований подтверждают это. В отечественной психологии еще недостаточно эмпирических исследований такого рода.

4. Ментальность объединяет представителей поколения, становящихся свидетелями исторических событий. Оценки, интерпретации событий и реакции на них поколения сопрягаются в пространстве культурных ситуаций. Черты характера являются схожими, стереотипными реакциями на жизненные события поколений. Таким образом, поколение – это большая социальная группа, отличающаяся от других групп пережитыми культурно-историческими событиями, общими чертами и типом ментальности.

5. Изменения общих черт внутри новых поколений по сравнению с предыдущими поколениями становятся очевидными, если полагаться на эмпирические исследования. При этом вектор изменений общих черт направлен от консерватизма к свободе и от прошлого к будущему.

6. Представления о ментальности поколений могут разрешить противоречие не прямой трансляции их общих черт. В нашей типологии ментальности критериями различий явились параметры Я-концепции, значений образа мира, ценностей образа жизни, формы дискурса. Сочетание определило традиционную, переходную, инновационную и постинновационную ментальности. Новое поколение определяет новый тип ментальности и поэтому не может быть прямой трансляции между поколениями.

Литература

1. Докучаева Л.Н., Докучаев В.В. Закон Рода. Генетический транс. Екатеринбург, Дом учителя, 2001.
2. Куфтяк Е.В. Семейно-поколенческое исследование: теория и практика // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20. № 1. С. 64–68
3. Лавренчук С.Ю. Межпоколенная трансляция и изменение жизненных моделей у женщин: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Санкт-Петербург: 2010.
4. Мецереякова Т.В., Герасимова О.В. Смена поколений, или проблема формирования ценностного ценностного сознания будущего врача // Вестник Томского педагогического университета. 2013. № 11. С. 173–181.

5. Осницкий А.В. Психологические основы наследственности личностных свойств // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 57. С. 86–95.
6. Пищик В.И. Ментальность поколений: психологические исследования: монография / В.И. Пищик. Ростов н/Д.: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2010.
7. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности / В.И. Пищик // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88
8. Постникова М.И. Межпоколенные отношения в контексте культурно-исторической концепции / М.И. Постникова // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 4(23). С. 125–128.
9. Сапоровская М.В. Психология семьи и межпоколенных отношений. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.
10. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
11. Солоненко В.А. Психолого-педагогические аспекты когнитивной мобильности личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 80. С. 509–513.
12. Шутценбергер А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Психотерапия, 2011
13. Akhgarnia G. College Students More Confident than Previous Generations. Sciences Story. News Center/ San Diego State University. Friday, June 17, 2011.
14. Codrington G. Applying generational theory to the countries of Asia, South East Asia and the Asia-Pacific regions, may 2011. URL: http://www.tomorrowtoday.uk.com/articles/article044_generations_in_asia.htm (дата обращения: 24.06.2011).
15. Egri C.P. & Ralston D.A. Generation cohorts and personal values: a comparison of China and US. Organization Science: 2004. Vol. 15(2), pp. 210–220.
16. Kitayama S., King A., Yoon C., Tompson S., Huff S., Liberzon I. The Dopamine D4 Receptor Gene (DRD4) Moderates Cultural Difference in Independent Versus Interdependent Social Orientation // Psychological Science. 2014. Vol. 25(6), pp. 1169–1177.
17. Kupperschmidt B.R. Multigeneration employees: strategies for effective management. The Health Care Manager. 2000. Vol. 19(1), pp. 65–76.
18. Noble S.M. & Schewe C.D. Cohort segmentation: an exploration of its validity. Journal of Business Research. 2003. Vol. 56(12), pp. 979–987.
19. Pishchik V. The typology of mentality of the Soviet and Post-soviet generations. International Journal of Humanities and Social Science. 2011. Vol.1. No. 5, pp. 121–124
20. Sivrikova N. V. Features of social identification of inhabitants of South Ural // В мире научных открытий. 2014. № 9(57), pp. 322–334.
21. Strauss W., Howe, N. Millennials Rising: The next great generation (vintage original). New York, 2009.
22. Twenge J., Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled-and More Miserable Than Ever Before. Simon and Schuster, 2006.
23. Vasanthi S. Multi generations in the workforce: Building collaboration Original Research Article IIMB Management Review. 2012. Vol. 24. Issue 1, pp. 48–66.
24. Yu H.C. & Miller P. Leadership style The X generation and baby boomers compared in different cultural contexts. Journal of Leadership and Organization Development. 2005. Vol. 26(1), pp. 35–50.

Введение

ГЛАВА 3. Создание пола, гендера и сексуальности в общении (Воронцов Д. В.)

В психологии общения существует давняя традиция рассматривать пол человека в качестве индивидуальной особенности, генотипической (природной) «детали», определяющей физический облик, а также устойчивые характеристики психических процессов и поведения на биологическом уровне, одновременно с этим включенной в социальные и социально-психологические отношения. Именно в таком натуралистическом понимании значительная часть психологов, представляющих различные теоретические направления (подходы) и школы (течения внутри направлений), учитывает т.н. «влияние» пола на процесс общения. Это влияние рассматривается в двух ипостасях. Во-первых, пол может учитываться в качестве фактора, который задает направление процессу формирования в общении относительно стабильных (сущностных) «мужских» или «женских» личностных качеств. Такое влияние осуществляется через осознание собственного пола и идентификацию в результате включения в те или иные связанные с полом социальные практики, или через социализацию и усвоение символических функций, которыми наделяется пол в культуре. Во-вторых, пол может рассматриваться в качестве фактора, задающего развернутый ряд – от анатомо-физиологических до социокультурных – параметров внешнего облика, которые, в свою очередь, воздействуют на формирование представлений о личности другого человека. Также в рамках второй традиции анализа влияния пола на общение этот фактор рассматривается через возможность указания на «природную» склонность социальных партнеров к тем или иным формам выразительного поведения, в которых проявляется некая внутренняя сущность личности, свойственная индивидам мужского или женского пола.

В большинстве случаев пол в психологии общения выступает социально значимым критерием разделения людей на большие группы, который всегда находится вне процесса общения, оказывает внешнее влияние на его различные компоненты, модерирует (т.е. влияет на) характер отношений, складывающихся между партнерами в качестве независимой от общения переменной.

В социально-психологических исследованиях общения по отношению к фактору пола очень редко применяется замечание Г.М. Андреевой о необходимости не простого формального «учета» группообразующего критерия (в нашем случае – полового признака), а определения его субъективной значимости в контексте разворачивающегося процесса взаимодействия. Определения того, насколько и как – взаимно или нет – осознают партнеры свою принадлежность к социальной группе мужчин или женщин, в какой степени осознают и учитывают общность или различия их потребностей, интересов, представлений, целей, связанных с этой принадлежностью (Андреева, 1998, с. 140–141). Игнорирование психологической составляющей факта социального разделения людей на группы мужчин и женщин, с одной стороны, свидетельствует о приписывании полу качества универсальной, абсолютной и независимой от личности переменной, которая будто бы сама по себе может проявляться или не проявляться в определенном социальном контексте, влиять или не влиять на процессы и компоненты общения. С другой стороны, такое игнорирование может приводить к производству многочисленных научных артефактов о поведенческой и личностной «маскулинизации» женщин или «феминизации» мужчин на том единственном основании, что у них в процессе общения обнаруживаются модели поведения, которые в культуре или социальных представлениях каких-либо групп связаны с принадлежностью к тому или иному полу. При этом остается совершенно неясным, разделяют ли подобные представления сами люди, в отношении которых делаются такие выводы? Имеют ли отношение обнаруженные паттерны взаимодействия непосредственно к полу или же к социальному контексту общения и специфике деятельности, которая требует проявления вполне определенной формы выразительного поведения или определенных личностных качеств безотносительно того, к какой группе по критерию пола формально относится тот или иной человек?

С конца XX в. исследование «фактора пола» в российской психологии общения трансфор-

мировалось в исследование гендерных различий, обнаруживающихся в межличностном познании, феноменологии и закономерностях самопознания и самоотношения (Бодалев, 2015), в самых различных аспектах межличностного взаимодействия, выраженности личностных характеристик субъектов общения, вариативности речевого поведения и особенностей использования невербальных средств общения (Чекалина, 2015). Наряду с гендерными, проводятся исследования того, как в общении проявляется еще один связанный с полом аспект личности – сексуальность (Воронцов, 2008). В 1990-х гг. с целью фиксации социально-психологических аспектов пола и выделения их в отдельную область исследования общения произошло заимствование из западного дискурса нового для российской психологии понятия «гендер». Однако в западной науке вхождение этого термина в корпус категорий социального знания ознаменовало парадигмальный сдвиг, в рамках которого произошло отделение собственно биологических аспектов тела человека (пола, выполняющего исключительно репродуктивную функцию) от широкого спектра социокультурных характеристик телесности, которые определяют социальное восприятие и взаимодействие людей в качестве мужчин и женщин. В российской же науке заимствование термина гендер, к сожалению, не привело к радикальному изменению базовых теоретических положений: гендер, как и пол, продолжает преимущественно играть роль независимой переменной, которая всего лишь модерирует процесс общения. При этом маскулинность и фемининность оказались отсоединенными не только от биологического пола и механизмов биологической детерминации, но и вообще от реальных носителей гендерных качеств – мужчин и женщин.

Судя по текущему состоянию гендерных исследований в отечественной психологии, импорт нового термина произошел в полном отрыве от тех революционных изменений, которые вызвала осуществленная Дж. Мани в середине 1950-х гг. трансформация лингвистической категории грамматического рода в английском языке (*gender*) в категорию социальных наук (Воронцов, 2014). Хотя в российском психологическом знании к этому времени тоже сформировались достаточные теоретические предпосылки для осуществления сходных изменений в воззрениях на социальную сущность пола в общении, которые произошли и на Западе. Изменений, которые открывают возможность

перестать рассматривать пол в качестве «фактора» общения, в качестве индивидуальной, природно обусловленной особенности внешнего облика и психических процессов субъектов общения, а увидеть гендер и сексуальность как социально сформированные компоненты личности, которые культурно-символически, а не причинно-следственным образом связаны с полом. Увидеть гендер и сексуальность в качестве компонентов системы социальных отношений личности, которые создаются не природой, а самими людьми в процессе общения и всегда доступны им лишь в виде исторически изменяющихся сконструированных представлений о поле, гендере и сексуальности, но отнюдь не в виде отражения или осознания «объективно существующих» вещей.

Одной из причин, по которым понятие «гендер» не приобрело в России статуса *Novum Organum scientiarum* – новой методологии научного познания, – может выступать слабая осведомленность о том, что оказалось для Дж. Мани побудительным мотивом перенести грамматическую категорию рода в психологическую область. И недостаточно ясное понимание того, почему узко-специальный термин английской лингвистики «гендер» все-таки получил глобальное признание и широкое распространение в научном мире, потеснив различные национальные (не англосаксонские) варианты понятия «социальный пол» (*Sozial-Geschlecht* и т.п.), использующегося в классическом знании.

Как язык общения определяет сущность пола, гендера и сексуальности

Одним из ведущих мотивов для введения в психологический дискурс лингвистической категории «гендер» для Дж. Мани послужило то, что в современном английском языке грамматический род подавляющего числа слов, за исключением местоимений третьего лица (*she, he, it*) и отдельных существительных (например, *blond/blonde, bull/cow, actor/actress*), определяется преимущественно контекстом и предположением говорящего о биологическом поле объекта высказывания. Гендер в английском языке в основном определяется тем, как говорящий воспринимает одушевленный объект, каким он ему видится в соответствии с имеющимися представлениями. В связи с этим в английской лингвистике выделяется т.н. «естественный» гендер объекта речи (*natural gender*): гендер, который, по мнению говорящего, должен иметься

или отсутствовать у объекта «по его природе». Такой способ определения грамматического рода существительного определяет иной характер социального мышления о том, как пересекаются пол и представление о человеке в процессе общения. Согласно взглядам А.А. Бодалева, пол (как и другие категории принадлежности человека к социально-демографическим группам – возраст, раса, класс) внешним образом влияет на процесс формирования представлений о личности партнера общения. Однако с позиции функционирования грамматического рода в английском языке может возникать противоположная мысль: набор и содержание связанных с полом характеристик личности определяются нашими представлениями о том, чем является пол для человека. То, что мы воспринимаем в качестве пола человека, не может быть объективным критерием, влияющим на наши представления о личности, поскольку пол сам является представлением о том, что входит в содержание этого понятия, а что не входит. То, что мы видим в качестве пола партнера по общению, на самом деле задается логикой понятия и представления о поле. И этот тезис вполне закономерен с точки зрения культурно-исторической концепции психики Л.С. Выготского и его представлений о роли языка в формировании социального мышления. Он прямо соотносится с мыслью Л. Витгенштейна о том, что наши описания и объяснения мира могут формироваться только внутри определенного языка.

Именно грамматическая особенность английского языка позволила Дж. Мани увидеть феномен пола с радикальной иной для классического знания позиции и предложить новый способ его осмысления не только в психологии, но в социально-гуманитарном знании в целом. Но такая грамматическая особенность в английском языке не существовала изначально. Древний английский язык точно так же, как русский и другие языки из индоевропейской семьи, имел родовые артикли или соответствующие окончания в структуре самих существительных. Причем, эти артикли и окончания совсем не обязательно были связаны с фактом наличия определенного природного пола или его отсутствия у объектов, означаемых через существительные. Например, латинский язык тоже имел исключительно формальную родовую структуру, никак не привязанную к природному полу объектов (Abbott, 1911). В современных языках эта особенность заметна по сей день в грамматическом роде существительных, обозначающих неоду-

шевленные объекты. Разве дверь или мяч имеют какие-нибудь половые признаки? Хотя слова, обозначающие эти объекты, имеют женский и мужской род соответственно. Грамматический род, по мнению Э. Классена, является продуктом письменной, а не устной культуры (Classen, 2012). Этот элемент в разных языках имеет разную историю: в одних он сохранился до сих пор в виде субстанциальной структуры слов (например, в русском, испанском, немецком и др.), а в других со временем был утрачен или трансформирован (например, в армянском или английском соответственно).

Условия для появления в языке феномена грамматического рода складываются тогда, когда люди начинают выделять человека в качестве особой категории окружающего мира и отличать его от «не-людей», избавляясь от установки антропоморфизма. Так, в устном языке сначала появляется особая градация разделенных на роды личных местоимений третьего лица: «он, она, оно». Наш современник Г. Платцер подтверждает тезис Э. Классена о том, что поначалу грамматический род в языке имел отношение только к миру людей. Категории мужского, женского и среднего рода в древнеанглийском языке изначально действительно выступали маркерами для выделения человека в особый класс живых существ и подчеркивания характера отношения людей к другим объектам (Platzer, 2001). Например, по отношению к людям средний род никогда не используется, если говорящий не преследует цели дегуманизировать того, о ком говорится. По отношению к одушевленным существам других классов возможно употребление всех трех местоимений (он, она или оно – *he, she, it*) в зависимости от их приближенности к человеку: по отношению к муравью чаще используется *it* (оно), а по отношению к домашнему животному – *he* или *she* (он, она). Для слов, обозначающих домашних животных, нередко есть различные формы грамматического рода, связанные с их полом (*bull/cow*). По отношению же к неодушевленным объектам всегда применяется только приписываемый, условный гендер, который выполняет исключительно функцию «фигуры речи» для выражения личного отношения говорящего к объекту.

Постепенное проникновение грамматического рода в практику функционирования языка привело к формированию соответствующих социальных представлений о тотальном разделении всех объектов живой и неживой природы на три большие группы: разделенные на два

противоположных пола, либо не обладающие полом вообще. Э. Классен полагал, что грамматический род в языке появился отнюдь не потому, что он отражает объективную реальность полового диморфизма. Напротив, лингвистическое, а затем и понятийное различие людьми объектов, обладающих или не обладающих половым диморфизмом, является результатом развития речи и понятийного мышления в условиях письменной культуры. Можно, конечно, предположить, что в языке сначала формируется т.н. «естественный» грамматический род, базирующийся на наглядно воспринимаемых различиях половых органов живых объектов, а затем на его основе в сочетании с установкой антропоморфизма будто бы происходит расширение родовых признаков и на неодушевленные предметы. Однако, как показывает Т. Лэкер, до начала XVIII в. это явное различие в половой организации мужского и женского организма отнюдь не рассматривалось людьми как абсолютное и субстанциальное (Laqueur, 1990). На протяжении почти двух тысяч лет люди в европейской культуре были убеждены, что пол, по сути, един, и женские половые органы являются разновидностью мужских: просто у мужчин половые органы обращены наружу, а у женщин – вовнутрь в зеркальном отражении. Античный врач Гален в свое время дал сексистское объяснение таким представлениям об однополой природе человека: якобы у женщин половые органы потому обращены внутрь, поскольку у них недостаточная по сравнению с мужчинами жизненная сила, вследствие чего в процессе внутриутробного развития половые органы так и не могут выйти наружу.

Это представление отражается и в этимологии слов *man* (человек, мужчина) в английском языке и «человек» в славянских языках. В древнеанглийском языке слово *man* имело средний род (Online Etymology Dictionary). Для обозначения мужчины или женщины использовались гендерно маркированные части слова *wer* и *wif*, которые имели следующую полную структуру: *wærtann* (человек мужского рода) и *wiftann* (человек женского рода). В логике галеновской модели однополого человека, господствовавшей в европейской культуре до XVIII в., слово *wærtann* редуцировалось до *tan*, тогда как *wiftann* – трансформировалось до *wotan*. В славянских языках слово «человек» также, скорее всего, первоначально имело значение «собранное в целое, единое» или «представитель, слуга целого множества, рода» (Фасмер,

2009, т. 4). Слово «мужчина» в русском языке, по М. Фасмеру, в дальней этимологии сходно с этимологией слова *tan* в английском: это слово трансформируется от слова «муж», которое в славянских языках выступает аналогом *tan*, посредством добавления суффикса «-щина» (означающего свойство, присущее отдельной особи целого рода). И появилось это слово в русском языке в значении представителя мужского рода никак не ранее XV в.

Господство однополой модели человека проявлялось и в том, что ни в одном из европейских языков вплоть до 1700 г. женская половая структура не имела собственных имен существительных (Laqueur, 1990, с. 159). Даже анатомическая структура мужских и женских половых органов описывалась одинаковыми словами, поэтому определить, идет ли в тексте речь о мужчине или женщине, можно было исключительно по контексту и описанию выполняемых функций. Как отмечает Т. Лэкер, в рисунках и описаниях человеческого тела в античных, средневековых и произведениях эпохи Возрождения порой можно увидеть совершенно немыслимые с современной точки зрения образы и сравнения: пророк Мухаммед в качестве прообраза совершенной женщины, младенец Иисус с женскими грудями, страшилки о мужчинах, теряющих мужской телесный облик вследствие слишком интенсивного общения с женщинами, лактирующие мужчины и др. (там же, с. 7). Автор высказывает предположение о том, что в европейской культуре до эпохи Просвещения природный пол, с которым якобы мог соотноситься «естественный» грамматический род существительных, на самом деле является эпифеноменом, производным от культурных категорий, объясняющих различное социальное предназначение мужчин и женщин. Иными словами, «естественный» род существительных (*natural gender*) – это всего лишь частная разновидность общей категории грамматического рода. Для людей, живших в до-индустриальном европейском обществе, биологический пол индивида явно имел условную и социальную, а не сущностную и не биологическую природу. В представлениях тех исторических времен пол, скорее, выступал оформлением и венцом совершаемых человеком действий и его поведения, но не их причиной. Он был приложением к социальному предназначению, социальному положению, социокультурной роли человека и не имел онтологического смысла.

Если обратиться к этимологии слова «пол» (*sex*), то мы обнаружим, что в латинском языке

оно восходит к глаголу *seco* – разделять, рассекать, делить пополам, отделять половину (Online Etymology Dictionary). В значении телесного низа слово *sex* в латинском языке никогда не употреблялось. Ни в древнегреческом, ни в латинском языке понятий, соответствующих нынешним значениям слов «секс», «сексуальный», «сексуальность» не существовало (Ramprone, 2011). Люди той эпохи не выделяли пол и сексуальность в качестве самостоятельных важных категорий, имеющих значение для объяснения поведения и психологических характеристик человека. В античных языках присутствовали слова, которые обозначали различные функции телесного низа, но собирательного понятия для того, что мы сегодня называем полом и сексуальностью, не было. Слова, связанные с функциями телесного низа, обозначали широкий спектр от выделительных и репродуктивных функций организма до значений оберега и плодородия в целом. Как отмечает Дж. Адамс, различные репрезентации половых органов в рисунках, обрядовых действиях, песнях, надписях, обыденной речи и т.д. выполняли обычно функции символизации плодородия, защиты от злых сил, выражения сильного эмоционального возбуждения (например, в случае празднования победы или наказания врагов), а также развлекательную функцию даже в том случае, когда эти репрезентации считались непристойными (Adams, 1990).

Слово *sex* вошло в английский язык в XIV в. и вплоть до XVIII в. использовалось в том же значении, что и слово *sect* – отделение, подразделение, вид, фракция, каста, группа сторонников, партия. Когда в 1382 г. Дж. Уиклиф с помощниками осуществили перевод латинского текста Библии на английский язык, они использовали слово *sex* в значении «вид, разновидность»: Ной выбирает для своего ковчега по паре живых существ каждого вида – мужского и женского – «the maal sex and femaal» (цит. по Haeberle, 2007). Такая же ситуация обнаруживается при обращении к этимологии слова «пол» в русском языке: в ближайшей этимологии оно восходит к слову «половина», а в дальней этимологии имеет значения «сторона», «партия», «раздел», «отделение» (Фасмер, 2009, т. 3). Таким образом, понятие о биологическом поле возникает на основе условного деления людей на социальные группы по анатомо-генитальному признаку, сопровождающегося установлением социального неравенства. Сначала появляется синкретическое (без четкого деления социальной или биологической природы) описание различий людей, отличающихся

анатомически и по детородным функциям, затем возникает группирующее условное понятие пола, с которым и соотносится «естественный» грамматический род.

Этимология слова «гендер» также указывает на функцию деления, но в контексте деления, возникшего на основе какого-то общего источника происхождения. В английский язык это слово попадает в XIV в. эпоху норманнского завоевания из французского, а туда – из латинского, в котором оно имеет значение «род», «разновидность», «особый порядок функционирования», «то, что производит на свет, порождает». Поэтому в доиндустриальную эпоху понятия рода (гендера) и пола в европейских языках, как отмечает Т. Лэкер, были взаимосвязанными по содержанию и не различались существенным образом (там же, с. 8). Оба понятия относились к различиям между людьми, имеющими исключительно социальное значение, но в разных аспектах: поведенческом (гендер) или телесном (пол).

Такая логика находит косвенное подтверждение в изысканиях Г. Платцера, обнаружившего параллельное существование в древнеанглийском языке грамматического (безотносительно наличия или отсутствия пола у объекта речи в реальности) и «естественного» грамматического рода существительных. Причем «естественный» грамматический род во многих случаях далеко не однозначно соотносится с биологическим полом означаемого объекта (там же, 2001). Это несовпадение не является случайным. Согласно теории Л. Витгенштейна, грамматические правила и категории позволяют придавать осмысленность высказываниям только в случае признания всеми носителями языка обоснованности сконструированного смысла. Утверждение, что любовь четырехсторонняя, а человек – однополое существо, с грамматической точки зрения совершенно корректно. Вопрос в том, какой смысл говорящие так люди вкладывают в эти высказывания, и является ли они легитимными, т.е. обоснованными и признанными всеми.

Мужественность – это не мужское, а женственность – не женское

Как показывают кросс-культурные антропологические исследования, наличие в языке мужского и женского грамматического рода, а также представлений о мужественности и женственности, во-первых, не имеет

универсальных связей с культурными представлениями о поле, а во-вторых, совершенно не обязательно основано на идее полового диморфизма. Американский антрополог Дж. Хердт отмечает, что концепт диморфизма как универсальной и сущностной характеристики пола возникает только в мышлении, сформированном в европейской культуре строго определенного времени – эпохи Просвещения (Herd, 1990). Общеизвестным же элементом здравого смысла он становится под влиянием авторитета науки в эпоху индустриального общества, когда с помощью биологического редукционизма пытались объяснить чуть ли не все социальные феномены. На тот факт, что прямое соотношение диморфической модели пола с категориями маскулинности и фемининности не является ни универсальным, ни научно достоверным (особенно при рассмотрении ненормативных феноменов пола, гендера и сексуальности – например, гермафродитизма, транссексуальности, транссвестизма, гомосексуальности и т.п.), обратил внимание антрополог и теоретик культуры К. Гирц (Geertz, 1980, с. 80–84). По мнению этого ученого, родовые категории маскулинности и фемининности не отражают ни личного, ни коллективного опыта. Они, по сути, выступают для людей сконструированными внешними нормативными границами, оценочными категориями различия и сравнения. На основе этих категорий формируется отношение к биологическому и социальному разнообразию людей, создаются социальные характеристики людей с различным полом и сексуальностью, задаются нормативные образцы. В большинстве культур (включая европейскую до наступления эпохи Просвещения) содержание категорий маскулинности и фемининности никогда не выводилось из половой организации индивидов. Этот факт сегодня обнаруживается и в некоторых аборигенных культурах, в которых обнаруживается похожая ситуация. Например, в племени Самбия в Папуа Новой Гвинее или на островах Доминиканской республики, которые в этом отношении были внимательно изучены Дж. Хердтом.

Несмотря на то, что в языках указанных аборигенных культур имеется два грамматических рода (мужской и женский), и социальный порядок основан на иерархически организованной полярности мужественности и женственности, представления о половой организации в этих культурах основаны отнюдь не на диморфизме, а на тройственной модели пола: мужчина, жен-

щина и некий «третий» пол. Существование трехмерной модели пола в изученных Дж. Хердтом культурах связано с тем обстоятельством, что в силу социогеографической замкнутости в этих обществах относительно часто рождаются мужчины с дефицитом фермента 5-альфа редуктазы. Данная биологическая особенность приводит к тому, что в мужской популяции у некоторых индивидов снижена выработка дигидротестостерона, а это выражается в изначальном недоразвитии половых органов по мужскому типу – ложном гермафродитизме или, точнее, интерсексуальности. Однако поскольку уровень тестостерона в плазме крови у таких индивидов всегда соответствует нормальному мужскому организму, при достижении пубертатного возраста (около 12 лет) у них начинается телесная вирилизация (развитие совокупных мужских признаков). Дж. Хердт обнаружил, что люди из обследованных им культур никогда не рассматривают подобных индивидов ни в качестве мужчин, ни женщин. Их считают людьми особого «вида»/пола, для обозначения которого всегда есть особое существительное (например, *kwolu-aatmwol* в племени Самбия на Папуа Новой Гвинее или *guevedoche* на одном из островов Доминиканской республики). Мужчины с такой особенностью организма на протяжении всей жизни считаются *kwolu-aatmwol* или *guevedoche*, а перемены в развитии маркируются в языке посредством прибавления к базовому половому обозначению родового маркера: например, сначала жено-*guevedoche*, а затем муже-*guevedoche*. Психологические трансформации, сопровождающие развитие индивидов «третьего» пола от «женского» к «мужскому» гендерному полюсу, как обнаружил Дж. Хердт, часто бывают неполными (возможна и частичная смена «женских» характеристик личности и поведения на «мужские»). Трансформирование поведения в направлении «мужского» полюса основано исключительно на личном выборе самих лиц «третьего» пола: приобретая больше «мужских» качеств, они получают больше привилегий в социальном и экономическом статусе в силу «мачистского» гендерного порядка. Социальное окружение не стимулирует процесс гендерной трансформации лиц «третьего» пола: их не пытаются «переделать» в мужчину или женщину. Такие индивиды просто не вовлекаются в отдельные обряды гендерной социализации, предусмотренные для нормативных мужчин или женщин, однако и не исключаются из процесса повседневного социального обще-

ния: например, в племени Самбия мужчины псевдогермафродиты не допускаются только к последнему (из трех этапов) обряду мужской социализации. Но при этом отношение к ним сохраняется в разной степени отрицательное, поскольку оно формируется на основе бинарных оценочных родовых (гендерных) категорий в рамках системы ценностей, предполагающей однозначное социальное доминирование мужчин в публичной и частной сфере.

Таким образом, историко-лингвистические и кросс-культурные антропологические исследования, а также работы в области истории культурных представлений о поле показывают, что концепт полового диморфизма, который якобы напрямую определяет бинарность гендерных характеристик личности и поведения, на самом деле является продуктом европейской культуры определенной исторической эпохи. Бинарность родового (гендерного) различия мужского и женского в европейской культуре начинает связываться с сущностной бинарностью биологического пола, только в XVIII в. К. Левин отмечает, что бинарность, которая лежит в основе научной мысли эпохи Модерна, вообще-то не является извечным универсальным принципом (Левин, 2001). Историко-психологический анализ особенностей мышления людей эпохи средневековья, осуществленный А.Я. Гуревичем, также указывает на отсутствие у них дихотомического взгляда на мироустройство (Гуревич, 1990). Мир для людей средневековья состоял только из соприкасающихся и взаимопроникающих частей, между которыми не было непроницаемых пространственно-временных границ. Люди воспринимались как статичный набор типологических поведенческих моделей, который не имеет внутренней связности и целостности, и который никак нельзя поделить на разные полюса по критерию их сущности. Проявление того или иного типа поведения детерминировано обстоятельствами или судьбой, но не внутренней сущностью человека – она просто отсутствует в рамках средневекового мышления.

Бинарное мышление начинает доминировать в Европе только во второй половине XIX в., когда поляризованное видение мира вкупе с дихотомическим «черно-белым» мышлением становятся мощным инструментом реализации политики оценочного нормативизма, свойственной индустриальному обществу. Для реализации этой политики и был нужен метод научного, т.е. рационального и эмпирического обоснованного

определения добра и зла, нужного и ненужного, правильного и неправильного с целью улучшения человеческой природы и социальных отношений в соответствии с определенными ценностными идеалами. Как отмечает В. Кристенсен, оценочный нормативизм, усиленный научным обоснованием на основе дихотомической логики, является единственным устойчивым основанием рациональной деятельности, на которой зиждется общество индустриального типа: деятельности по преобразованию и улучшению мира и человека (Christensen, 2012).

Изменение базовой познавательной установки как раз и привело в XIX в. к изменению символических связей между категорией грамматического рода и биологического пола во всех европейских языках. Однако в английском языке в силу исторических причин сохранилась возможность возрождения прежней модели восприятия мира, в которой гендер и пол не состояли в жесткой причинно-следственной связке, что и произошло в середине 1950-х гг. в результате накопления эмпирических фактов, связанных с научным анализом ненормативных проявлений сексуальности – прежде всего, транссексуальности.

Дело в том, что английский язык в XII–XIII вв. утратил грамматическую определенность слов. Английская исследовательница истории языка Э. Курзан полагает, что это было связано с тенденцией к упрощению бытовой коммуникации двуязычных жителей острова, которые после завоевания викингами свободно говорили на древнеанглийском и древненорвежском языках, в которых грамматические роды слов не совпадали и маркировались разными артиклями (Curzan, 2009). Жители Британских островов на протяжении средних веков не раз сталкивались с ситуацией билингвизма. Например, в период норманнского завоевания французский язык был языком знати, тогда как английский – языком неграмотной черни. В этой связи путаница в правильном употреблении родовых признаков в устной и письменной речи также способствовала исчезновению грамматической определенности английских слов. Если в отношении обладающих зрительно верифицируемым полом живых существ в устной и письменной речи можно прибегать к «естественному» гендеру, соотношенному с полом, то в отношении неодушевленных существительных (таких как солнце, любовь, страх и пр.) подобного рода соотношение для правильного употребления артиклей грамматического рода невозможно.

Родовые несовпадения существительных – обычное дело в европейских языках. Например, в испанском языке слова «любовь», «страна» и «солнце» мужского рода, а в русском – женского и среднего соответственно. Кроме того, правильному соотнесению грамматического и «естественного» рода слов в речи в сложных или запутанных случаях мешает нормативность языка, коррелирующая с нормативностью социального порядка, в котором мужской род и мужчины как социальная группа являются привилегированным «классом». Это обстоятельство можно увидеть на примере цитируемой выше книги, автором которой является Э. Курзан. Согласно грамматической норме, мы всегда должны писать «Английский историк Э. Курзан утверждает...». Если читатель не включен в контекст научных исследований в соответствующей области, то на основе так написанного предложения он может подумать, что Э. Курзан – мужчина. Однако Э. Курзан – это женщина по имени Энн (Анна). Если следовать языковой норме, то избежать подобной ошибки в приписывании автору книги того или иного гендера на основе одного-единственного упоминания в речи без упоминания вспомогательных гендерных характеристик невозможно. Ведь языковая норма никогда не разрешит нам написать или сказать «Английская историчка языка Э. Курзан утверждает...».

На отсутствие субстанциональной связи между грамматическим родом (гендером), связанным с выделением мужских и женских признаков объектов речи, и полом и обратил внимание Дж. Мани. Когда этот ученый пытался описать взаимодействие элементов многоуровневой структуры пола у транссексуалов, он столкнулся с логическим противоречием (Money, 1955). Например, высказывание приобретало очень сложный вид, когда нужно было сказать, что пациент Джон в общении реализует мужскую половую роль, в то время как его половые органы не являются мужскими, а генетический пол является женским. Получалось, что между проявлениями уровней пола нет логической, причинно-следственной связи. Сначала решение проблемы казалось только лингвистическим приемом: Дж. Мани предложил оставить за термином «пол» лишь значение органа, выполняющего исключительно репродуктивную функцию, а весь комплекс характеристик, составляющих внешний облик и психологических черт личности, которые включены в систему социальных отношений и символи-

чески связываются в восприятии человека с его полом, назвать «гендером». Другими словами, под гендером предлагалось понимать весь комплекс характеристик, которые позволяют нам в процессе общения воспринимать человека в качестве мужчины или женщины. То есть гендер, согласно точке зрения Дж. Мани, – это сложный социальный образ человека, обладающего, по мнению воспринимающих его людей, определенным полом. Это сложный комплекс характеристик, восприятие которых в процессе общения, позволяет нам не только называть партнера мужчиной или женщиной, но и оценивать степень нормативности проявления этих характеристик. Воспринимая себя или другого человека в качестве мужчины или женщины в большинстве ситуаций общения, мы практически не фиксируем внимание на репродуктивных органах и не оцениваем характер выполняемой ими репродуктивной функции. Обращение внимания на наличие определенного репродуктивного органа или телесных особенностей внешнего облика, связанных с физиологией мужского тела – например, более выраженные в размерах, чем у женщин, кадык и нижняя челюсть – обычно происходит либо в случаях затруднений половой идентификации социального партнера, как в примерах «гендерного сбоя» в общении (Уэст, Зиммерман, 2000), либо же в случаях особой социальной значимости наличия у человека определенного генитального пола. В любом случае, введение Дж. Мани термина «гендер» в психологию подчеркивало то обстоятельство, что пол человека в ситуациях социального взаимодействия чаще всего приписывается в результате категоризации по социально установленным критериям в процессе социального восприятия. Мы преимущественно обращаем внимание лишь на условные характеристики, проявляемые в общении, на основании которых делаем вывод о том, каким полом обладает носитель этих качеств. На основе этой идеи возникла практика называть любое разделение выборки на мужчин и женщин разделением по признаку гендера, а не пола. Ведь исследователь осуществляет эту процедуру на основе социального восприятия проявлений пола респондентов, а не на основе уточнения наличия определенных гениталий и репродуктивных функций их организма.

Показательным примером этого факта выступает самое первое описание Р. Столлером, Г. Гарфинкелем и А. Розеном случая M-to-F транссек-

суала Агнес (Stoller et al., 1960). Авторы статьи, которые входили в мультипрофессиональную группу клинических экспертов, пишут, что когда эксперты впервые увидели Агнес, никто ни на минуту не усомнился в том, что они видят перед собой физически полноценную молодую девушку, которая обладает мужскими гениталиями, т.е. является гермафродитом. В то время операции по изменению пола в США были разрешены исключительно для гермафродитов (пациентов с интерсексуальностью), поскольку транссексуальность еще не была выделена в отдельную диагностическую категорию. Единственным еле уловимым для непосвященных, но видимым для экспертов, патогномичным (Агнес оказалась в клинике с диагнозом «интерсексуальность») признаком внешнего облика, мужским телесным маркером были рот, нижняя челюсть и кадык – немного великоватые для обычной женщины. Но все другие характеристики внешнего облика, включая поведенческую экспрессию, были, по мнению наблюдающих Агнес людей, однозначно женскими. Эксперты без тени сомнения подтвердили интерсексуальность Агнес (т.е. наличие у нее характеристик обоих полов) и наличие у нее показаний к хирургическому изменению пола. Медицинские эксперты обнаружили у нее женский уровень эстрогена в плазме крови и сделали вывод о том, что у пациентки есть синдром тестикулярной феминизации (т.е. будто бы ее яички производят эстроген на уровне половых органов биологической женщины). Тот факт, что никаких внутренних женских половых органов у Агнес обнаружено не было, как не было обнаружено никаких доказательств того, что эстроген производится яичками, не смутил медицинских экспертов, поскольку она по внешнему облику практически не отличалась от нормальной женщины. Эксперты сочли обнаруженное обстоятельство казуистическим (редким, необычным). Следует отметить, что экспертная оценка Агнес в клинике перед операцией осуществлялась на протяжении трех лет! И только пять лет спустя после хирургического изменения пола Агнес сама призналась сотрудникам клиники, что обманула их. Женские вторичные половые признаки в пубертатном возрасте развились у нее отнюдь не спонтанно: когда в возрасте 12 лет она убедилась в том, что ощущает себя женщиной, и ее мужской телесный облик – это ошибка природы, Агнес начала сознательно, тайком принимать синтетический эстроген «Стилбестроль», который был назначен ее матери для лечения пост-менструального синдрома (Hausman, 1995, с. 2).

Случай Агнес не только способствовал институционализации феномена транссексуальности посредством выделения важного диагностического критерия – субъективного желания изменить пол. Он позволил Р. Столлеру спустя восемь лет после первого описания случая Агнес (в 1968 г.) уточнить содержание введенного ранее его коллегой Дж. Мани понятия «гендер», сведя это понятие к комплексу представлений о маскулинности и фемининности, которые определяют социальное восприятие человека в качестве представителя того или иного пола. Собственно, именно в такой более узкой интерпретации понятие гендер и было усвоено русскоязычными исследователями в 1990-е годы, без учета социокультурного контекста, в котором этот термин вошел в дискурс зарубежных социальных наук и психологии. Вследствие, мягко говоря, «лингвистической наивности», а также в результате неотрефлексированного импорта этой категории в отечественной психологии сложилась своеобразная традиция разделения выборок респондентов одновременно по «полу» и по «гендеру», одномоментных срезов содержания «половой», «сексуальной» и «гендерной» идентичностей. Мало кто задумывается, что на английском языке передать зарубежным коллегам смысл этих выделяемых некоторыми отечественными психологами видов идентичности без утраты специфического содержания, которое они вкладывают в эти слова, просто невозможно.

С вхождением категории «гендер» в пространство социальных и психологических исследований в осмыслении феномена пола и сексуальности не просто произошло смещение акцента на важность социального восприятия и первоочередное значение интерпретации человека в качестве представителя определенного пола. Сложилась также и условия для диалектического возвращения исторически древней идеи об условности и опосредованности любых связей между гендерными характеристиками, сексуальностью и биологическим полом. Появилась возможность заново увидеть, что пол, гендер и сексуальность вполне могут существовать независимо друг от друга, иметь параллельные, не обусловленные причинно-следственной связью формы выражения. Также возникла идея о том, что сам пол как система представлений, упорядочивающая наше видение и интерпретацию некоторого набора естественнонаучных фактов, вполне может рассматриваться, как разновидность гендера, а не наоборот.

От «гендерного фактора» к гендерной концепции общения

Введенный в психологию с целью более внятного описания и объяснения клинических случаев ненормативного развития сексуальности, новый термин, с учетом исторического контекста его существования в английском языке и изменившегося научного дискурса о поле, логично вошел в созданную в начале 1960-х годов П. Бергером и Т. Лукманом теорию социального конструирования реальности, которая выступила продолжением идей феноменологической социологии и символического интеракционизма. С этого момента гендер из специального термина, обозначающего комплекс представлений о маскулинности и фемининности, превращается в полноценную социальную категорию, которая характеризует универсальный способ организации системы социальных отношений, стратификации структуры социальных связей, создания и воспроизводства социального неравенства и распределения власти в системе социальных отношений с учетом пола и сексуальности социальных партнеров. Современное употребление термина гендер скорее должно быть связано с ориентацией на теорию социального конструирования реальности. Хотя это понятие многие до сих пор продолжают употреблять в столлеровском варианте, в котором источником представлений о маскулинности и фемининности может быть и пол как внешний объективный фактор (Воронцов, 2009). Другими словами, гендерные представления могут считаться «отражением» в сознании и культуре объективно существующего феномена полового диморфизма, если исследователь стоит на позиции биологического эссенциализма и понимает пол исключительно в соответствии с моделью, выработанной наукой эпохи Модерна. С другой стороны, они могут считаться исторически изменчивым, легитимным способом видения и интерпретации различий в биологической структуре и функциях человеческого организма, имеющим стратификационные и политические последствия, который не отражает, а, напротив, создает (конструирует) параметры социального поведения и личностных характеристик людей с разной анатомией тела.

К. Герген обращает внимание на то, что теория социального конструирования реальности имеет ключевое значение для социальной психологии, поскольку она акцентирует внимание на том, что любое знание о мире и человеке, заключенное

в наших представлениях, проистекает из межличностных отношений и диалогического общения (К. Герген, 2005, с. 61). Ключевым аспектом представлений людей о маскулинности и фемининности, о «сути» мужчин и женщин и природе их сексуальности является, прежде всего, интерпретация видимых анатомических различий, объективно имеющих физические особенности внешнего облика и различия репродуктивных функций. Эта интерпретация включает в себя нормативное определение допустимых моделей выразительного поведения и оформления внешнего облика, а также социальных функций для людей, разделенных по анатомо-физиологическим характеристикам (прежде всего, по генитальному признаку) на две большие группы. Анатомо-физиологические различия выступают основанием для конструирования психологических и социальных различий через интерпретацию того, как могут проявляться эти базовые биологические различия в пространстве социальных и межличностных отношений. Есть ли вообще какая-нибудь связь между биологическими различиями и моделями поведения мужчин и женщин в социальном пространстве. Сколько таких моделей вообще должно или может существовать: две, три или более. Как мы видели выше, эти интерпретации создают порой радикально различные модели пола и каноны мужественности и женственности как, прежде всего, социального, межгруппового различия.

Интерпретация является базовым компонентом социальной перцепции в процессе общения. Именно интерпретация внешнего облика мужчин и женщин как партнеров социального взаимодействия и межличностного общения создает в общении представление о поле, гендере и сексуальности на уровне логического познания людьми особенностей друг друга. Как отмечает В.Н. Панферов, интерпретация – это способ познания человека в общении, который отличается высокой мерой субъективности, условности и произвола (Панферов, 1975). Поэтому когда речь идет о социальном конструировании пола, гендера и сексуальности в процессе общения, то следует не забывать о том, что создание смыслов в отдельных интерпретациях, осуществляемых на межличностном уровне общения, обязательно проходит через этап культурной легитимации и последующей институционализации этих частных субъективных интерпретаций на основе доминирующих социокультурных ценностей. На уровне межличностного общения формируется всего лишь «сырое» множество всевозможных

смыслов и значений, объясняющих различия во внешнем облике, личности и поведении людей с разными анатомическими и генитальными признаками. Далеко не все из них могут стать и становятся социальными представлениями, задающими преобладающие способы восприятия реальности. Из множества частных интерпретаций отбираются те, которые кажутся наиболее обоснованными, согласующимися с ценностями и интересами доминирующих в системе социальных отношений групп. Вот такие интерпретации и закрепляются в качестве нормативных образцов, задающих социальный (гендерный) порядок, становятся социальными институтами (установленным, регламентированным порядком, образцами гендерных отношений и поведения).

В виде социальных конструктов пол, гендер и сексуальность являются продуктом социальной перцепции, создаваемым в общении в соответствии с легитимными для определенных контекстов моделями внешнего облика, а совсем не индивидуальной особенностью, влияющей на социальную перцепцию внешним образом. Некоторый набор компонентов внешнего облика воспринимается как гендер и позволяет осуществить категоризацию партнера по полу и приписать ему определенные сексуальные предпочтения на основе имеющейся когнитивной установки о наличии жесткой причинно-следственной связи между полом, гендером и сексуальностью. Однако сама эта установка является продуктом определенной культуры эпохи Модерна, в которой появилось понятие субъекта, обладающего характеристиками целостности, связности и самодетерминации. Без этой установки пол, гендер и сексуальность не оказываются тесно связанными причинно-следственными связями между собой. Вместе с тем, внешний облик, на основании которого мы делаем заключение о поле, гендерных характеристиках и сексуальности партнера по общению, по сути, является не отражением некоторой сущности личности, а эффектом повторяющегося публичного воспроизведения определенного набора культурных знаков и традиций представления себя другим людям в качестве обладателя мужскими или женскими гениталиями. Другими словами, эта сущность, якобы задаваемая фактором пола, возникает в процессе социального взаимодействия, когда личность воспроизводит социально заданные значения пола, гендера и сексуальности.

Подобная трактовка вполне согласуется с классическим постулатом отечественной соци-

альной психологии о том, что межличностное общение определяется системой общественных отношений, а личность может быть представлена другим людям только посредством средств коммуникации, имеющих внеличностную природу. Как писал А.А. Бодалев, общественные формы взаимодействия являются обстоятельствами жизни человека и его личности (Бодалев, 1982, с. 5). Но мы редко задаемся вопросом, откуда и как возникают эти самые общественные формы. С точки зрения Дж. Батлер, общественные формы как раз и возникают в результате многократного воспроизведения одних и тех же способов действия в процессе общения («перформанса»). В ходе этого повторяющегося воспроизведения последовательность действий фиксируется, становится общепризнанной формой «правильной» последовательности экспрессивных действий, матрицей того, как надо действовать и самовыражаться. Легитимация формы в качестве образца действия происходит на основе интерпретации такой последовательности действий через призму доминирующих ценностей. Легитимация социальной формы выражения гендера не позволяет говорить о гендере как перформансе (его невозможно менять как перчатки именно в силу нормативной фиксации гендерно маркированного содержания экспрессивных форм). Можно говорить лишь о перформативности гендера – его зависимости от степени постоянства воспроизведения (в т.ч. неосознанного, автоматического) экспрессивных форм мужественности и женственности в социальном взаимодействии.

Постоянно повторяющиеся в общении формы выражения личности с течением времени фиксируются, облачаются в форму социальных ожиданий и норм (предписаний). Реализация этих форм в общении формирует личность человека: личность есть то, что она делает, продукт действий, но не их причина. Делая нечто в соответствии с социальными ожиданиями и предписаниями, человек и становится тем, кем он есть. Это не подобие театрального действия, когда нужно правильно изобразить что-то предположенное извне «обществом», «выучив» гендерную роль. Матрица – это всего лишь рамки допустимого действия. Но действует личность в этих рамках всегда индивидуально, по своему усмотрению, что всегда предполагает возможность изменения рамок, изменения матрицы со временем. Общественная форма и ее индивидуальное воплощение никогда не совпадают. Поэтому люди не просто усваивают обществен-

ные формы (социализируются), они активны в их реализации и изменении правил реализации. С этим обстоятельством как раз связано то, что пол, гендер и сексуальность все время могут переопределяться в своей сути, менять свое значение, место и роль в жизни человека.

Пересечение идей А.А. Бодалева и Дж. Батлер позволяет сделать вывод, что в межличностном общении происходит индивидуализированное исполнение социально фиксированной матрицы действий, которая становится нормативным образцом для определенного социального контекста. По мысли Дж. Батлер, гендер по сути является только лишь нормативной моделью, которая реализуется в исполнении социальных ожиданий. Социальные ожидания выполняют нормативную функцию, определяя, что и как должно проявляться в качестве мужского или женского в том или ином контексте общения. Это отнюдь не какой-то свод правил, не что-то внешне установленное, чему люди должны соответствовать. Нормативная модель – это общественная форма отношений и поведения, внутренний стандарт действий и их последовательности, принцип существования личности (субъекта) в определенном качестве. Следование этой модели в общении делает людей понятными друг для друга. Гендер как норма никогда не воплощается в субъекте в полном объеме, никогда не реализуется в конкретном поведении и действиях. Норма отвечает только за социальное восприятие и усвоение действия. Она может не совпадать с тем, как субъект реально ведет себя в той или иной ситуации. Это несоответствие в реальных практиках общения всегда оставляет возможность для изменения нормы, изменения точки зрения, взгляда на то, что является нормативным, «правильным» исполнением мужского или женского качества. Норма определяет познаваемость действий, позволяет определенным видам действий становиться социально различимыми, дает возможность оценки этих действий как приемлемых или неприемлемых в пространстве общения. Таким образом, гендер – это матрица восприятия и интерпретации телесных, личностных и поведенческих форм, матрица маскулинности и фемининности. Этот тезис Дж. Батлер соотносится с тем, как видел этот процесс А.А. Бодалев: «Исходя из своего прошлого опыта общения с разными категориями людей в разных обстоятельствах, индивидуум ожидает от другого человека в каждой из ситуаций одни формы действий чаще, а другие реже. Это ожидание является субъективным выражением объективного факта вероятности сигнала» (Бодалев, 1982, с. 13).

На роль нормативности в социальной перцепции обратил внимание еще С.Л. Рубинштейн в работе «Принципы и пути развития психологии» (1959). Нормативный характер социального взаимодействия позволяет автоматически интерпретировать личность партнера по общению, избавляя от необходимости вникать в смысл поведения окружающих нас людей, в истинные мотивы их действий. Но стоит другому человеку отойти от «само собой разумеющейся» манеры поведения или небезразличному для нас лицу «огорошить» необычным для него поступком, как процесс интерпретации их поведения выдвигается на передний план. Мы не просто регистрируем внешнюю сторону их поведения, а пытаемся психологически объяснить их поступки, их личность, фиксируя, оправдывая и институционализируя отдельные, кажущиеся наиболее подходящими и удобными интерпретации. Так создается сущность людей, которые демонстрируют ненормативные модели самопредъявления себя в общении. Однако спектр реализуемых в обыденной жизни ненормативных практик эти легитимные интерпретации подрывает, постоянно поднимая вопрос об их якобы еще не до конца раскрытой сущности.

А.А. Бодалев сделал из этого факта важное заключение. Пока манера общения с другими, род занятий, качество труда, внешний облик, отклик на происходящие события, преследуемые цели, весь уклад жизни, присущие другому человеку, соответствуют образцам, которым привык следовать общающийся с ним субъект, последний обычно проявляет своеобразное «равнодушие» к психологии другого. Он, так сказать, без сомнений и доказательств полагает, что у другого человека «психология» такая же, как и у него (Бодалев, 1982, с. 30). Восприятие любой ненормативности, которая интерпретируется в качестве значительного или значимого, имеющего особое значение отличия (по образу жизни, манере вести себя, реагированию на происходящие события, внешнему облику), ведет к попыткам конструирования особой («другой» или даже «иной») психологии, будто бы свойственной ненормативному партнеру «по его особой природе». Именно ненормативность вызывает особый познавательный интерес, делая невидимой для познания саму норму, которая по умолчанию полагается понятной, само собой разумеющейся и радикально отличной по сущностным признакам от не-нормы. Если учесть то, что гендерные нормы никогда не проявляются людьми в полной мере в повседневных практиках общения, а служат всего лишь оценочными кри-

териями, то становится понятным реализуемый в общении интерес к фиксации гендерных различий и постулированию «исконных» гендерных «сущностей» партнера. Это попытка «схватить» подвижную, текучую реальность бытия личности, сформировать некоторое «ядро» этой личности, приспособленное для удовлетворения интересов и потребностей, и при этом предсказуемое и объяснимое для последующих социальных взаимодействий.

На поверхности явления ненормативность действительно связана с некоторыми особыми качествами личности, которые пересекаются с потребностями, интересами, чувствами, которые не считаются «нормальными», допустимыми или желательными с точки зрения других людей. Однако связь между поведением и психологической структурой отнюдь не однозначная и не прямая. Она всегда опосредована социальными институтами, которые задают рамки как психологического содержания, так и поведенческих средств его реализации. Содержание ненормативности и ее проявления возникают на пересечении с властным измерением системы отношений личности. Способ социального поведения, задаваемый институционально и вызываемый социальными ожиданиями в определенном контексте взаимодействия может не полностью соответствовать или вообще не соответствовать имеющейся у личности системе отношений.

После работ Ж. Лакана мы уже не можем однозначно полагать, что гендер как нормативная модель общения – это всегда и только социальное определение. Это также и символическая интерпретация мужского и женского, возникающая внутри личности (хотя и на основе социально заданных рамок дефиниций). Гендерный образ личности партнеров, создаваемый в процессе общения, всегда выступает в ипостаси символической фигуры, участвующей в регуляции межличностного взаимодействия. Например, фигуры, задающей символические позиции партнеров в системе родства. Или фигуры «настоящего» бравого парня, или «настоящей» хрупкой женщины. Эти символические фигуры всегда получают некоторое общее наименование: «Мужчина-Защитник», «Женщина-Мать», «Мужчина-Воин», «Женщина-Хозяйка», «Дева Мария», «Мария Магдалина» и т.п. При этом следует учитывать, что, по Ж. Лакану, символическое (языковое) именование гендерного субъекта совсем не обязательно совпадает с его социальными характеристиками. В свою очередь, это приводит к более сложному восприятию

личности в общении на пересечении пола, гендера и сексуальности. Социально родственный субъект (например, мужчина, воспринимаемый другими мужчинами в качестве члена «своей» группы) в то же самое время может восприниматься этими же мужчинами «чужим», «другим», «иным» в символическом смысле – как «ненастоящий», «неправильный», «чужак». И наоборот – символически «свой», родственный «по духу» может восприниматься в социальном плане как «чужой среди своих», «нетипичный» представитель и т.п. Например, это различие было эмпирически зафиксировано нами в сравнительном исследовании отношения мужчин этнических армян и этнических русских, проживающих в одном социокультурном пространстве, к гомосексуальным членам своей этнической группы (Воронцов, 2012). Гомосексуальный армянин воспринимается мужчинами из армянской общины оппозиционно, как «иной чужой» (такой мужчина не может называться армянином), тогда как в группе этнических русских гомосексуальный русский воспринимается скорее, как «плохой, неправильный свой» (требующий не исключения, а «исправления» «неправильной» мужественности свой член общности).

Гендерное и сексуальное различие людей изначально конструируется в процессе социальной перцепции на основе иерархического неравенства и дихотомии нормативности/ненормативности, а не просто различия и взаимодополнения. Отсылка к биологии, биологической сущности в рамках гендерной модели, основанной на идее полового диморфизма, функционально является способом легитимации и оправдания созданного на основе определенных ценностей социального различия. Так, в биологическом эссенциализме мужское и женское понимается как равнозначное и в одинаковой мере важное. Однако, в нормативном ключе их содержание всегда противопоставляется и не пересекается, что например, находит выражение в популярном сексистском тезисе американского психолога Дж. Грэя о «мужчинах с Марса и женщинах с Венеры», а в русском фольклоре – в тезисе о мужчине-голове и женщине-шее.

Выводы

Какие же выводы напрашиваются после такого подробного анализа роли фактора пола, гендера и сексуальности в общении? Психологи много говорят о том, что в общении проявля-

ется сущность человека, которая познается другими людьми. Но с учетом накопленного на сегодняшний день знания в равной мере можно утверждать, что сущность сначала создается в общении. Иначе как она там возникает, если не в результате серии повторяющихся поступков и взаимных действий, которые, как подчеркивал А.А. Бодалев, выступают обстоятельствами нашей жизни. Сущность личности оказывается превращенной формой в развитии и функционировании сложной системы отношений. В процессе общения происходит сложная трансформация пола, гендера и сексуальности как продуктов социальной перцепции в независимый и детерминирующий фактор, который к тому же и натурализуется, скрывая его социальную природу. Пол, гендер и сексуальность представляются нам исходными предпосылками, причинами определенного восприятия и специфического познания людьми друг друга, определенных способов самовыражения в общении. Тогда как

они представляют собой социальные конструкты и символические образы, сложившиеся на основе нормативизированных, повторяющихся и фиксированных способов взаимодействия и способов предъявления себя другим, которые соотносятся с доминирующими в определенную историческую эпоху ценностями. Конструкты, которые по своему нормативному содержанию всегда более узки, нежели реально осуществляемые людьми повседневные практики общения в разных социальных контекстах, что и делает их изменчивыми, разными по своему содержанию и адаптивными соответственно изменяющимся контекстам. В этом отношении, они выступают не статичными факторами, которые что-то детерминируют в общении. Пол, гендер и сексуальность являются полноценными содержательными компонентами, которые не отражают, а формируют гендерную и сексуальную идентичности личности, создают субъекта общения, наделяя его определенными гендерными признаками и сексуальностью.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 1998.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
3. Бодалев А.А. Проблема познания людьми друг друга в отечественной психологии // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2015. С. 30.
4. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 208 с.
5. Воронцов Д.В. Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 2. С. 8–18.
6. Воронцов Д.В. Отношение к гомосексуальности в структуре этнической идентичности армянских и русских мужчин, проживающих в одном регионе // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Третьей Международной научной конференции 24–25 мая 2012 г. / Отв. ред. В.В. Гриценко. В 2 т. Смоленск: Маджента, 2012. Т. 1. Проблемы методологии этнической и кросс-культурной психологии. С. 62–65.
7. Воронцов Д.В. Гендер и квин: *novum organum* российской социальной психологии, или «приличные» термины для «неприличного» предмета // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 4. С. 14–29.
8. Герген К. Дж. Социальное конструирование и трансформация социальных наук // Симпозиум: *Studia Humanitatis*. Ежегодный междисциплинарный журнал. Выпуск 2-й, 2005. Часть 1. Материалы Международного междисциплинарного симпозиума памяти Жака Деррида «Ситуация Post: Что после?», г. Ростов-на-Дону, 5–7 июня 2005. С. 60–71.
9. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
10. Левин К. Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в биологии и психологии // Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 54–84.
11. Панферов В.Н. Социально-психологическая интерпретация личности как феномен познания человека человеком // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар: Изд-во КГУ, 1975. С. 46–48.
12. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

13. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов: переводы под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. С. 193–219.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.: Пер. с нем. О.Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б.А. Ларина. 4-е изд., стереотип. М.: АСТ, 2009. Т. 3, Т. 4.
15. Чекалина А. Д.: 1) Гендер и взаимодействие в детском возрасте // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2015. С. 110; 2) Гендер и детско-родительские отношения // Там же. С. 111; 3) Гендерные различия в общении // Там же. С. 111–112.
16. Abbott F.F. The Common People of Ancient Rome: Studies of Roman Life and Literature. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1911. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/13226/13226-h/13226-h.htm>, свободный (11.08.2015).
17. Adams J.N. The Latin Sexual Vocabulary. Baltimore, MD.: Johns Hopkins University Press, 1990. 273 p.
18. Christensen W. Natural sources of normativity // Studies in History and Philosophy of Science. Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 2012. Vol. 43. Issue 1, pp. 104–112
19. Classen E. Outlines of the History of the English Language: New ed. of 1919 Edition. Harppress Publishing, 2012.
20. Curzan A. Gender Shifts in the History of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
21. Geertz C. Common Sense as a Cultural System // Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology / C. Geertz. 3 edition. N. Y.: Basic Books, 1985. P. 73–93.
22. Haeberle E.J. Human Sexual Behavior: E-Learning Course, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sexarchive.info/ECR6/index.html>, свободный (10.08.2015).
23. Hausman B.L. Changing Sex: Transsexualism, Technology, and the Idea of Gender. Durham, N.C.: Duke University Press, 1995.
24. Herdt G. Mistaken Gender: 5- α Reductase Hermaphroditism and the Biological Reductionism in Sexual Identity Reconsidered // American Anthropologist. 1990. № 92. P. 433–446.
25. Laqueur T. Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud. Harvard University Press, 1992.
26. Money J. Linguistic resources and psychodynamic theory // British Journal of Medical Sexology. 1955. Vol. 20. P. 264–266.
27. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/>, свободный (17.05.2015).
28. Platzer H. “No Sex, Please, We’re Anglo-Saxon?” On Grammatical Gender in Old English // View[z]: Vienna English Working Papers. 2001. № 10. P. 34–47.
29. Rampone W.R. Sexuality in the Age of Shakespeare. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC, 2011.
30. Stoller R., Garfinkel H., Rosen A.C. Passing and the maintenance of sexual identification in an intersexed patient // AMA Archives of General Psychiatry. 1960. Vol. 2. P. 379–384.

РАЗДЕЛ 2

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ПОЗНАНИЕ: ВОСПРИЯТИЕ И ПОЗНАНИЕ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО В ЧЕЛОВЕКЕ

ГЛАВА 1.

Особенности мышления о другом человеке в юношеском возрасте

(Белоусова А.К., Вышквыркина М. А.)

Введение

Мышление как познавательный процесс исследовалось многими учеными на протяжении всей истории отечественной и зарубежной психологии. В центр внимания исследователей попадали процессуальные (цели, структура, мотивы, анализ и синтез и др.), личностные (инициативность, креативность и др.) особенности мышления человека. Как правило, анализировались особенности мышления, направленного на познание свойств окружающего мира. Однако необходимо отметить, что в психологии существовали попытки в теоретическом и эмпирическом плане исследовать проблему, касающуюся познания и мышления другого человека.

В психологии личности в работах Дж. Келли (Келли, 2000) разрабатывается теория «личностных конструктов». Под конструктом понимается то, чем два или несколько объектов сходны между собой и, следовательно, отличны от третьего объекта или нескольких других объектов. Конструкты выступают средством, критерием, в соответствии с которым человек сравнивает между собой других людей и себя. Важность составляет также то, в каких направлениях сравнивает себя и других человек, т.е. какие группы качеств, интеллектуальные, личностные, нравственные и другие выбирает человек (Шкуратова, 1994).

Х. Гарднер одним из первых предложил концепцию множественного интеллекта, в котором среди прочих выделил интерперсональный и интраперсональный интеллект. Интерперсональный интеллект описывается, как способность понимать намерения, мотивацию, чувства и желания других людей, которая позволяет людям эффективно взаимодей-

ствовать и отвечать на социальные вызовы. Интраперсональный интеллект предполагает способность понимать себя, оценивать свои чувства и мотивацию, что помогает формировать модель самого себя, используя ее в собственной жизни (Аткинсон и др., 2007).

С. Фiske показала, что в социальном познании схема имеет свой аффективно-оценочный компонент, который содержится внутри нее. При восприятии объекта, соответствующего схеме, эта оценка актуализируется и влияет на формирование оценочного суждения относительно данного объекта. Этот феномен получил название «аффект, включенный схемой» (Андреева, 2000).

На основе анализа литературы Г.М. Андреева приходит к выводу, что в исследованиях социальной перцепции заложен фундамент, который интегрирует в себе когнитивные процессы человека: внимание, кодирование, хранение, воспроизведение, а также эмоциональное сопровождение (эмоции и оценивание). По мнению автора, переход к социальному познанию расширяет спектр социальных объектов: образ-Я, образ Другого, образ Группы, образ Времени, образ Среды, образы других социальных объектов, образ Мира. Г.М. Андреева описывает пять основных типов субъектов социального познания, выделенных К.Гергеном: рациональный человек – который в познании руководствуется доводами, но не эмоциями; наивный психолог – человек, у которого в основе оценок другого лежит представление о некотором сцеплении черт в человеке; производитель данных – человек, который оценивает другого на основе порядка поступления информации о нем; когнитивный скупеец (скряга) – человек, допускающий много ошибок в оценивании другого человека из-за излишней «экономности»

своих суждений; когнитивно-аффективный тип – опирается в своих оценках на эмоции: никогда не действует «по логике», но всегда «по психологике» (Андреева, 2000, с. 54–55).

Рассматривая роль совместной деятельности в процессах межличностного познания, Г.М. Андреева полагает, что один субъект оценивает другого в его отношении к объекту деятельности. В ее трактовке воспринимаемый человек предстает как своего рода «сообщение», в котором выделяется внешняя сторона – текст – и внутренняя сторона – смысл. В процессе познания роль текста выполняет поведение воспринимаемого человека, а функцию смысла – деятельность, в которую включен воспринимаемый человек (Андреева, 2000).

О.К. Тихомиров считает, что в ходе взаимодействия у партнеров мышление включается при решении «задач на смысл». В процессе общения происходит смыслопостижение, дающее возможность человеку понять смыслы партнера и свои собственные. Таким образом, познание другого человека представляет собой интерпретацию и оценку его целей, мотивов, проблем, а также умение оценить ситуацию и других людей с позиции познаваемого человека. В ходе познания Другого человек интерпретирует и оценивает личностные и ситуационные факторы, влияющие на поведения познаваемого, оценивает свое и его поведения. Познание человека человеком в процессе общения происходит с помощью оценки Другого, его целей, мотивов, стиля мышления, планов и др. (Тихомиров, 2002).

А.К. Белоусова полагает, что в условиях совместной мыслительной деятельности индивидуальное мышление осуществляется через процессы смыслоформирования, целеформирования, мотивоформирования и формирования оценок, результатом которых выступают основные новообразования: смыслы, цели, мотивы, оценки. Основные идеи А.К.Белоусовой, касающиеся структурирующих мышление процессов, были реализованы в ряде предыдущих работ (Белоусова, Вышквыркина, 2009; Вышквыркина, 2009). Обобщив и интегрировав исследования по психологии мышления и психологии социального познания, взяв за основу идеи А.К.Белоусовой, М.А. Вышквыркина определила структуру мышления о другом человеке, выделив в нем следующие компоненты: оценивающий; действенный; смысловорождающий (Вышквыркина, 2009).

Дальнейшее развитие представлений о компонентах мышления в структуре межличностного познания, представленное в работах

М.А. Вышквыркиной, наблюдается в работах А.А. Гринько. Автором было показано развитие оценочных процессов как компонента мышления о другом человеке в процессе групповой психотерапии. Исследователь рассматривает групповую психотерапию как совместную мыслительную деятельность, предметом которой выступает другой человек (или сам субъект познания). Групповая психотерапия выступает фактором, влияющим на формирование оценочных процессов о себе и Другом, характеризующих мышление о другом человеке (Гринько, 2011). В работах автора было выявлено, что в процессы мышления о Другом включаются смысловые установки участников, способствующие «снятию» мышления о другом человеке или себе и проявляющиеся в готовности оценивать некоторые качества определенным образом (завышать или занижать) (Белоусова, Гринько, 2011).

Представление о мышлении в межличностном познании в трудах А.А. Бодалева и его последователей

В работах А.А. Бодалева и его учеников мышление о другом человеке исследуется как аспект социальной перцепции, а также в контексте исследования совместной деятельности. А.А. Бодалев считает, что познание людьми друг друга – сложный и многоступенчатый процесс. Он проходит через все уровни чувственного и логического отражения, начиная с ощущения и заканчивая мышлением.

Познание людьми друг друга является обязательной стороной их взаимодействия и условием регулирования каждым из них своего поведения в соответствии с обстоятельствами и решаемыми в этом взаимодействии задачами. Образы восприятия, представления и формирующиеся у индивида понятия о другом человеке, концентрируя в себе информацию о других людях, дают ему возможность действовать по отношению к каждому из них целесообразно (Бодалев, 1982). По мнению автора, построив образ познаваемого человека на основе фиксирования характеристик его внешности, субъект не ограничивается таким знанием. Субъект познания создает систему заключений о человеке, в которых фиксируются качества, свидетельствующие о способностях человека или выражающие его отношение к различным сторонам действительности, или говорящие о его социально-групповой принадлежности.

В повседневных привычных жизненных ситуациях, как указывает А.А. Бодалев, процесс, раскрывающий психическое содержание поведения человека, свернут. Но стоит другому человеку отойти от «само собой разумеющейся» манеры поведения или «огорошить» необычным поступком, как процесс интерпретации поведения выдвинется на передний план: «Мы не просто регистрируем внешнюю сторону их поведения, а пытаемся психологически объяснить необычные поступки, для чего порой начинаем дополнительно наблюдать за этими людьми» (там же, с. 30). При этом любое мышление совершается в обобщениях, поэтому и для формирования у человека знания о другом человеке как личности также характерно образование обобщений и вместе с тем опора на ранее сформированные обобщения. Вынося оценку особенностям личности нового человека, познающий индивид опирается постоянно на обобщения. Обязательным компонентом мыслительного процесса, направленного на постижение сущности другого человека, является актуализация в сознании познающего накопленных психологических знаний в ходе взаимодействия с другими людьми (Бодалев, 1982).

Развитием идей А.А. Бодалева о понимании и интерпретации как процессах познания другого человека является работа В.А. Лабунской, в которой интерпретация невербального поведения рассматривается в качестве структурного компонента понимания (Лабунская, 1990). Интерпретация носит творческий, активно-деятельностный характер. По мнению автора, в условиях общения у человека возникают интерпретации, выступающие в качестве гипотез, проверка которых происходит при актуализации и формировании коммуникативных задач, связанных с необходимостью познания другого человека. Таким образом, в условиях общения, интерпретируя невербальное поведение партнеров, человек, решая коммуникативные задачи, по существу, осуществляет мышление о другом человеке.

Интерес представляет более поздняя работа В.А. Лабунской, в которой самопрезентация рассматривается как «конструирование образа для других или переструктурирование образа о себе у других и у самого себя о себе» (Лабунская, 2008, с. 252). Понимаемую таким образом самопрезентацию можно рассматривать в качестве следствия или результатом рефлексивно-мыслительной деятельности человека, предметом которой высту-

пает сам человек, в своих качествах и особенностях внешности, личности и пр. Собственно, об этом же, на наш взгляд, пишет на последующих страницах и автор, говоря, что «самопрезентация – это не только управление впечатлениями других людей, но и один из способов получения знаний субъекта о себе, об отношении к самому себе» (Лабунская, 2008, с. 275).

Г.В. Сериков указывает, что в работах А.А. Бодалева интерпретация не всегда выделяется в качестве отдельного момента социально-перцептивных процессов, как самостоятельное явление в сфере социального познания, а сам термин употребляется рядоположно с такими понятиями, как «оценка», «расшифровка», «психологическое объяснение». Однако наиболее существенные характеристики данного явления раскрываются через особенности феноменов, «генетически связанных» с ним (понимание, отражение, восприятие, познание) (Сериков, 2001). Анализируя работы А.А. Бодалева, исследователь выделяет ее объектно-субъектную обусловленность как важнейшую характеристику интерпретации, т.е. зависимость интерпретации от: 1) особенностей представленности в поведении личности тех чувственных данных, которые отражаются и интерпретируются; 2) индивидуальных характеристик самого субъекта интерпретации. Кроме того, по мнению автора, сюда следует отнести и такие характеристики интерпретации, как достаточность (полнота), проективность, избирательность, правильность/адекватность.

По мнению автора, социально-психологическая интерпретация представляет собой феномен, отличный по своему содержанию, направленности и характеру от явлений социально-психологического и общепсихологического характера, обозначаемых понятиями приписывание и оценивание. Социально-психологическая интерпретация, по мнению автора, это интеллектуальная процедура создания и последующей верификации гипотез. Она обусловлена социальными потребностями человека и социально-психологическими задачами его межличностного или внутригруппового взаимодействия. Как считает автор, целью социально-психологической интерпретации является адекватное понимание сущности воспринимаемого полисемантического объекта социальной действительности (Сериков, 2013).

По мере развития мышления, функционирующего в процессе общения, с точки зрения А.А. Бодалева, происходит изменение форм

познавательных действий: из внешних, практических, во внутренние, собственно психологические. По мере формирования внутренних действий появляется возможность познавать других людей, не вступая с ними в реальное взаимодействие, т.е. по принципу интерпретации поведения или внешности. Но для полного и адекватного понимания другого человека, необходимо актуализировать всю систему социально ориентированных действий, которые эксплицируют вовне эти качества. Без подобной актуализации знания о другом человеке представляют собой поверхностные абстракции, которые лишены психологического содержания.

В установлении более глубокого понимания в системе межличностных отношений участвуют такие явления как рефлексия, идентификация и эмпатия. Выполнение этими явлениями познавательных функций, по мнению автора, возможно только в случае, если познающий индивид ориентируется на позиции или точки зрения другого (Бодалев, Васина, 2005). При этом авторы указывают, что в процессе общения один участник приписывает другому такие же характеристики познавательных процессов, которые присущи ему самому, вкладывает в него свои собственные эмоциональные переживания, видит в нем цели, мотивы и способы осуществления целей, к которым прибегает сам. К тому же, положительные особенности своей психики и личности человек чаще приписывает нравящимся ему людям, а неприемлемые – людям, им отвергаемым.

А.А. Бодалев, основываясь на исследованиях К.М. Романова, считает, что для обозначения мышления, функционирующего в процессе межличностного познания, надо использовать термин гуманитарно-психологическое мышление, т.к. в нем выделяются содержательная специфика процесса и конкретный объект исследования. К числу отличительных особенностей гуманитарно-психологического мышления автор относит диалогичность, тесность связей с защитными механизмами, повышенную зависимость от потребностно-мотивационной и эмоциональной сфер личности, глубокую включенность в структуру самосознания, специфику механизмов, непосредственную включенность в контекст межличностного взаимодействия. Данному виду мышления свойственны и общие для любого мышления характеристики: активность, способность к воспроизведению познаваемой реальности, структурность, опосредованность, социаль-

ность. Развитое гуманитарно-психологическое мышление характеризуется повышением уровня рефлексии (Бодалев, Васина, 2005). Ученые показывают, что в структуре зрелого гуманитарно-психологического мышления можно выделить четыре относительно самостоятельных вида: аффективное, наглядно-содейственное, образное и вербальное. Эти виды отличаются друг от друга по генетическому статусу, форме, средствам, уровню обобщенности, функциям, познавательным возможностям и другим параметрам. Каждый из представленных видов является необходимым, но не достаточным условием для полноценного отражения воспринимаемого субъекта.

К.М. Романов определяет понимание человека как психический процесс субъективного воссоздания его внутренней психологической сущности, как процесс субъективного воссоздания человека как субъекта, как личности и как индивидуальности (Романов, 2001). Инструментом межличностного понимания служит особый вид мышления, которое он назвал психологическим. Психологическое мышление рассматривает как систему умственных действий, на основе которых осуществляется мысленное воссоздание психологических характеристик человека. По своей генетической природе они представляют собой преобразованные социальные действия (или межличностные воздействия), которые автор называет содействиями. Содействие – это акт, направленный на актуализацию внешней или внутренней активности другого человека (например, просьба, вопрос, ответ, ирония, похвала и т. п.). В ходе развития содействие преобразуется во внутреннее умственное действие. Психологическое мышление, по мнению автора, должно быть творческим процессом, оно включено в реальное общение и совместную деятельность. Своими результатами психологическое мышление определяет процесс межличностного взаимодействия и постоянно корректируется им. Психологическое мышление должно быть открытым по отношению к реальной жизненной практике общения и к другому человеку. Психологическое мышление глубоко связано с личностью. Оно опосредствует отношения субъекта не только с другими людьми, но и с самим собой, т.е. является составной частью самосознания.

Психологическое мышление встречается двух видов: житейское и научное, они отличаются между собой по происхождению, точности, логичности, объективности и другим параметрам.

трам. Житейское психологическое мышление является наиболее распространенным и формируется в процессе совместной деятельности и общения, т.е. стихийно на основе личностного опыта. Этот тип психологического мышления не отражает сущности психологических явлений и ориентировано на упрощение психологической реальности. Житейский тип психологического мышления индивидуален, имеет тесную связь с психологическими механизмами личности и отличается повышенной зависимостью от эмоционально-потребностной сферы субъекта. Поэтому, решение психологических задач детерминировано в большой степени настроением человека или его отношением к познаваемому лицу. Формирование научного типа психологического мышления происходит только в процессе специального обучения. Важным условием для формирования высшей формы межличностного познания – психологического мышления – является, по мнению автора, процесс вербализации межличностных содействий.

К.М. Романов провел теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме межличностного познания, в результате которого были выделены две методологические схемы, лежащие, по мнению автора, в основе экспериментальных исследований. Первую модель автор назвал пассивно-созерцательной, вторую – активно-деятельностной (Романов, 1996).

В рамках пассивно-созерцательной модели межличностное познание, по мнению автора, понимается как процесс созерцания пассивным субъектом активного и независимого объекта познания. Познание человека человеком по этой модели осуществляется следующим образом: объект познания предстает перед познающим субъектом как совокупность чувственных признаков и поведенческих актов, в которых заключена его внутренняя психологическая сущность; субъект познания «расшифровывает» эту внешнюю сторону другого человека, проникая в его внутреннюю психологическую сущность. Эта схема, как считает автор, интерпретирует картину, которая открывается внешнему «наивному» наблюдателю, созерцающему процесс познания человека человеком. Она отражает зависимость образа от особенностей объекта познания. Схематично данную модель можно обозначить такой формулой «объект познания → субъект познания». В западной психологии наиболее близки к данной схеме, как считает автор, когнитивные модели межличностного познания. С этих позиций межличностное познание выгля-

дит следующим образом: стимульная информация о другом человеке воздействует на субъекта, и, преломляясь через когнитивную структуру, детерминирует соответствующие способы поведения. В рамках такой схемы субъект представляет пассивную сторону познавательного процесса, а объект познания является активной стороной этого процесса. К.М. Романов считает, что к данной модели межличностного познания можно отнести теорию каузальной атрибуции (Романов, 1996).

По мнению Л.Д. Росса, теории каузальной атрибуции отражают усилия обычного человека «понять причины и следствия событий, свидетелями которых они являются; иначе говоря, изучают наивную психологию «человека с улицы», как он интерпретирует свое поведение и поведение других» (Каузальная атрибуция, 2005, с. 297). «Перевод» на язык атрибутивных теорий проблем социальной перцепции, мотивации, мышления основывался на ряде предпосылок. В.Б. Олшанский выделяет в качестве важнейших из них две (Олшанский, 1978):

1. Другие люди воспринимаются иначе, чем неодушевленные предметы. Человек и его поступок составляют в восприятии специфическую каузальную единицу; он выступает и как исполнитель поступка, и как его автор. Мотив, цель и намерение воспринимаются в единстве с направлением и возможностями его действий.

2. Причинные отношения человек воспринимает как непосредственный сенсорный факт (так же как определенный цвет или звук), а не как результат умозаключения.

В числе отличительных особенностей человека как объекта познания, по мнению К.М. Романова, является то, что он сам является субъектом активной деятельности, познания и общения. С этим сторонники теории каузальной атрибуции связывают и другую особенность – стремление человека преподнести себя, т.е. произвести нужное впечатление на другого (Романов, 1996).

В активно-деятельностной модели межличностного познания автор подчеркивает факт активности отражения. В данной схеме межличностное познание выступает как процесс активной познавательной деятельности субъекта, направленной на отражение другого человека. Романов К.М. указывает, что познание человека человеком в отечественной психологии изначально рассматривалось в контексте деятельности (Романов, 1996). Как писал А.А.

Бодалев, познание и взаимное воздействие людей друг на друга является обязательным компонентом любой совместной деятельности (Бодалев, 1982).

В психологической науке в последние годы активно исследуется проблема формирования процесса познания человека человеком. В работах А.А. Бодалева и его учеников представлены исследования, посвященные изучению восприятия людей разных возрастных групп. По мнению ученого, восприятие человека человеком развивается вместе с развитием самого воспринимающего, формирует у него потребности в общении и познании. Начиная взаимодействовать с другими людьми в новой для себя деятельности, человек опирается на обобщенный им опыт познания людей и их поведения, накопленный им в иных условиях. Так, общение ребенка, начавшего посещать детский сад, с новыми для него людьми опирается на представления, которые у него сформировались в семье (Бодалев, 1982). По мнению автора, с приходом ребенка в школу одним из главных объектов познания для него становится поведение одноклассников: действия и поступки, характеризующие их как учеников. Умение оценить с этой точки зрения одноклассников приходит к ученику постепенно, по мере того, как он сам усваивает требования, предъявляемые школой, и вырабатывает эталоны для оценки работы и поведения соучеников. По мере того, как общение школьника выходит за пределы класса, расширяется круг деятельности, которыми он овладевает, происходят изменения в формирующейся у него системе знаний о людях: меняется содержание понятий о чертах и сторонах личности, развивается умение расшифровывать аспекты сложных действий и поступков, оценивать облик личности в целом.

С целью исследования того, как люди, находящиеся на разных ступенях возрастного развития, выделяют и воспринимают различия в другом человеке, А.А. Бодалев предложил лицам пяти возрастных групп (7–8 лет, 10–11 лет, 14–15 лет, 16–18 лет, 20–26 лет) дать характеристику сверстникам, которых они хорошо знают. При сопоставлении данных выяснилось:

- 1) на протяжении дошкольного и школьного периодов жизни человека происходит постепенное увеличение числа сторон, отмечаемых и оцениваемых в личности сверстников;
- 2) наблюдается рост круга качеств, выделяемых при характеристике каждой из сторон личности;

3) с формированием человека как субъекта познания и общения изменяется значение, которое испытуемый придает той или иной стороне личности другого человека, пытаясь дать ему характеристику.

Чем старше возрастная группа испытуемых, тем чаще в их характеристиках знакомых сверстников встречаются высказывания об убеждениях и кругозоре, о способностях, называются черты, выражающие отношение к труду и качества, говорящие об особенностях волевого развития характера личности. Чем старше исследуемые, тем чаще они отмечали у сверстников черты, в которых выражается отношение к самому себе, и чаще давали оценку его уму и речи (Бодалев, 1982).

В исследованиях А.А. Бодалева было обнаружено, что в студенческих группах четко прослеживаются различия в понимании другой личности между испытуемыми. Разные студенты, характеризуя одних и тех же людей, предпринимали неодинаковое число попыток дать каждому из них обобщенную оценку их личности. Для одних студентов была характерна тенденция такую оценку производить постоянно, у других эта тенденция проявлялась слабо или не проявлялась совсем. По мнению автора, этот факт свидетельствует о том, что у части людей качества личности другого человека в понятие о нем фиксируются не рядоположно, и что среди этих качеств они выделяют ведущие, доминирующие.

Все студенты проявляли тенденцию наиболее часто отмечать в другом человеке качества, в которых проявляется его отношение к другим людям. При отображении других сторон личности у студентов отмечалась заметная индивидуальная избирательность. А.А. Бодалев объясняет данную тенденцию тем, что, в зависимости от конкретных условий, в которых человек формируется как личность, у него воспитывается привычка отдавать предпочтение определенным психическим качествам, и более или менее осознавая это, считать их более значимыми в жизни, чем другие психические качества. У студентов не в одинаковой степени развито также умение дифференцировать оттенки, характеризующие проявления той или иной стороны личности.

Все приведенные факты, по мнению автора, свидетельствуют о том, что каждый человек осознает и оценивает различные стороны одной и той же личности неодинаково успешно. С одной стороны, это связано с тем, что поступки

и дела конкретного человека способствуют выявлению одних качеств и затрудняют познание других. С другой стороны, человек, стремящийся понять другого, своим прошлым, как субъект познания других людей, всегда лучше подготовлен к анализу и оценке одних сторон и качеств личности хуже – к осмыслению других ее сторон и особенностей (Бодалев, 1982).

Т.И. Пашукова, анализируя работы А.А. Бодалева и его учеников, выделяет некоторые этапы изучения механизмов межличностного познания: выявление феноменов и стоящих за ними механизмов; исследование специфики механизмов межличностного восприятия и учет этих механизмов в практике применения тренингов, направленных на активное социально психологическое обучение и развитие социально-перцептивной компетентности (Пашукова, 2013).

В исследованиях А.А. Бодалева и его учеников использовалась различная терминология, за которой, на наш взгляд, стоит феноменология мышления, функционирующего в структуре межличностного познания. Обобщение терминов, используемых для обозначения мышления о другом человеке, позволяет нам выделить некоторые общие признаки, свойственные такому мышлению:

- 1) возникновение мышления инициируется новизной, неясностью, неопределенностью ситуации;
- 2) непосредственная включенность в контекст межличностных отношений;
- 3) зависимость от потребностно-мотивационной сферы;
- 4) зависимость от эмоциональной сферы;
- 5) специфические механизмы: эмпатия, рефлексия, идентификация, проекция, прогнозирование и т.д.;
- 6) актуализация в сознании человека знаний, накопленных в ходе взаимодействия с другими людьми (Вышквыркина, 2009).

Эмпирическое исследование

Мы исходили из понимания мышления о другом человеке, включающем в себя процессы, отражающие оценочные, действенные и смыслопорождающие компоненты, доминирующие у человека.

Целью исследования явилось изучение особенностей мышления о другом человеке в юношеском возрасте.

Респонденты

Исследование проводилось среди студентов ВУЗов. Всего в исследовании приняли участие 276 человек в возрасте от 17 до 19 лет.

Процедура исследования и методы исследования

Для анализа особенностей мышления, направленного на другого человека нами была использована специально подобранная потенциально-проблемная ситуация.

В основе предложенной ситуации лежит идея С.Л. Рубинштейна о том, что «...в повседневной жизни, общаясь с людьми, мы ориентируемся в их поведении, поскольку мы как бы «читаем» его, т. е. расшифровываем значение его внешних данных... Это «чтение» протекает бегло, поскольку в процессе общения с окружающими у нас вырабатывается определенный более или менее автоматически функционирующий психологический подтекст к их поведению» (Рубинштейн, 1959, с. 180). Так же автор замечает, что «...пока манера общения с другими, род занятий, качество труда, внешний облик, отклик на происходящие события, преследуемые цели, весь уклад жизни, присущие другому человеку, соответствуют образцам, которым привык следовать общающийся с ним субъект, последний обычно проявляет своеобразное «равнодушие» к психологии другого... И только, когда образ жизни, манера вести себя, реагирование на происходящие события, внешний облик человека отходят от тех «образцов», которые в глазах общающегося с ним являются выражением «нормы», последний от регистрации внешней стороны поведения познаваемого человека переходит к психологической классификации его поступков, пытается дать им ту или иную оценку и понять и познать этого человека как личность» (там же, с. 180).

Таким образом, базируясь на постулатах С. Л.Рубинштейна, в качестве потенциально – проблемной ситуации была использована одна из ситуаций предложенных Ф. Розенцвейгом в методике рисуночной фрустрации. Мы исходили из того, что в данном тесте предполагается несколько типов ситуаций, в частности, ситуации «препятствия». Выбранная нами ситуация, на наш взгляд, реализует актуальную для юношеского возраста сферу межличностных отношений.

Нами была предложена ситуация № 8 из методики рисуночной фрустрации Ф. Розенцвейга: «Представьте, что во время Вашей болезни Ваш парень (девушка) пригласил на вечеринку Вашу подругу (друга). Опишите Ваши действия в данной ситуации». Описание ситуации, представленное респондентами, анализировалось с помощью контент-анализа.

Результаты исследования

Анализ протоколов проведенного исследования позволил нам выделить в структуре мышления о другом человеке оценочные, действенные и смыслопорождающие процессы как компоненты мышления о другом человеке. Само представление о разрешении предложенной потенциально – проблемной ситуации было нами дифференцировано. Мы выделили, как процессы мышления о другом человеке, так и непосредственные формы ухода от инициации мышления.

В условиях потенциально-проблемной ситуации респонденты продемонстрировали: во-первых, представленность различных процессов мышления о другом человеке, выражающиеся в стремлении понять суть проблемы, причины ее возникновения и, исходя из этого, предложить варианты ее решения. Данная категория характеризуется тремя доминирующими процессами, которые могут перерасти в определенную форму мышления:

- «Оценивание», предполагающее доминирование процессов оценивания, направленного на другого человека – «задумалась бы о наших отношениях», «подумала(л) бы о том нужен ли он мне (она мне)», «сделал(ла) бы выводы о наших отношениях», «пересмотрел(ла) бы свое отношение к девушке (парню)»; «присматривалась бы к поведению своего парня», «перестану доверять», «стану проверять на верность»;
- «Действование», в котором доминирует готовность действовать по отношению к другому – «узнаю причины, но расстанусь», «попытаюсь разобраться, но все равно брошу», «поговорю, но все равно прощу»;
- «Смыслопорождение», или инициация мыслительной деятельности, направленная на разрешение противоречий в системе знаний о другом человеке, «узнаю причины такого поведения», – «узнаю мотивацию, а потом буду решать», «надо разобраться во всем,

а потом решать», «разужаю все в подробностях, а потом буду решать», «взвешу все «за» и «против».

Во-вторых, различные способы ухода от решения ситуации, которые отличаются большой вариативностью ответов. При использовании элементов контент-анализа, нами было выделено шесть категорий, объединяющих в себе аналогичные варианты ответов. Данные категории были выделены по нескольким критериям:

– по степени активности:

- «Пассивная стратегия» – «промолчу», «сделаю вид, что ничего не случилось», «поплачу, но прощу», «скрою эмоции»;
- «Активная стратегия» – «брошу», «расстанусь», «он для меня исчезнет», «перестану общаться», «буду игнорировать», «выброшу из головы»;

– по степени принятия ситуации:

- «Отрицание» – «такого не может быть», «он (она) так не поступит»;
- «Принятие» – «мне все равно», «это нормально», «в этом ничего такого нет», «я им (ей, ему) доверяю»;

– по направленности:

- «Агрессивная стратегия» – «отомщу», «убью», «набью морду», «скажу все, что о нем (ней) думаю», «дам пощечину», «поставлю в такое же положение», «заставлю его (ее) ревновать»;
- «Меркантильная стратегия» – «прощу за подарок», «прощу за повышенное внимание», «прощу, если он (она) сильно постарается», «прощу, если долго будет просить о прощении»;

Полученные результаты представлены на рисунке 1.

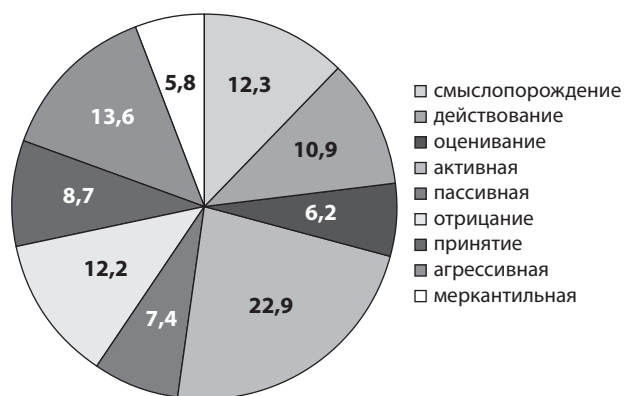


Рис. 1. Особенности представленности процессов мышления

Как показано на рисунке 1, только у 12,3 % испытуемых предложенная ситуация явилась

причиной смыслопорождения или инициации мышления о другом человеке. Данная группа испытуемых, описывая свое поведение в предложенной ситуации, высказала мнение о необходимости разобраться в предпосылках ее возникновения, в мотивации и причинах подобного поведения своего партнера, а также в степени своей вины. И на основании анализа вышеперечисленных факторов принимать решение, взвесив все «за» и «против».

В ответ на предложенную ситуацию 10,9 % испытуемых демонстрировали «действие». Данные процессы заключаются в следующем. Испытуемые пытаются разобраться в сложившейся ситуации, выяснить причину ее возникновения, определить причины того ли иного поведения своего партнера, однако, выход из проблемной ситуации не зависит от мотивации поступков партнера и логики развития ситуации. Респонденты заранее знают, как они поступят. Другими словами, мы можем предположить, что разбираясь в сложившейся ситуации, они не анализируют ее, а завершают процесс познания на этапе «сбора информации».

Для 6,2 % респондентов характерны процессы, обозначенные нами как «оценивание». В их основе лежит оценка возможности продолжения сложившихся отношений и переоценка своего отношения к партнеру. Таким образом, суть данных процессов заключается не в решении конфликтной или проблемной ситуации, а в пересмотре ценностно-мотивационной базы существующих отношений. Результатом этих оценок может быть как прекращение отношений, так и их сохранение, но уже с иным эмоциональным знаком отношения к партнеру.

В 70,6 % случаев респонденты уходят от процесса мышления, демонстрируя различные формы «защитного» поведения.

Наиболее часто (22,9 %) в высказываниях студентов встречается «активная» стратегия на предложенную ситуацию. Суть таких реакций состоит в активных действиях, направленных на прерывание межличностных отношений. При этом первокурсников не интересуют причины возникновения подобной ситуации и каково было поведение партнера в ней. Таким образом, поведение данной группы респондентов формируется исключительно на основании описания «внешней оболочки» ситуации, без вникания в суть проблемы. Мы полагаем, что такой тип стратегии в большинстве случаев является способом поддержания «своего мифа» в глазах однокурсников и проявлением демонстратив-

ности юношеской личности. В то же время, мы считаем, что некоторые из испытуемых описали свое реальное поведение в подобной ситуации, т.к. для юношеского возраста свойственно выбирать людей в качестве объектов, без реальной привязанности, бросать их и заменять другими, не испытывая чувства сожаления.

На втором месте по частоте встречаемости (13,6%) располагаются стратегии «агрессивного» типа. Суть данных стратегий состоит в стремлении причинить физическую или психическую боль своему партнеру, отомстить, выразить свое отношение к ситуации через скандал. Можно предположить, что высокая частота встречаемости «агрессивного» типа реакций связана с особенностями эмоциональной сферы в юношеском возрасте. Как указывает Кон И.С., для данного возрастного периода свойственна повышенная эмоциональность, что выражается в легкой возбудимости и длительной эмоциональной реакции в ответ на кратковременные раздражители. Обнаруженный факт можно интерпретировать так, что у респондентов данной группы эмоциональные процессы преобладают над когнитивными процессами вследствие слабо сформированного самоконтроля. Следовательно, по истечении эмоциональной реакции на проблемную ситуацию респонденты, вероятно, проводят анализ прошедших событий.

Третьей по частоте встречаемости (12,2 %) является группа стратегий, условно названная «отрицание». Суть реакций этого типа сводится к полному отрицанию возможности появления подобной ситуации в связи с однозначной уверенностью в своем партнере, выражающейся словами «он (она) так никогда не поступит, я его (ее) знаю». Подобный тип стратегий, на наш взгляд, может быть вызван такими факторами, как завышенная самооценка и излишняя самоуверенность испытуемого, идеализация партнера и «маниакальная» увлеченность им.

На четвертом месте по частоте встречаемости (8,7 %) располагаются варианты ответов, условно обозначенные как «нейтральные». Эта группа респондентов в предложенной ситуации не усмотрела наличие межличностного конфликта, и не описала способов решения проблемы. Мы можем предположить, что подобная реакция может быть связана с особенностями мировоззрения и воспитания, при которых некоторые конфликты и сложности расцениваются как несущественные и, следовательно, не требуют решения. Однако это может быть и ярко выраженная защитная реакция, целью которой явля-

ется сохранение взаимоотношений с партнером. Поэтому респонденты говорят о незначимости данной ситуации, чтобы не провоцировать конфликт и не поставить под угрозу имеющиеся отношения.

Пятую позицию (7,4 %) занимают ответы, относящиеся к группе «пассивных» стратегий. Сущность ответов в данной группе заключается в отсутствии какой-либо реакции выраженной вовне. Все респонденты данной группы сходились во мнении о необходимости скрыть свою внешнюю реакцию от партнера и «пережить» ситуацию внутри себя. Такая стратегия, на наш взгляд, может быть результатом страха одиночества и потери любимого человека. Иными словами, по мнению девушек, попытки размышления над ситуацией и выяснение предпосылок ее возникновения, могут вызвать негативную реакцию у партнера, которая приведет к разрыву отношений с ним.

На последнем месте (5,8 %) располагаются «меркантильные» типы стратегий. Эти стратегии направлены исключительно на получение неких благ, привилегий. Чаще всего, студенты готовы прощать все за материальные блага или повышенное внимание со стороны партнера. Мы можем предположить, что подобные реакции связаны с особенностями общества, в котором культ денег и материальных ценностей становится доминирующим среди молодежи.

Выводы

Было выявлено, что по отношению к потенциально проблемной ситуации межличностного взаимодействия у студентов наблюдаются про-

цессы мышления о другом человеке (29,4 %) и различные стратегии ухода от мышления (70,6 %) и от решения противоречий в системе знаний о другом человеке.

Процессы мышления о другом человеке, запускаемые в ответ на формируемое противоречие, представлены в следующем порядке: «смыслопорождающие» (12,3 %) – направлены на разрешение противоречий и порождение новых смыслов о другом человеке; «действенные» (10,9 %) – доминирует готовность действовать по отношению к другому; «оценочные» (6,2 %) – с доминированием оценивания, направленного на другого человека.

Стратегии «ухода» от решения противоречия, от мышления о другом человеке, представлены в следующем соотношении: по степени активности (30,3 %): «активная» (22,9 %) и «пассивная» (7,4 %) стратегии; по степени принятия ситуации (20,9 %): «отрицание» (12,2 %) и «принятие» (8,7 %); по направленности (19,4 %): «агрессивная» (направленность на другого) (13,6 %) и «меркантильная» (направленность на себя) (5,8 %).

Тенденция демонстрировать различные стратегии «ухода» от инициации мышления в потенциально проблемных ситуациях или в ситуациях личностно-конфликтных свойственна большинству людей. Подобная тенденция формируется в связи с особенностью человека в процессе межличностного познания оперировать имеющимися у него стереотипами, шаблонами общения. Следовательно, если имеющийся стереотип «ложится» на потенциально – проблемную ситуацию как вариант ее решения, то потребность в самом мышлении у человека отпадает, т.к. в его субъективном опыте проблема разрешена.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-пресс, 2000.
2. Аткинсон Р.Л., Аткинсон Р.С., Смит Э.Е., Бем Д.Дж., Нолен-Хозксема С. Введение в психологию / Под ред. В.П. Зинченко. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2007.
3. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов/Дону: Из-во РГПУ, 2002.
4. Белоусова А.К., Вышквыркина М.А. Особенности мышления о другом человеке // Известия ЮФУ. Педагогические науки. Ростов/Дону: Изд-во ПИ ЮФУ, 2009. № 8. С. 149–158.
5. Белоусова А.К., Гринько А.А. Личностные оценки как проявление смысловых установок в процессах мышления о другом человеке // Известия ЮФУ. Педагогические науки. Ростов/Дону: Изд-во ПИ ЮФУ, 2010. № 11. С. 129–136.
6. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Из-во МГУ, 1982.
7. Бодалев А.А. Психология о личности. М.: Из-во МГУ, 1988.
8. Бодалев А.А. О взаимосвязи общения и отношения // Вопросы психологии, 1994. № 1. С. 122–127.

9. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
10. Бодалев А.А., Васина Н.В. Познание человека человеком (возрастной, этнический и профессиональные аспекты) / Под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. СПб.: Речь, 2005.
11. Вышквыркина М.А. Конструктивные и деструктивные типы реакций на противоречие в системе представлений о другом человеке. Дисс.....канд. псих.н. Ростов/Дону, 2009.
12. Гринько А.А. Динамика оценки личностных качеств себя и других в процессе групповой психотерапии. Дисс.....канд. псих. н. Ростов/Дону, 2011.
13. Каузальная атрибуция // Популярная психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. С. 297.
14. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб: Речь, 2000.
15. Лабунская В.А. Интерпретация и коррекция невербального поведения в общении // Эмоциональные и познавательные характеристики общения / Отв. Ред. В.А.Лабунская. Ростов/Дону: Из-во РГУ, 1990. С. 74–108.
16. Лабунская В.А. Самопрезентация личности и отношение к внешнему Я // Психология личности. Ростов/Дону: Наука-Спектр, 2008. С. 251–279.
17. Ольшанский В. Б. Проблемы межличностных отношений в истории когнитивной психологии // Вопросы истории общей и прикладной психологии. Ростов/Дону: Из-во РГУ, 1978. С. 143–166.
18. Пашукова Т.И. Исследование механизмов межличностного познания в школе А.А. Бодалева // Школа А.А. Бодалева: теория, методология, практика: Материалы Круглого стола ПИ РАО 15 октября 2013 к 90-летию академика РАО А.А. Бодалева. М.: ПИ РАО, 2013. С. 84–87.
19. Романов К.М. Психология межличностного познания. Саранск, 1993.
20. Романов К.М. Мышление в структуре межличностного познания. Дисс. ... доктора психологических наук: 19.00.01. М., 1996.
21. Романов К.М. Особенности мышления, функционирующего в структуре межличностного познания. // Мир психологии. № 1. 2001. С. 141–145.
22. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Из-во АН СССР. 1959.
23. Сериков Г.В. Интерпретация невербального поведения в связи с социально – психологическими характеристиками личности. Автореф. дис. канд. психол.н., Ростов/Дону, 2001.
24. Сериков Г.В. Проблема понимания и интерпретации в работе А.А. Бодалева «Личность и общение» // Школа А.А. Бодалева: теория, методология, практика: Материалы Круглого стола ПИ РАО 15 октября 2013 к 90-летию академика РАО А.А. Бодалева / Ред. Н.Л. Карпова, Т.И. Пашукова. М.: ПИ РАО, 2013. С. 120–121.
25. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Академия, 2002.
26. Шкуратова И.П. Когнитивный стиль и общение. Ростов/Дону: Из-во РГПУ, 1994.

Введение

Возможно, достаточно тривиальным будет звучать утверждение, что естественность может выступать одной из характеристик экспрессии человека и его поведения в целом. Естественность достаточно высоко ценится, но быть естественным не так уж просто. Иногда это вызывает неприязнь, зависть и недоверие. Существует множество восхваляющих это качество высказываний, наряду с ироничными, высмеивающими его, утверждающими принципиальную невозможность достижения естественности или трудностях на этом пути: «...быть естественным – поза, и поза эта ужасно всех раздражает», или: «чтобы быть естественным, необходимо уметь притворяться» – О. Уайльд устами лорда Генри («Портрет Дориана Грея»), «ничто так не мешает естественности, как желание казаться естественным» – Ф. Ларошфуко. Отношение к естественности как ценности присутствует у Бальтасара Грациана («Непринужденность во всем. Она животворит достоинства, вдохновляет речи, одушевляет дела, красит все прекрасное в человеке»), Вольтера («Прекрасно только то, что естественно»). В поэтической форме об этой ценности естественности написал С. Есенин в поэме «Черный человек»: *«В грозы, в бури, в житейскую стынь, при тяжелых утратах и когда тебе грустно, казаться улыбчивым и простым – самое высшее в мире искусство»*.

В актерской профессии быть естественным – показатель профессионализма, а достижение естественности-органичности на сцене (сценической правды) порой превращается в тяжелый труд. Знаменитое «Не верю!» К.С. Станиславского – оценка естественности, правдивости существования актера в предлагаемых ему обстоятельствах.

Само слово «естественный» – многозначно. Согласно «Словарю русского языка» (1985–1988) прилагательное «естественный», относящееся к поведению человека, включает в себя такие значения как: «обычный для кого либо», «нормальный», «обусловленный самим ходом развития», «непринужденный», «простой», а существительное «естественность» входит в устойчивые словосочетания типа: «естественность позы»,

ГЛАВА 2. Внешнее и внутреннее, душа и тело в их «естественном» и «неестественном» взаимодействии (на примере героев литературных произведений) (Сериков Г.В.)

«естественность речи». Большинство отраженных в языке смыслов, связанных с понятием «естественность», касается восприятия другого человека. Наблюдая за поведением другого, человек невольно отмечает наигранность, фальшь в его реакциях на те или иные слова или события, поэтому, естественность и неестественность (фальшивость) могут выступать также оценочными категориями личности других людей. В то же время, сами представления о естественном и неестественном обуславливаются и нашим опытом, и бессознательным ощущением «правды, подлинности», и рационально-логическими выводами, и культурно-обусловленными нормами. Общеизвестно, что экспрессивное поведение, которое представляется нормальным в одной культуре, может быть абсолютно ненормальным, странным, неестественным в другой культуре. Человек, пытаясь объяснить экспрессивное поведение другого человека, будь это в реальной жизни, на сцене, в кино, в литературном произведении, «каузально атрибутирует», оценивает его в категориях: «естественно/правдиво» «неестественно/фальшиво». Во всех этих случаях, мы имеем дело с проблемой соотношения внешнего и внутреннего в человеке, с тем, каким образом его внутреннее (установки, побуждения, ценности, личностные свойства и т.д.) обуславливает внешнее (экспрессию, невербальное поведение и т.п.) в той или иной ситуации, в соответствии с нашим пониманием ее. Автор литературного произведения при изображении взаимодействия внешнего и внутреннего аспекта личности героев, и в своем представлении о механизмах такого взаимодействия, может следовать или устоявшимся взглядам, идеям, усвоенным им стереотипам, или – интуиции, собственным наблюдениям, опыту, «правде жизни». Но в любом случае ему приходится придерживаться определенной логики причинно-следственных связей, к которой обращались мыслители разных эпох, пытаясь понять природу человека.

В историческом плане идеи, касающиеся особенностей взаимосвязи внешнего и внутреннего в человеке можно найти в глубокой древности. Так, обратившись к ранним психологическим предпосылкам концепции внешнего и внутреннего (ее «физиогномическим истокам»), уже у Аристотеля мы обнаруживаем идею неразделимости души и тела, их соответствия. Аристотель, общий подход которого выражался в том, что внутреннее выражается во внешнем, а внешнее выражает внутреннее, в одной из своих работ писал, что «тело и душа слиты друг с другом таким образом, что становятся друг для друга взаимной причиной большинства состояний» (цит. по Лосев, 1975, с. 330).

Жесткое следование этому принципу в создании образов литературных героев приводит читателя к их упрощенному, однозначному «прочтению», к тому, чтобы принимать за эталон произведения, в которых из описания внешности человека было бы понятно его «внутреннее устройство». Однако такого эталона не существует, и писатель в своих произведениях может придерживаться иной точки зрения, например: «внешность обманчива, не все так просто», взаимодействие внешнего и внутреннего вовсе неоднозначно и т.п. Последнее, несколько не противоречит Аристотелю, поскольку уже у него мы обнаруживаем мысль о таком «расхождении», о некоторой автономии телесного и душевного, внутреннего и внешнего в человеке. Так он пишет о случаях, когда внешнему уже не соответствует внутреннее или, когда внутреннему еще не соответствует внешнее. Иными словами, уже у Аристотеля проводится идея, что однозначное соответствие, жесткая детерминация внешнего и внутреннего отсутствует. В то же время в данной работе он размышляет над устойчивыми показателями внешности, а не по поводу динамических, экспрессивных характеристик.

Позднее, «конкретное наполнение» идеи о единстве внешнего и внутреннего в человеке, его души и тела, стремление к пониманию их сложного, многопланового динамического взаимодействия послужило плодотворной основой развития многих современных направлений психологии и психотерапии. Среди них – попытка целостного (холистического) подхода «психосоматической медицины», психология невербального поведения, исследования человеческой экспрессии (Лабунская, 2009, 2011), психология лжи (Экман, 1999), танцевально-двигательная терапия и основанный на ней тренинг (Шкурко,

2005), психология познания людьми друг друга. Так, А.А. Бодалев в своей подводящей итоги многолетней работы книге «Личность и общение» следующим образом пишет о соотношении внешнего и внутреннего в человеке: «Психические процессы и присущие человеку в каждый момент внутренние психические состояния коррелируют с конкретными нервно-физиологическими и биохимическими характеристиками организма. Сложные психологические образования, которые представляют собой непрерывно перестраивающиеся по ходу деятельности ансамбли процессов и состояний, динамично выражаются во внешнем облике и поведении человека в виде совокупности определенных признаков, организующихся в пространственно временные структуры» (Бодалев, 1995, с. 117).

В литературном творчестве проблематика внешнего и внутреннего разрабатывалась М. Бахтиным, когда он, анализируя отношения автора и героя литературного произведения, писал о внешнем и внутреннем теле: «Мое тело – в основе своей внутреннее тело, тело другого – в основе внешнее тело. Внутреннее тело – мое тело как момент моего самосознания – представляет из себя совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего центра; внешний же момент, как мы видим, фрагментарен и не достигает самостоятельности и полноты и, имея всегда внутренний эквивалент, через его посредство принадлежит внутреннему единству» (Бахтин, 1986, с. 44). Употребляемый в этом контексте термин «тело» относится у М. Бахтина не только к внешнему, но и к внутреннему. При этом то, как он определяет это внутреннее тело, похоже на определение понятия «душа», которое дает К. Ясперс (Ясперс, 1997). О предположительном влиянии К. Ясперса на М. Бахтина упоминает в своей работе «Философия филологии» Б. Сорокин (Сорокин, эл. ресурс). Задавая вопрос о том, чем же тело отличается от души, К. Ясперс предлагает следующую естественно-научную формулировку: «душа – это прямое внутреннее переживание (материал для феноменологии); все то, что дает начало осмысленным (значащим) или экспрессивным проявлениям: единство «Я», фундаментальная психическая субстанция и т.п. Телом, в свою очередь, могут называться морфологический гештальт живого, видимые осмысленные движения, совокупность химических, физических, биологических процессов, локализация центров в мозге и т.п.» (Ясперс, 1997, с. 277).

К. Ясперс выделял следующие сферы исследования, для которых актуальна проблема взаимоотношения тела и души, физического и психического, подчеркивая, что это только те области, где «единство этих двух начал утверждается в качестве первичного объекта»: 1) психология экспрессивных проявлений, в которой мимика и физиогномика рассматриваются как доступные пониманию соматические проявления; 2) исследование причинных связей, когда исследователей интересует вопрос о том, каким образом «типы и формы соматического бытия» воздействуют на сферу психического; 3) исследование строения тела и конституции с тем, чтобы выяснить в какой степени они служат основой психологических характеристик; 4) исследования соматических следствий того, что происходит в психической жизни.

Термин М. Бахтина «тело» по отношению к внутреннему – некоторым образом, иным, чем это делает К. Ясперс, конкретизирует внутреннее человека, поскольку передает идею *осязаемости, целостности, интегрированности*. В этом отношении предложенный М. Бахтиным термин оказался более удобен, чем понятие «душа» при рассмотрении жизни литературных героев, их экспрессивных реакций, как примеров взаимодействия внешнего и внутреннего. Термины «внешнее и внутреннее тело», «внутренний» и «внешний» человек – широко используются в исследованиях, носящих междисциплинарный характер, когда объектом психологического анализа выступает действующее лицо литературного произведения (см. например, Подковырин, 2006; сб. «Художественная антропология: внутреннее и внешнее тело человека в литературе», 2011). Воспользуемся этой терминологией и будем считать, что внешнее тело – это то, что К. Ясперс называет телом, а внутреннее тело – то, что К. Ясперс называет душой («прямое внутреннее переживание»), или, по А.А. Бодаеву – сложное, характеризующееся непрерывной динамикой психологическое образование, «ансамбль процессов и состояний».

Если мы перейдем в область литературного творчества, в которой писатель создает некий мир, где действует выдуманный им герой, то для «полноценного существования» этому герою также необходимы тело и душа, «внешнее и внутреннее тела», которые первоначально «задаются» автором, а далее раскрываются в ситуации взаимодействия с другими действующими лицами или с самим собой. Иными словами, «внешнее тело» воссоздается воображением читателя

на основе тех (иногда, очень кратких, дающих простор фантазии) описаний, которые дает автор. «Внутреннее тело» героя также создается автором и в той или иной степени становится «видимым» для читателя в ходе самого процесса чтения (и здесь важна интеллектуальная и душевная работа самого читателя, его интерпретация, оценка с точки зрения собственных ценностей, представлений и т.п.).

Задача настоящей работы – попытаться рассмотреть на примере героев литературных произведений то, как происходит взаимодействие этих двух «тел», какие предполагаемые изменения внутреннего тела вызывают явные изменения внешнего, каковы причины таких изменений, а также, каких представлений о взаимосвязи внешнего и внутреннего, трактовки естественного или неестественного придерживается тот или иной автор. Нас интересуют, прежде всего, показатели экспрессии, выразительного поведения как видимого фрагмента «внешнего тела» литературного героя, свидетельствующие о его «преображении», а также те события, ситуации, которые приводят к изменениям его «внутреннего тела». В данной работе в разной степени будут затронуты перечисленные К. Ясперсом сферы взаимодействия души и тела.

Взаимодействие внешнего и внутреннего литературных героев

Начнем с того, что на уровне обыденного мышления существуют живучие стереотипы, привычные атрибутивные схемы: человек с приятной, благородной внешностью – конечно же, хороший человек, а неприятная внешность – несомненно, свидетельствует об испорченности, и вообще, когда человеку плохо – он грустит и плачет, а когда хорошо – он радуется и смеется. При таком понимании, когда с героем литературного произведения происходят события, которые можно однозначно оценить положительно или отрицательно, – предполагается, что они вызовут в герое такие внутренние изменения, которые должны привести к привычному, кажущемуся нам естественному (в силу социокультурных норм и наших представлений) внешнему выражению. В этом случае сама мысль о естественном и неестественном поведении основана на идее жесткой, «инвариантной» связи внутреннего и внешнего, которая должна проявляться в определенной ситуации. Иными словами,

у многих людей существуют стереотипы, ожидания, касающиеся того, как «в норме» ведут себя люди в определенных ситуациях.

Эти обыденные представления, литературные штампы остроумно высмеиваются в рассказе О. Генри «Попробовали – убедились» (О. Генри, 1960), в котором спор ведется между успешным редактором и бедствующим писателем. У каждого из них своя точка зрения на то, как в минуты потрясений выражается внутреннее человека (а значит и героя художественного произведения), каким он *является* в эти мгновенья – полным пафоса и изначально заложенного в каждом человеке трагизма или резко опускается на бытовом уровне: все «высокие слова» исчезают, а на «первый план» выходит растерянность и «низкий стиль». Последнее, с точки зрения редактора, совершенно неестественно. По его мнению, писатель, как только доводит рассказ до развязки, портит его тем, что «теряет литературную высоту», уходит от возвышенных тонов, которых, как считает редактор, требует настоящее искусство. «Всякое неожиданное, глубокое, трагическое душевное потрясение вызывает у человека соответственно, своеобразное и подобающее его переживанию выражение чувств». Кроме того, считает он: «всем людям, мужчинам и женщинам, присуще (...) подсознательное, драматическое чувство, которое пробуждается в них под действием более или менее сильного переживания; это чувство, инстинктивно усвоенное ими из литературы или из сценического искусства, побуждает их выражать свои переживания подобающим образом, словами, соответствующими силе и глубине чувства». Именно поэтому, утверждает редактор: «ни один человек застигнутый бедствием, не способен выражаться таким будничным, обиходным языком», каким выражают себя герои его оппонента – писателя (там же, с. 373–374).

С точки зрения писателя «низкий стиль» полностью соответствует жизненной правде. По его мнению, «Ни один мужчина, ни одна женщина в минуту душевного потрясения не способны ни на какие высокопарные разглагольствования, они разговаривают как всегда, только немного бессвязней» (там же). Таким образом, каждый из героев О. Генри предлагает свой стереотип естественного поведения, однозначный вариант явления внутреннего через внешнее, в данном случае – проявления отношения к какому-либо трагическому событию. Решив проверить свои взгляды экспериментально, редактор и писатель, в конце концов, продемонстрировали, что оба

ошибаются (или оба правы!). Любитель парадоксов, О. Генри в последний момент заставляет каждого из них подтвердить точку зрения другого: пережив неожиданное потрясение, писатель заговорил высоким стилем в духе древнегреческих трагедий, а редактор – бессвязно и нелогично, без какой-либо трагедийной возвышенности. О. Генри, по сути, издевается над примитивными литературными штампами, задающими предсказуемость разных героев в одних и тех же ситуациях, как будто внутри их одна и та же «начинка», одинаковое «внутреннее тело».

О. Генри, при знакомстве читателя с «внешним телом» героя, редко приводит его детальное описание. Это касается и «внутреннего тела» – двумя-тремя словами писатель дает нам ориентировку, отсылающую к нашим стереотипам, или, позволяющую строить гипотезы о том, каков внутренний мир данного человека, его характер, его отношение к окружающим и т.п. Затем происходит момент преобразования персонажа вследствие своего рода «пикового переживания» (К. Роджерс), и О. Генри мастерски демонстрирует это, акцентируя внимание на внешних проявлениях такого внутреннего изменения протагониста. Самыми действенными событиями в жизни ряда персонажей его рассказов является обретение (или потеря) любви, инсайт, внезапное осмысление текущей ситуации, своего поведения, отношения, расставание с иллюзиями и т.п. Так, в рассказе «Дебют Тильди» некрасивая, непривлекательная девушка по имени Тильди, на которую никто из мужчин-завсегдатаев закусочной, где она работала, никогда не обращал никакого внимания, – вмиг преобразается внешне и внутренне, после того, как один из посетителей (некто по имени Сидерс) обнял и поцеловал ее. «Мужчина нашел ее талию привлекательной и ее губы желанными. Этот стремительный, опаленный любовью Сидерс, казалось совершил над ней чудо, которое совершается в прачечной за особую плату. Сняв грубую дерюгу ее непривлекательности, он в один миг выстирал ее, просушил, накрахмалил, выгладил и вернул ей в виде тончайшего батиста – облачения, достойного самой Венеры. Веснушки Тильди потонули в огне румянца. Цирцея и Психея вместе выглянули из ее загоревшихся глаз» (там же, с. 268).

В рассказе «Бабье лето Джонсона Сухого Лога» главный герой (суровый 35–38 летний холостяк) впервые в жизни влюбляется. Это происходит в одно мгновение. Его избранны-

ца – молодая 19-летняя девушка-соседка, еще почти ребенок. Когда он впервые увидел ее, то «выронил кнут и застыл на месте, утратив дар слова и движения, ибо все наличные силы его организма ушли в этот миг на то, чтобы кое-как дышать и сохранять равновесие» (там же, с. 456). Такое внезапное изменение внутреннего самоощущения вызывает у Джонсона Сухого Лога резкие внешние, неестественные с точки зрения окружающих преобразования. Да и сам он чувствует себя смущенным, лишенным речи, пытается быть игривым, ощущает фальшь и несоответствие внутреннего внешнему. Чтобы понравиться молодой девушке, он прибегает к косметическим процедурам. Старая серая одежда уже не годится, и герой рассказа покупает новые вещи, а затем предстает перед жителями городка в неестественном виде: «во всем горячем блеске своего осеннего безумия». Яркий нелепый костюм, ядовитого цвета ботинки, «поражающий взор и возмущающая разум фигура, прихрамывающая и разглаживающая перчатки, выползла из своего логова и остановилась посреди улицы с идиотической улыбкой на устах, пугая людей и заставляя ангелов отвращать лицо свое. Он восстал, как отливающий всеми цветами радуги попугай, из пепла серо-коричневого феникса» (там же, с. 458). Спустя некоторое время после ухаживаний за своей избранницей, герой случайно становится свидетелем того, как та талантливо его передразнивает. Его восприятию вдруг становится доступно в полной мере его собственное «внешнее тело». Он видит себя со стороны, как в зеркале: видит свою нелепую походку, принужденную улыбку, всю свою неуклюжесть. Чувство собственного достоинства героя задето. В его душе происходит новый переворот, и он освобождается от своего «наваждения», вновь «обретает себя прежнего» – возвращается в исходное внутреннее состояние, а вслед за этим – преобразует свое внешнее тело, избавляется от ненужных более нелепых костюма, ботинок, перчаток и шляпы («атрибутов своего безумия»).

Итак, драматические изменения внутреннего тела в данном случае вызвали не менее драматические изменения внешнего. Получив своеобразную «обратную связь», герой возвращается в исходное, естественное для него состояние и соответствующее ему привычное внешнее тело.

Расхожие выражения типа «горе сразу составило его», «беда согнула плечи», «как заново родился», «сбросил лет двадцать» и т.п. отражают явление быстрого взаимодействия двух «тел».

Иногда такого рода быстрые преобразования наблюдаются, когда какая-то часть «внутреннего тела», ранее мешавшая человеку, внезапно исчезает. Он освобождается от нее, взрослеет, происходит своего рода инициация, шаг к зрелости. Так случилось с главным героем в рассказе Э. Хемингуэя «Недолгое счастье Френсиса Макомбера» (Хемингуэй, 1981) Удачная охота, то, что он победил свой собственный страх, вызывают у него «пьяный восторг». Его лицо сияет, и он ощущает «огромное, безотчетное счастье, никогда еще не испытанное». Макомбер так описывает свое состояние: «Что-то во мне произошло, когда мы увидели буйволов и погнались за ними. Точно плотина прорвалась. Огромное наслаждение» (там же, с. 186). Он отмечает, что в нем что-то изменилось, и он чувствует себя «совершенно другим человеком». Наблюдающий за ним охотник Уилсон замечает это преображение и интерпретирует то, что произошло с Макомбером, как «достижение совершеннолетия». Что же произошло с ним, что так повлияло на Макомбера, с точки зрения Уилсона? «Страх больше нет, точно его вырезали. Вместо него есть что-то новое. Самое важное в мужчине. То, что делает его мужчиной. И женщины это чувствуют. Нет больше страха» (там же, с. 187). И действительно, жена Макомбера также чувствует, что ее муж изменился, и от этого ей становится страшно, поскольку теперь могут произойти пугающие ее изменения в их отношениях. Позже, после смерти Макомбера в результате несчастного случая, Уилсон подтверждает ее опасения, когда говорит: «он бы вас непременно бросил».

Но иногда, подчиняясь фантазии писателя, «встреча» двух тел может быть отсрочена на годы. В знаменитом произведении О. Уальда «Портрет Дориана Грея» сюжет построен на принципе однозначного соответствия внешнего и внутреннего, «отойти» от которого главному герою удастся лишь временно. Порок должен был неизбежно отражаться на лице Дориана, и лишь благодаря магической силе, «внешним телом», связанным с его «внутренним», оказывается портрет. Он-то и отражает изменения «внутреннего тела». Разрушение портрета приводит Дориана к смерти, которая восстанавливает первоначальную, естественную с точки зрения данной логики (логики единства внешнего и внутреннего) взаимосвязь этих двух тел.

Фантазия писателя позволяет ему проводить своего рода эксперименты, наблюдая за тем, что может произойти, если «естественные» взаи-

мосвязи души и тела нарушаются. Современный российский писатель В. Сорокин часть рассказов своего сборника «Первый субботник» построил на описании парадоксально ведущих себя героев: традиционный оптимистический «зачин», благообразные люди и речи, много раз встречавшиеся в советской литературе и кинематографе штампы и вдруг – ничем необусловленное, странное, неестественное, неукладывающееся в привычную предполагаемую последовательность поведение – своеобразный «прорыв» психотической части личности. В результате происходит уничтожение, целенаправленное разрушение ожидаемого читателем проявления единства внешнего и внутреннего (первоначально заданного автором с помощью актуализации стереотипов), создающее определенный эффект: недоумение, отвращение, чувство соприкосновения с чем-то безумным, низменным, грязным, отвратительным и т.п.

В повести «Неопровержимое доказательство» Г. Грин (1994) конструирует ситуацию, когда душа пытается управлять тем, чем уже невозможно управлять. Отставной майор Филипп Уивер делает доклад на заседании «Общества психических явлений». Докладчик хочет сообщить присутствующим что-то чрезвычайно важное, что могло бы, по его мнению, «изменить всю систему взглядов на соотношение духа и материи». Однако, как он ни старается – ему это не удается. Он путается, теряется, ему очень трудно донести до слушателей свою главную мысль: то, что они даже не представляют, насколько силен дух, что дух вовсе не умирает, когда умирает тело, он бессмертен, что тело движется духом, и что главное – это не сдаваться, бороться. Все это для собравшихся членов общества звучит неубедительно и банально, они чувствуют смущение, тоску, скуку. «Мистика» – решает про себя президент общества. Ему бросается в глаза странный вид докладчика, то, что от него исходит мощный запах одеколona, его затрудненная речь, неслушающийся голос и, в контрасте с этим – насмешливый, иронический взгляд глаз. Рассогласование между внутренним и внешним, душой и телом увеличивается по мере продолжения лекции. Душа все менее и менее становится способна управлять телом. Заканчивается все весьма неожиданно. Уивер хочет представить «неопровержимое доказательство» своих идей, но внезапно оказывается неспособным даже говорить членораздельно («глухой, невнятный шепот, какое-то бульканье, резкое отрывистое бречанье») и, в конце концов, перестает пода-

вать признаки жизни. Находящийся в зале доктор, пытаясь оказать ему помощь, вдруг с ужасом обнаруживает – только что говоривший человек, на самом деле, уже неделю как мертв и полуразложился. Для президента общества то, что произошло, вовсе не доказало, что «дух переживает тело». Скорее, это было подтверждением, что «дух без помощи тела способен только на бессмысленный лепет». Можно предположить, что этот последний вывод – следствие его неверия в бессмертие души. «Дух» не разрушился, не разложился – он потерял связь с телом, произошло рассогласование внутреннее уже не может явиться, разрушение внешнего тела сделало это невозможным. Таким образом, несмотря на всю фантастичность, неестественность ситуации, Г. Грин последовательно придерживается идеи единства души и тела, внешнего и внутреннего. Интересно замечание об издевательском, ироническом взгляде Уивера. Он пытается что-то доказать, а какая-то часть его «внутреннего тела», его дух заранее понимает то, чего не понимает Уивер, а именно – всю тщетность этих попыток.

Идея самостоятельного существования души в негодном теле не нова. В рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок» (Достоевский, 1994) главный герой, явно нездоровый психически человек, попав на кладбище и прикорнувшись на могильной плите, с изумлением и негодованием слышит, как переговариваются между собой мертвые. Покойники как бы «просыпаются» и, несмотря на то, что их тела мертвы, они разлагаются, если уже не разложились, – им дано сознание («остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании»). С удивлением они обнаруживают, что могут общаться друг с другом. «Скажите, во-первых (я еще со вчерашнего дня удивляюсь), каким образом мы здесь говорим? Ведь мы умерли, а между тем говорим; как будто и движемся, а между тем и не говорим и не движемся? Что за фокусы?» (там же, с. 60). Покойники оказываются весьма беспокойными, они ищут и находят собеседников и собираются без утайки рассказывать друг другу самые бесстыдные истории из своей жизни («давайте ничего не стыдиться»). Они ощущают идущий друг от друга смрад, но это не запах истлевающей плоти, а «вонь нравственная». Один из покойников объясняет только что «проснувшегося» другому, что это «вонь будто бы души, чтобы в эти два-три месяца успеть спохватиться... и что это, так сказать последнее милосердие» (там же, с. 61). Все это Ф.М. Достоевский пред-

ставляет как галлюцинации больного ума главного героя, но при этом достаточно явственно намекает на «разложение души» еще при жизни человека вследствие совершения безнравственных поступков, разложение «внутреннего тела» при еще сохранном «внешнем теле».

В детальных «Примечаниях» к данному рассказу, исследователь творчества Ф.М. Достоевского В.А. Туниманов, среди прочего, приводит поэтический афоризм Ф.И. Тютчева «Не плоть, а дух растлился в наши дни», а также видит в нем дальнейшее развитие заданной Н.В. Гоголем темы «омертвения человеческой души». По его мнению: «Мертвецы «Бобка» утратили душу еще в земной жизни, и «как бы по инерции» распаленное, извращенное сладострастие владеет их «сознанием» после «предварительной» смерти» (там же, с. 321).

В произведении Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (Стивенсон, 1967) мы сталкиваемся с совершенно четким и однозначным следованием идее о неразрывной связи внутреннего и внешнего в человеке. К этому добавляются рассуждения о сложности, противоречивости «внутреннего устройства» человека и социально-перцептивный аспект, связанный с описанием негативных чувств, возникающих у наблюдателей, в те моменты, когда они видят Хайда.

Из дневников доктора Джекила читатель узнает, что тот пришел к выводу об изначальной двойственной природе человека (раздвоенности «внутреннего тела», если следовать принятой нами терминологии.). Это приводит к «соперничеству двух противоположных натур». Утверждая, что «человек на самом деле не един, но двоичен», Джекил имеет ввиду нравственную раздвоенность личности и предполагает, «что, в конце концов, человек окажется всего лишь общиной, состоящей из многообразных, несхожих и независимых друг от друга сочленов» (там же, с.556). Идея полностью разделить соперничающие друг с другом части, элементы, персонафицировать их приходит в голову Джекилу, побуждая его проводить эксперименты на самом себе. Двойственная природа человека, извечная борьба добра и зла в нем в случае успеха раз и навсегда устраняется. Тем самым, полагает он, станет реальностью идиллическая мечта о цельном человеке, человеке полностью сознательном и моральном.

Посредством эксперимента внутреннее одного человека буквально *воплощается* в другого, становится самостоятельной персоной. Поскольку

внешность героев должна соответствовать их внутренним качествам, то, характеризуя облик доктора Джекила, автор рисует портрет человека молодого, с умным, добрым лицом, крупного, гармоничного телосложения. Внешность Хайда примечательна тем, что вызывает странную непонятную реакцию воспринимающих его людей. «Хайд был бледен и приземист, он производил впечатление уродца, хотя никакого явного уродства в нем заметно не было, улыбался он крайне неприятно, держался с нотариусом как-то противоестественно робко и в то же время нагло, а голос у него был сильный, тихий и прерывистый – все это говорило против него, но и все это, вместе взятое, не могло объяснить, почему мистер Аттерсон почувствовал дотоле ему неизвестное отвращение, гадливость и страх» (там же, с. 519).

Итак, Хайд своим видом вызывает неприятное ощущение, причину которого субъектам восприятия трудно понять. Здесь и легкий ступор, и замедление пульса, и какая-то странность, от которой становится не по себе, и «мороз до костей пробирает». Дело тут не в «необъяснимой антипатии», а в том, что «чернота души проглядывает сквозь тленную оболочку и страшно ее преображает» (там же), в том, что «Эдвард Хайд был единственным среди всего человечества чистым воплощением зла» (там же, с. 559).

Описывая внешнее тело Хайда, автор приводит *устойчивые, среднеустойчивые и динамические характеристики его внешности* (Лабунская, 2009). Он выглядит карликом с обезьяньими повадками и злобой. Хайд подвержен дикой ярости и раздражению, и у него «омерзительное выражение лица». При этом одежда ему велика и плохо сидит на нем, но это вовсе не вызывает смех. «Напротив, в самой сущности стоявшего передо мной незнакомца чувствовалось что-то ненормальное и уродливое – что-то завораживающее, жуткое и гнусное, – и такое облачение гармонировало с этим впечатлением и усиливало его – странное, неприятное ощущение, которое возникало у меня при его приближении» (там же, с. 552–553). «Физические данные» Хайда Джекил соотносит с тем количеством зла, с тем «размером зла» в его собственной душе, которое воплощается в Хайда. Этим он объясняет то, что Хайд выглядит моложе, ниже ростом и subtilнее. Иными словами «внешнее тело» героя, его параметры жестко обусловлены свойствами его «внутреннего тела». Однако в глаза бросается некоторое противоречие впечатлений

при восприятии Хайда. Если для посторонних наблюдателей он урод и отвратителен во всех своих проявлениях, ему отказывается в естественности, то для самого Джекила – это не так. Несмотря на то, что зло «наложило на этот облик отпечаток уродства и гнилости», увидев самого себя в этом воплощении, Джекил чувствует «не отвращение, а внезапную радость. Ведь это тоже был я. Образ в зеркале казался мне естественным и человеческим. На мой взгляд, он был более четким отражением духа, более выразительным и гармоничным, чем та несовершенная и двойственная внешность, которую я до тех пор привык называть своей» (там же).

Таким образом, рассматриваемая нами тема естественного и неестественного взаимодействия внешнего и внутреннего приобретает несколько иной акцент. Автор строго следует представлению о единстве того и другого, но устами своего героя утверждает, что полная противоречий внутренняя часть, внутреннее тело не дает внешнему телу выглядеть естественным.

Переживания литературных героев как фактор изменения их «внутреннего» и «внешнего» тела

Одним из сильнейших факторов, оказывающим влияние на «внутреннее тело» литературного персонажа и «раскрывающим» его читателю (впрочем, как и другим действующим лицам произведения), оказывается страх, сверхсильное стрессовое воздействие, массовая паника. При этом если в рассказе Г. Грина дух некоторое время все же может управлять «негодным» телом, то в рассказе А. Грина «Любимый» (Грин, 1965) тело «берет вверх» над потрясенным духом. Главный герой приглашен в театр, чтобы познакомиться с невестой своего друга Жака. В какой-то из моментов в театре началась паника в связи с предполагаемым пожаром. Автор акцентирует внимание на внутреннем переживании героя (изменениях его внутреннего тела): «что-то больно зазвенело в груди и дрогнуло там острым, разбившимся криком» (...) что-то быстро и звонко переломилось в душе, – граница между сознанием и паникой» (там же, с. 101). Однако герой, все же, находит в себе силы преодолеть страх, чего нельзя сказать о его друге: «Жак грузно подвигался вперед, задыхаясь от тяжести. Лицо его мертвело; одной рукой он отбрасывал прочь девушку, другую протягивал вперед и каждый

палец этой руки кричал о помощи. (...) Это было не лицо... Отвратительный, трясущийся комок мяса, и слюни, текущие из раскисшего рта...о! (...) Он прыгал, как курица, на месте, стараясь вылезть на плечи других, но каждый раз обрывался и всхлипывал» (там же, с. 102). Любопытно, что в этом рассказе описание внутреннего переживания и внешней реакции, телесных изменений относится к разным персонажам, однако, читатель прекрасно понимает, что происходит в душе Жака на основе описания его поведения. Является ли это поведение естественным? Смотря с какой точки зрения. С одной стороны, «внутреннее тело» Жака настолько потрясено страхом, что реакция его «внешнего тела», его внезапное преобразование кажется вполне естественным и соответствует принципу единства внешнего и внутреннего. Однако с точки зрения главного героя, поведение Жака отвратительно и непростительно. Оно ненормально, неестественно, если придерживаться представлений о том, как должен был повести в данной ситуации мужчина (в соответствии с гендерным стереотипом): быть мужественным, сохранять хладнокровие, позаботиться о безопасности своей возлюбленной, и т.п. Таким образом, возможны два варианта оценки случившегося: 1) поведение Жака естественно с точки зрения животного начала человека, инстинкта самосохранения; 2) оно неестественно с точки зрения принятых в обществе представлений, ожиданий, оценок, основанных на морально-этических ценностях.

Важным источником информации (наряду с особенностями мимики, пантомимики, голоса), сообщающим читателю о замешательстве, страхе, глубоком переживании героя литературного произведения, являются глаза. В рассказе А. Грина «Мат в три хода» с главным персонажем происходит нечто странное (придерживаясь, выбранной терминологии, мы могли бы сказать, что он боится разрушения «внутреннего тела» и связанного с ним «внешнего тела» в результате внезапного, губительного осознания). Его ужасает сама возможность такого развития событий, мысль, что «можно узнать все (...), если думать об этом безостановочно». В своем болезненном состоянии он приходит к врачу-психиатру и со страхом сообщает ему: «один поворот мысли, и п о й м у, понимаете, – пойму и разрешу все, всю загвоздку смерти и жизни, как дважды два – четыре. И чувствую, что, как только пойму это, в тот же самый момент... умру... не выдержу» (там же, с. 207). Единственный способ помочь

ему, когда он ощутит, что это губительное, несущее смерть постижение смысла жизни, смерти, бесконечного пространства вот-вот произойдет, и он, сигнализируя об этом, поднимет руку, – это отвлечь его. Для этого надо лишь сказать «Лейпциг... Международный турнир... Мат в три хода», и сразу же пациент переключится на решение шахматной задачи. В один из моментов своего рассказа это страшное осознание приходит к нему, больной становится белый, как извесь, со «стеклянными, вытаращенными, глазами» и поднимает неуклюжим движением руку. Растерявшийся врач-психиатр не успевает сказать спасительные слова и видит лишь «медленно уходящие в глубь орбит глаза, – маленькие, черные пропасти, потухающие неудержимо и бесцельно...».

Как видим, принцип связи внутреннего и внешнего, тела и души в полной мере соблюдается в данном рассказе А. Грина. «Экзистенциальный удар» приводит к внезапному разрушению «внутреннего тела» и невозможности продолжить жизнь «внешнего».

Примеров, подобных вышеприведенным, когда чрезвычайные события преобразуют «внутреннее тело» и меняют «жизнь внешнего тела», в художественной литературе можно найти множество. В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» (1981) одним из самых интересных и противоречивых персонажей является Настасья Филипповна. Как только до нее доходит слух о женитьбе ее совратителя Тоцкого на богатой и знатной красавице, уязвленное достоинство и чувство презрения производят полное ее преображение, «чрезвычайный переворот». В разговоре с ним она демонстрирует «необыкновенную решимость» и «самый неожиданный характер». Тоцкий поражен, он не узнает прежнюю Настасью Филипповну: «Пред ним сидела совершенно другая женщина, несколько непохожая на ту, которую он знал доселе (...), женщина с которой вовсе невозможно говорить так, как он разговаривал раньше. «Эта новая женщина, оказалось, во-первых, необыкновенно много знала и понимала (...), во-вторых, это был совершенно не тот характер, как прежде, то есть не что-то робкое, пансионски неопределенное, иногда очаровательное по своей оригинальной резвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недоверчивое, плачущее и беспокойное. Нет: тут хохотало пред ним и кололо его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело

к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты, наступившего тотчас же после первого удивления» (там же, с. 41). С изумлением Тоцкий обнаруживает, что произошли перемены даже в ее лице, она стала совершенно не похожа на прежнюю «хорошенькую девочку». Таким образом, изменения «внутреннего тела» героини приводят к самым невероятным изменениям «внешнего». Достоевский делает ее «внешнее тело» – телом необыкновенной красавицы, но постижение ее внутренней красоты, понимание глубины ее душевной травмы, ее страдающее «внутреннее тело» не доступно никому из окружающих, кроме, наделенного особым даром чувствовать других князя Мышкина. Ее «внутреннее тело» становится видным читателю в основном через его восприятие и понимание, а также через интерпретацию автором и читателем жизни ее «внешнего тела»: странного, неестественного, бросающего вызов всем нормам, поведения.

Внешнее и внутреннее, тело и душа киногероев

Данные оценочные и интерпретационные моменты восприятия поведения другого человека с точки зрения естественности становятся особенно важными в случае экранизации произведения. То, что существовало лишь в воображении автора и читателя, в их индивидуальном понимании естественного и неестественного, – превращается в доступные всем зримые образы. В области анализа киноискусства проблемой соотношения внешнего и внутреннего, проблемой связи «внешнего тела» и «внутреннего тела» занималась В.А. Кузнецова (Кузнецова, 1978). Если внешность литературного героя «сочиняется» писателем, то, как замечает автор, «внешность экранного героя тоже «сочинена» и осуществлена с помощью приглашения на роль конкретного актера, использования грима, парика, костюма актерской игры» (там же, с. 57), с помощью различных технических приемов. При этом, отмечает В.А. Кузнецова, при экранизации литературного произведения невозможен «дословный перевод», точное воплощение всего того, что писал автор о действующем лице произведения, в зримые пластические образы. Именно поэтому, возникающие у зрителя представления о внешнем облике героя (образы, созданные воображением зрителя на основе его стереотипов и жизненного опыта) нередко

вступают в противоречие с тем, как его показали актер и режиссер, с тем, что он видит на экране.

В.А. Кузнецова не акцентировала специальным образом внимание на естественности, но, по сути, касалась именно этого феномена, когда вводила термин «кинофизиогномика» – «искусство точного соотношения внешности и личности киногероя, органичного включения его облика в художественную структуру фильма», и рассматривала такое понятие, как «типажность» – «яркая выраженность в облике исполнителя внешних черт, присущих изображаемому персонажу» (там же, с. 5). Фактически, поиски типажей – это подбор актеров, внешние данные которых позволяли бы даже самому неискушенному зрителю легко «прочитать», «увидеть» внутреннее персонажа. Иными словами, найти типажного исполнителя – означает сделать такой выбор «внешнего тела», который бы в наибольшей степени соответствовал предполагаемому «внутреннему телу», оправдывал поведение киноперсонажа, делал его естественным, достоверным, подлинным с точки зрения внешнего выражения внутреннего. В то же время, искусство, замечает автор, не признает жестких связей между внутренним и внешним человека и, следуя в этом за жизнью, разрушает устоявшиеся стереотипы, предвзятые представления. Так, констатирует В.А. Кузнецова, в истории поиска кинематографического героя сначала «традиционность внешности опиралась на известную традиционность внутреннего содержания», при этом «тип героя должен был немедленно прочитываться с экрана», налицо была «прямая проекция внутреннего мира на внешние свойства облика и поведения» (там же, с. 71–74). Лишь со временем, в результате отказа от жесткой, однозначной обусловленности внутреннего и внешнего, позволяющей зрителю сразу отнести киногероя к определенной социальной категории, понять друг он или враг, в кинематографе приходят к пониманию необходимости показывать сложность, неоднозначность их взаимосвязи. Происходит постепенный отказ от типажности, все чаще возникают ситуации, когда комические актеры играют серьезные драматические роли, («фактурная несовместимость»). Зритель стал умнее, замечает автор, и уже может отойти от привычного стереотипа. Он способен принять внешне непривлекательный, нетипичный облик актера и разглядеть за ним богатый внутренний мир и силу духа. Способен воспринимать хоро-

шее и плохое в человеке в их «нерасчлененной целостности», в неоднозначной связи между внутренними, сущностными качествами персонажа и их внешним проявлением, во всей сложности и драматичности этого процесса. Кроме того, режиссеры все чаще стали предоставлять зрителю возможность «включить» процессы проекции и интерпретации. Это происходило в тех случаях, когда в фильмах участвовали актеры «с неясным, неопределенным характером внешности, с лицами, отмеченными, особой податливостью, лицами, за которыми при желании можно увидеть что угодно». В них «всегда оставалось что-то неясное, что-то невысказанное до конца, несущее в себе неразрешимую сложность самой жизни» (там же, с. 123).

Выводы

Подводя итог нашему рассмотрению феномена естественности и возвращаясь к литературным произведениям, можно сказать, что в рассмотренных нами случаях авторы или следовали однозначной логике взаимодействия внешнего и внутреннего, или подвергали ее сомнению, намеренно разрушали это единство «противоестественным» (или даже «сверхестественным») образом. Изменения внутреннего тела героя, которые вызывали изменения его внешнего тела, могли быть порождены следующими факторами: утратой; приобретением; необратимыми и губительными нарушениями его структуры или ее преобразованием; переоценкой ценностей и т.п. Велико значение решающих моментов жизни персонажей, моментов «обретения себя» – нахождения точки соприкосновения со своими внутренними ресурсами, проявления, высвобождения чего-то такого, что ранее не могло быть обнаружено, доступ к чему был закрыт для человека, и что приводит к преобразующим изменениям обоих тел. Мы могли бы назвать это обретением субъектности или ситуативным, внезапным усилением субъектных качеств. Но, во всяком случае, интуиция художника, его внутреннее эстетическое чутье позволяют ему в литературном произведении воссоздать, смоделировать ситуации сложного взаимодействия внешнего и внутреннего в человеке, его души и тела, исходя из своего понимания естественности и, с надеждой на ответное понимание читателей. Само понятие «естественность» приобретает в таком случае статус социального конструкта, оценочной категории, определяю-

щей соответствие поведения и общения конвенциональным социокультурным представлениям о взаимодействии внутреннего и внешнего в человеке. Иными словами, субъект восприятия и оценки поведения другого с точки зрения его естественности основывается на имплицитных или эксплицитных представлениях, стереотипах, касающихся причинно-следственной связи психических процессов и состояний и их внешнего выражения. Воспринимаемое поведение другого переживается как естественное, правдивое, свободное, спонтанное, органичное, простое и т.п., – в одном случае, или же, в другом случае, как неестественное, фальшивое, искусственное, неприятное, вызывающее чувство недоверия, странное или угрожающее, в зависимости от общепринятых представлений о нормальном, обычном, привычном и т.п.

История кинематографического воплощения героев литературных произведений демонстрирует движение от создания образов, основанных

на стереотипах типичности, характеров, предполагающих однозначное «прочтение», к показу более сложной, противоречивой опосредованности связи внешнего и внутреннего в человеке, что заставляет более искушенного зрителя уйти от традиционного понимания естественности к ее новому конструкту, к увеличению «степеней свободы» при восприятии этой естественности.

Естественность в поведении и речи литературного и кинематографического героя предстает ценным для других (и для самого героя) личностным свойством, а также, выступает в качестве социально-психологической характеристики человека, поскольку проявляется и воспринимается, оценивается другими людьми в межличностном общении. Потребность быть естественным, чувствовать себя естественно, выражая свои сущностные, внутренние стороны, побуждает литературных героев к достижению данного состояния, освобождению от всего того, что мешает этому.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Бодаев А.А. Личность и общение: Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
3. Генри О. Попробовали убедиться / Избр. произв. в 2-х т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 2. С. 367–378.
4. Генри О. Бабье лето Джонсона Сухого Лога / Избр. произв. в 2-х т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 1. С. 454–462.
5. Генри О. Дебют Тильди / Избр. произв. в 2-х т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 1. С. 264–270.
6. Грин А. Любимый / Собр. соч. в 6-и т. М.: Правда, 1965. Т. 1. С. 98–102.
7. Грин А. Мат в три хода / Собр. соч. в 6-и т. М.: Правда, 1965. Т. 1. С. 202–207.
8. Грин Г. Неопровержимое доказательство / Шедевры готического рассказа. М.: Слово, 1994. Т. 2. С. 282–390.
9. Достоевский Ф.М. Идиот: роман в четырех частях. М.: Советская Россия, 1981.
10. Достоевский Ф.М. Бобок / Собр. соч. в 15 т. Л.: Наука, 1994. Т. 12. С. 49–64.
11. Есенин С. Черный человек / Собр. соч. в 3-х т. М.: Правда, 1970. Т.2. С. 288–292.
12. Кузнецова В.А. Кинофизиогномика (Типажно-пластический образ актера на экране). Л.: Искусство, 1978.
13. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
14. Лабунская В.А. Особенности развития способности к психологической интерпретации невербального поведения // Вопросы психологии. –1987. № 3. С. 70–77.
15. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М.: Наука, 1975. С. 330–352.
16. Подковырин Ю.В. «Безногий» А.С. Грина: проблема границ «внутреннего» и «внешнего» человека // Критика и семиотика. 2006. Вып. 9. С. 103–111.
17. Словарь русского языка: В 4-х т., АН СССР Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой, 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1.
18. Сорокин Б. Философия филологии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sorok/index.php (дата обращения 10.12.2015).
19. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Собр. соч. в 5 т. М.: Правда, 1967. Т. 2. С. 507–572.
20. Хемингуэй Э. Недолгое счастье Френсиса Макомбера / Избранное. М.: Прогресс, 1981. С. 160–190.

21. Художественная антропология: внутреннее и внешнее тело человека в литературе: Сб. статей: Вып. 2. Караганда: Центр гуманитар. иссл. «Тезис», 2011.
22. Шкурко Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг. СПб.: Речь, 2005.
23. Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 1999.
24. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.

Введение

ГЛАВА 3. Восприятие возраста как частный случай социальной перцепции

(Шкурко Т.А.)

В последние десятилетия исследователями фиксируется значительный интерес к проблемам омоложения внешнего облика (Белопольская, Виссарионов, Шафирова, 2012; Белопольская, Виссарионова, Шафирова, 2012; Белугина, 2003; Лабунская, 2009, 2014; Лабунская, Наровская, 2006; Наровская, 2007). В современных социально-экономических, социокультурных условиях наблюдается все более углубляющийся разрыв между хронологическим, биологическим, психологическим и лицевым возрастами, что приводит к появлению у современного человека переживаний и комплексов в условиях общения с другими людьми. Также возраст становится одним из ведущих факторов дискриминации (эйджизм) (Микляева, 2009), что ставит перед исследователями проблемы изучения социально-психологических факторов, критериев, структуры восприятия возраста.

В настоящее время в психологии, геронтологии, медицине имеется значительный интерес к данной тематике. Все работы можно разделить на два основных направления:

1) изучение оценки возраста (*«age estimation»*), в рамках которого исследуются оценка возраста по лицу, параметры, факторы точности оценки, разрабатываются программы тренингов точности оценки возраста и т.п. (George, Hole, 1995; Sörqvist, Eriksson, 2007; Rhodes, 2009; Voelkle, Ebner, Lindenberger, Riediger, 2012);

2) изучение восприятия возраста незнакомого человека другими людьми (*«perceived age»*) – анализируются отдельные компоненты внешнего облика, участвующие в процессе восприятия возраста другого, изучается их «вклад» в восприятие возраста другого, проводится поиск психофизиологических коррелятов воспринимаемого возраста (Uotinen, Rantanen, Suutama, 2005; Christensen, Thinggaard, McGue, Rexbye, Hjelmborg, Aviv, Gunn, Van Der Ouderaa, Vaupel, 2009; Nkengne, Bertin, Stamatas, Giron, Ross, Issachar, Fertil, 2008).

В рамках анализа оценки возраста (*«age estimation»*) можно отметить исследование шведских ученых П. Сёрквист и М. Эрикссон (Sörqvist, Eriksson, 2007), посвященное изучению возможности повышения точности оценки возраста дру-

гого человека с помощью обучения. В эксперименте с использованием контрольной и экспериментальной групп выявлялось влияние на оценку возраста обучающих процедур с использованием обратной связи и без нее. Было обнаружено, что обучение повышает точность оценки возраста, особенно это касалось тех серий экспериментов, в которых в качестве стимулов использовались лица пожилых людей. Также был сделан вывод, что обучение с применением обратной связи производит больший эффект, чем без нее.

Работа английских ученых П.А. Георга и Г.Й. Хола (George, Hole, 1995) посвящена изучению факторов, влияющих на точность оценки незнакомых лиц мужского пола 5–70 лет. В качестве субъектов восприятия выступили двадцать пять «молодых» взрослых (в возрасте 16–25 лет) и двадцать пять «зрелых» взрослых (в возрасте 51–60 лет). В рамках первой серии эксперимента каждому участнику было предъявлено оригинальное изображение лица другого человека, а также ряд видоизмененных вариантов лица (среди которых были представлены зеркальное отражение, а также вариант с удалением всех компонентов лица, за исключением внутренних). Во второй серии экспериментов был добавлен элемент сравнения групп: каждому испытуемому предъявлялись лица, принадлежащие к той же возрастной группе, что и он сам.

В результате проведенного исследования авторами были сделаны следующие выводы: 1) оценка возраста «оригинальных» неизмененных лиц была довольно точной, при этом наибольшая точность достигалась в том случае, когда объект восприятия принадлежал к той же возрастной группе, что и субъект восприятия; 2) сравнительный анализ точности восприятия возраста видоизмененных лиц показал, что важность внутренних элементов лица как необходимых и достаточных маркеров возраста была переоценена в предшествующих исследованиях: испытуемые оценивали возраст верно в тех случаях, когда лица не имели внутренних элементов, и неточно в тех, когда внутренние элементы лица были единственной информацией для оценки возраста.

Американский ученый М.Г. Родес (Rhodes, 2009) приводит перечень ситуаций, в которых важна точная оценка возраста, отмечая в ряду таких ситуаций те, в которых возраст является условием доступности такой продукции, как алкоголь или табачные изделия. Проводя анализ накопленных данных в области изучения оценки лица, он отмечает, что оценка возраста незнакомого лица может быть довольно точной, она чувствительна к сигналам частного и общего уровня и различается в зависимости от принадлежности к группе.

В большом американско-германском исследовательском проекте (Voelkle, Ebner, Lindenberger, Riediger, 2012) изучалось влияние пола, возраста и выражения лица объекта восприятия на оценку его возраста другими людьми. С этой целью 154 молодым, зрелым и пожилым участникам обоих полов предлагалось оценить возраст молодых, зрелых и пожилых мужчин и женщин, изображенных на 171 фотографии, всего число фотографий составило 2052. Каждое лицо выражало злость, страх, отвращение, счастье, печаль или имело нейтральное выражение. В результате было обнаружено: 1) способность к оценке возраста другого человека снижается в связи с возрастом субъекта восприятия; 2) молодые и пожилые определяли возраст членов своих групп более точно и с меньшей ошибкой, чем возраст представителей других групп, при этом не обнаружено значимого преимущества в определении возраста лиц своего пола; 3) оценка возраста пожилого человека была более сложной задачей, чем оценка молодого; 4) на точность определения возраста существенно влияло выражение лица объекта восприятия. По сравнению с другими, возраст лиц с нейтральным выражением был определен наиболее точно, а возраст лиц со счастливым выражением был занижен.

В рамках второго блока исследований – изучение восприятия возраста незнакомого человека другими людьми (*«perceived age»*) – также можно отметить ряд работ. Лонгитюдное исследование провели ученые из Финляндии В. Уотинен, Т. Рантанен, Т. Суутам (Uotinen V., Rantanen T., Suutama T., 2005), доказав, что воспринимаемый возраст пожилых людей связан с риском общей смертности независимо от хронологического возраста. Авторы считают, что обнаруженная закономерность может быть интерпретирована следующим образом: воспринимаемый возраст может быть следствием общего благополучия личности и ее

веры в будущее, что потенциально отражает изменения в состоянии здоровья.

Группа ученых из Дании, США, Германии и Нидерландов (Christensen, Thinggaard, McGue, Rexbye, Hjelmborg, Aviv, Gunn, Van Der Ouderaa, Vaupel, 2009) использовала когортный метод для доказательства того, что воспринимаемый возраст является надежным биомаркером старения. Объектом исследования выступила близнецовая группа из Дании, состоявшая из 1826 близнецов в возрасте от 70 лет. В качестве экспертов, которые определяли возраст близнецов по фотографиям, выступили 20 человек младшего и среднего медперсонала, 10 молодых мужчин и 11 пожилых женщин. Близнецы проходили тесты физических и когнитивных способностей, пробы на молекулярные биомаркеры старения (длина теломер лейкоцитов). Второй этап исследования был проведен в 2008 году, к этому моменту 675 из близнецов (37 %) умерли. Обнаружено, что для трех групп экспертов воспринимаемый возраст близнецов оказался в значительной степени связан с выживаемостью, даже после уравнивания полученных результатов с точки зрения хронологического возраста, пола, среды, признаков физического и когнитивного функционирования. Вероятность того, что тот близнец, который выглядел старше, умер первым, возрастала по мере увеличения расхождения в воспринимаемом возрасте близнецов: чем больше была разница в воспринимаемом возрасте близнецов, тем более вероятно было, что тот, который выглядел старше, умер первым. Изучение близнецов позволило авторам предположить, что стандартные генетические факторы оказывают влияние как на воспринимаемый возраст, так и на характеристику выживаемости. Восприятие возраста в контролируемых по признаку хронологического возраста и пола условиях значимо коррелирует с физическим и когнитивным функционированием, а также с длиной теломер лейкоцитов. Авторами сделан вывод: воспринимаемый возраст, который традиционно используется клиницистами в качестве общего показателя здоровья пациента, является надежным биологическим маркером старения, позволяет предсказать выживаемость лиц в возрасте ≥ 70 лет и коррелирует с функциональными и молекулярными фенотипами старения.

В большом исследовании французских ученых (Nkengne, Bertin, Stamatas, Giron, Rossi, Issachar, Fertil, 2008) был проведен анализ влия-

ния характеристик кожи лица на восприятие возраста светлокожих женщин, а также изучено влияние возраста и пола воспринимающего субъекта на оценку возраста другого человека. Среди 5000 здоровых светлокожих женщин из базы данных были случайным образом выбраны 173 в возрасте от 20 до 74 лет. Специально подготовленный человек проводил зрительную оценку характеристик кожи лица, затем каждая из женщин была сфотографирована анфас. Фотографии предъявлялись 48 экспертам (20 мужчин и 28 женщин в возрасте 22–64 года), которых просили оценить возраст людей на снимках. Эксперты разделялись на молодых (моложе 35 лет), среднего возраста (35–50 лет) и пожилых (старше 50 лет). С помощью регрессионной модели анализа было показано, что наиболее важными для восприятия возраста оказались область глаз, губ и однородность цвета кожи. В определении возраста оценки старших экспертов были основаны главным образом на определении формы границы губ и степени открытости глаз, в то время как оценки младших экспертов (моложе 50 лет) в большей степени основывались на наличии темных кругов, носогубных складок и пигментных пятен. В зависимости от пола и возраста были выявлены статистически значимые различия в восприятии возраста экспертами: эксперты женского пола в определении возраста светлокожих женщин демонстрируют большую точность, чем мужчины; молодые эксперты (моложе 35 лет) – большую точность, чем пожилые (старше 50 лет).

В целом, на сегодняшний день обозначена группа факторов, влияющих на точность оценки и специфику восприятия возраста другого человека: 1) пол, возраст объекта и субъекта восприятия; 2) их принадлежность к одной возрастной группе, и, в более широком контексте, принадлежность к одной социальной группе; 3) наличие специальных обучающих программ, включающих в себя технологию обратной связи; 4) выражение лица объекта восприятия. Проанализированы наиболее важные с точки зрения восприятия возраста компоненты лица (область глаз, губ, однородность цвета кожи). Также в ряде работ доказано, что воспринимаемый возраст (результат социального восприятия одного человека другим) является маркером психофизиологических и биологических характеристик человека (показателей физического и когнитивного функционирования, длины теломер лейкоцитов, риска смерти и т.п.).

Несмотря на очевидную научную актуальность и существенное прикладное значение, в отечественной социальной психологии еще недостаточно работ, посвященных данной тематике. Исследователи в большей степени ориентированы на изучение оценок субъектами восприятия собственного возраста (психологического возраста) (Сергиенко, 2011, 2013), рассматривают различные личностные переменные, влияющие на соотношение хронологического и психологического возрастов. В работах В.А. Лабунской (2009, 2010, 2014; Лабунская, Наровская, 2006) и ее учеников Е.В. Белугиной (2003), Д.В. Погонцевой (2011), Я.Б. Наровской (2007) убедительно показаны роль и место отношения к своему внешнему облику (в том числе оценки его соответствия возрасту) в системе отношений личности, в удовлетворенности жизнью на различных этапах жизненного пути, в выборе практик преобразования внешнего облика. В работах Н.Л. Белопольской, Е.М. Шафировой, В.В. Виссарионовой, В.А. Виссарионова (Белопольская, Виссарионов, Шафирова, 2012), посвященных определению хронологического возраста по лицу человека, особое внимание уделяется лицевому возрасту человека, выделены параметры «немолодого» лица, типы старения в соответствии с визуально воспринимаемыми признаками, проведена оценка лицевого возраста женщин после проведения омолаживающих операций.

В целом, если рассматривать восприятие возраста (своего и другого человека) как частный случай социальной перцепции, то можно утверждать, что в отечественной социальной психологии, в школе Алексея Александровича Бодалева (Бодалев, 1982, 2015) накоплен огромный объем теоретико-эмпирических исследований, раскрыты социально-психологические закономерности восприятия человека человеком, которые распространяются и на восприятие возраста другого человека. В психологии социального познания, в частности, показано, что в качестве главных факторов восприятия другого выступают психологические и социально-психологические характеристики субъекта восприятия, объекта восприятия, особенности отношений между субъектом и объектом восприятия, социальная ситуация взаимодействия. Также в известной работе А.А. Бодалева «Восприятие человека человеком» (1982) показано, что возраст другого представлен воспринимающему его субъекту в различных компонентах внешнего облика:

в физическом внешнем облике; в выразительном поведении (А.А. Бодалев говорит о «старческой» походке); во внешнем оформлении облика, который, по словам А.А. Бодалева, «... служит дополнительным признаком возраста» (там же, 1982, с. 28). При этом на сегодняшний день нет данных о соотношении различных компонентов внешнего облика при восприятии возраста другого человека, о «вкладе» каждого из компонентов в восприятие возраста другого, что и стало основной целью проведенного нами совместно с Е.Г. Николаевой исследования (Шкурко, Николаева, 2015).

Методологическими и теоретическими предпосылками работы явились представления о восприятии человека человеком (Бодалев, 1982, 2015; Панферов, 1974; Лабунская, 2009, 2010, 2014); представления о внешнем облике человека, его структуре и социально-психологических функциях (Лабунская, 2009, 2010, 2014); понятие о возрасте как совокупности психологического, биологического, хронологического, социального и лицевого возрастов (Микляева, 2009; Белугина, 2003; Белопольская, Виссарионова, Шафирова, 2012).

Целью работы явился анализ компонентов внешнего облика другого человека в структуре восприятия визуальных презентаций возраста. В качестве гипотез исследования выступили следующие предположения: 1) компоненты внешнего облика неравномерно представлены в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека; 2) в качестве ведущего фактора восприятия визуальных презентаций возраста другого человека, возможно, выступает его лицо.

Методы и методики

В качестве основной методики исследования выступила специально сконструированная методика «Идентификация возраста личности с использованием фотовизуализации» (Шкурко, Николаева, 2015). С ее помощью было получено 3268 высказываний (единичных реплик, законченных по смыслу) относительно элементов внешнего облика, на которые опирается субъект, решая задачу определения возраста другого человека при его восприятии. Для анализа высказываний использовался контент-анализ. При разработке единиц контент-анализа мы опирались на представления о структуре внешнего обли-

ка человека, предложенные В.А. Лабунской: «внешний облик рассматривается как сложное образование, состоящее из ряда компонентов, отличающихся степенью изменчивости под влиянием естественных и искусственных факторов: 1) устойчивый компонент внешнего облика (индивидуально-конституциональные характеристики человека); 2) среднеустойчивый (оформление внешности: прическа, косметика, украшения, одежда) и динамический компонент (экспрессивное, невербальное поведение, сопряженное с состояниями и отношениями личности), взаимодействие между которыми образует пространственно – временную целостность (внешность человека), которая, в первую очередь, презентует гендерно-возрастную и статусно-ролевую идентичность личности и ее отношения с миром» (Лабунская, 2014).

В качестве единиц контент-анализа были выделены следующие 32 категории:

1) *внешний облик в целом (ВО)* – к нему были отнесены высказывания типа «внешние данные», «внешне молодо выглядит», «внешнее отсутствие старения», «внешние качества», «внешний вид», «внешний облик», «внешне выглядит хорошо» и т.п.;

2) *оценочные бессодержательные высказывания (ОБ)* – высказывания типа «выглядит, в общем, не плохо», «держится молодцом», «доволен собой», «за собою не следит», «запустила себя», «издали нечего», «не нравится внутренне», «не объяснимо» и т.п.

3) *профессионально-ролевые стереотипы (ПРС)* – высказывания типа «аграрий», «архитектор», «выглядит, как доярка», «выглядит, как коллега», «выглядит, как программист», «замученный студент», «хакер среднего возраста» и т.п.;

4) *гендерно-возрастные стереотипы (ГВС)* – высказывания типа «баба ягодка опять», «выглядит, как подросток», «зрелая женщина», «поджарый мужичок», «похож на людей, которым 45», «похожа на бабушку», «тетка», «тинэйджер», «так должны выглядеть в этом возрасте»;

5) *этнокультурные стереотипы (ЭКС)* – высказывания типа «деревня», «кавказская внешность», «ковбой среднего возраста», «мадам», «похожая на цыганку бабуля», «северянин», «татарка» и т.п.;

6) *шея (УШ)* – высказывания типа «дряблая шея», «молодая шея», «на шее складки», «не видно шеи», «не гладкая шея», «обвисшая шея», «по шее видно, что больше средних лет», «характерный птоз на шее», «шея как у сорокалетних» и т.п.;

7) *руки (УР)* – высказывания типа «изменения в руках», «молодые кисти рук», «руки бабушки», «руки молодые» и т.п.;

8) *фигура (УФ)* – высказывания типа «по фигуре», «бедрa широкие», «бесформенная фигура», «взрослая фигура», «детская фигура», «дряблая фигура» и т.п.;

9) *ноги (УН)* – высказывания типа «ноги не молодые», «ножки», «по ногам» и т.п.;

10) *лицо в целом (УЛ)* – высказывания типа «взрослое лицо», «детские черты лица», «контур лица», «лицо дряхлое», «лицо, как румяное яблочко», «поношенное лицо», «поплывшее лицо», «признаки возраста на лице», «четкий овал лица» и т.п.;

11) *губы (УГГ)* – высказывания типа «линия губ придает старости», «поджатые губы», «пухлые губки», «сжатые губки молодят», «старушечьи губы» и т.п.;

12) *морщины (УМ)* – высказывания типа «глубокие морщины», «глубокие морщины в области глаз», «небольшие морщинки», «нет глубоких морщин», «нет морщин», «гусиные лапки» и т.п.;

13) *лысина (УЛЛ)* – высказывания типа «лысет потихоньку», «лысоват», «наличие признаков облысения», «плешь на голове» и т.п.;

14) *пигментация (УП)* – высказывания типа «возрастная пигментация», «пигментация на лице», «пятна, проблемы с печенью», «старческие пятна» и т.п.;

15) *кожа лица (УК)* – высказывания типа «гладкая кожа лица», «дряблая кожа», «качество кожи», «кожа в капиллярах», «кожа висит», «кожа усталая», «молодая кожа» и т.п.;

16) *брови (УБ)* – высказывания типа «брови», «брови не седые», «бровки уже не растут», «не модные брови», «седые брови», «ужасные брови», «хмурые брови» и т.п.;

17) *щеки, подбородок (УЩ)* – высказывания типа «брыли», «дряблость подбородка», «обвислые щеки», «овал лица», «опустившиеся щеки», «пухлые детские щечки», «щеки опущенные» и т.п.;

18) *прыщи (УПП)* – высказывания типа «проблемная кожа», «прыщавенький», «сыпь детская», «юношеские прыщики» и т.п.;

19) *грудь (УГ)* – высказывания типа «взрослая грудная клетка», «грудь не сформировалась», «грудь упругая», «дряблое декольте», «обвисшая грудь», «сочная грудь» и т.п.;

20) *полнота (УЖ)* – высказывания типа «вес», «живот», «жирок», «избыточный вес», «наверное, рожала несколько раз», «нет лишнего веса»,

«от жира свежая», «полная, поэтому непонятно, сколько ей лет», «полнота взрослится» и т.п.;

21) *худоба (УХ)* – высказывания типа «худенькая», «худощавое телосложение», «худощавый» и т.п.;

22) *прическа (СП)* – высказывания типа «беда с волосами», «брюнеты всегда выглядят старше», «возрастная стрижка мужчины, который за собой не следит», «волосы выпадают», «волосы не седые», «длинные волосы носят в таком возрасте», «не модная прическа», «отсутствие седины», «сбивает прическа, кажется, что моложе», «старушечья прическа», «стрижка, характерная для взрослых людей» и т.п.;

23) *одежда и обувь (СО)* – высказывания типа «взрослая одежда», «где-то работает, а не учится, исходя из одежды», «малолетний стиль», «не современная одежда», «низкий каблук», «одежда бабушки», «подростковые кеды», «человек только в 35 может надеть такие тапки» и т.п.;

24) *борода и усы (СБ)* – высказывания типа «борода», «бородка усиливает возраст», «взрослая щетина», «детские усы», «еще не бреется», «усатая тетка», «усы молодая не носила бы» и т.п.;

25) *украшения (СУ)* – высказывания типа «аксессуары», «бижутерия», «браслет, как у меня», «браслетики», «детские побрякушки», «золота много», «куча дурацких колечек», «дорогие часы» и т.п.;

26) *макияж (СМ)* – высказывания типа «возрастной макияж», «глазки плохо накрашены, старят», «губы подведены карандашом», «не накрашенное лицо», «нет косметики», «цвет губной помады», «яркий макияж, усиливает возраст» и т.п.;

27) *очки (СОО)* – высказывания типа «не модные очки», «очки добавляют возраста», «очки придают возраст, форма не та», «очки старят» и т.п.;

28) *поза (ДП)* – высказывания типа «зажатая поза», «руки в бока», «скромная поза», «стойка», «поза молодежавая» и т.п.;

29) *взгляд (ДВ)* – высказывания типа «азарт в глазах», «блеск в глазах», «взгляд взрослого человека», «взгляд утомленный», «глаза мечтающие еще», «глубокий взрослый взгляд», «детский взгляд», «легкость во взгляде», «пожилой взгляд», «потухший взгляд», «ясный взгляд» и т.п.;

30) *осанка (ДО)* – высказывания типа «нет молодецкой осанки», «остеохондроз», «статность», «стройная», «сутулость» и т.п.;

31) *улыбка (ДУ)* – высказывания типа «довольная улыбка», «легкая улыбка», «молодая улыбка»,

«улыбается», «улыбка молодит», «улыбчивый взгляд», «широкая улыбка» и т.п.;

32) *выражение лица (ДВВ)* – высказывания типа «выражение лица взрослое», «выражение лица с признаками зрелости», «выражение лица серьезное», «выражение лица уверенное», «детское выражение лица», «забитое выражение лица», «задрюканный жизнью бедолага», «наивное лицо», «невинное лицо» и т.п.

Значительная часть вышеназванных категорий представляет собой единицы контент-анализа первого уровня, которые затем группировались в более общие блоки (единицы контент-анализа второго и третьего уровней). Например, устойчивые компоненты внешнего облика (У – единица контент-анализа третьего уровня) состоят из лица (УЛ), шеи (УШ), рук (УР), фигуры (УФ), ног (УН), которые, в свою очередь, группируются из единиц контент-анализа первого уровня. Так, восприятие лица как источника информации о возрасте другого состоит из восприятия элементов лица, которые в нашем исследовании представлены единицами контент-анализа первого уровня: губы (УГГ), морщины (УМ), лысина (УЛЛ), пигментация (УП), оценка лица в целом, без выделения каких-либо частных признаков (УЛ), кожа лица (УК), брови (УБ), щеки, подбородок (УЩ), прыщи (УПП).

Выделенные в исследовании 32 единицы контент-анализа были сгруппированы в более общие блоки (единицы контент-анализа третьего уровня), а именно: 1) устойчивые компоненты внешнего облика (У); 2) среднеустойчивые компоненты внешнего облика (С); 3) динамические компоненты внешнего облика (Д); 4) оценочные бессодержательные суждения (ОБ); 5) внешний облик в целом (ВО) (оценка возраста с опорой на внешний облик, не дифференцированный по каким-либо критериям); 6) восприятие возраста через соответствие внешнего облика стереотипам (гендерно-возрастным (ГВС), этно-культурным (ЭКС); профессионально-ролевым (ПРС)).

Процедура исследования

При разработке методики «Идентификация возраста личности с использованием фотовизуализации» использована следующая процедура. Были сфотографированы люди различных возрастов, профессий и типажей (профессиональная фотосъемка, с правильно подобран-

ным светом, единообразным фоном, но без применения технологий «фотошоп»). Моделей не просили принять какие-либо позы или выражения лица, от них требовалось их обычное повседневное поведение. Далее из всего массива фотографий были выбраны 40 фотографий, которые отвечали следующим требованиям: по 2 женских и мужских портретных и ростовых фотографии из каждого десятилетия, начиная с 1950 года рождения и заканчивая 1999 (то есть на одно десятилетие приходится 4 человека и 8 фото). Фотографии были размещены в альбом таким образом, чтобы испытуемый мог видеть только одно фото и не переходил к следующему, не оценив предыдущего, при этом сначала показывалась карточка с ростовым изображением человека, затем с портретным; порядок фотографий был определен так, чтобы чередовались мужские и женские образы, при этом рожденные в одном десятилетии люди повторялись через четыре на пятую картинку. К данной процедуре прилагалась специально разработанная анкета, которая содержала, помимо сведений о субъекте восприятия, следующие вопросы относительно каждой из 40 фотографий: 1) «Сколько лет человеку на данном фото?»; 2) «Что в этом человеке позволяет Вам сделать этот вывод?».

Респонденты

В качестве субъектов восприятия выступили 60 человек: 47 женщин и 13 мужчин в возрасте от 18 до 77 лет. Каждый из них оценивал возраст 20-ти человек, представленных на 40 фотографиях.

Результаты исследования

В соответствии с классической процедурой проведения контент-анализа, нами была подсчитана абсолютная и относительная частота встречаемости выделенных категорий в общем количестве высказываний (3268 высказываний). Проведенный анализ позволил обозначить место компонентов внешнего облика (долю устойчивых (У), среднеустойчивых (С) и динамических (Д) параметров) в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека. Результаты анализа приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, при восприятии возраста другого человека субъекты восприятия

опираются, в первую очередь, на устойчивые параметры внешнего облика. Среднеустойчивые параметры внешнего облика упоминались в два раза реже, динамические компоненты внешнего облика составили десятую часть всех высказываний относительно возраста воспринимаемых «моделей». Внешний облик в целом, без уточнения конкретных характеристик, являлся отправной точкой для восприятия возраста в 14,08 % всех случаев, оценочные бессодержательные высказывания составляют почти десятую часть всех ответов респондентов. На периферии восприятия возраста другого человека находится фиксация субъектом восприятия соответствия/несоответствия внешнего облика объекта восприятия гендерно-возрастным, этнокультурным и профессионально-ролевым стереотипам. Таким образом, центральное место в структуре восприятия визуальных презентаций возраста занимают устойчивые, среднеустойчивые и динамические компоненты внешнего облика, среди которых доминирующее положение принадлежит устойчивым параметрам внешнего облика.

Нами был проделан более детальный анализ устойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста. В качестве параметров данного компонента внешнего облика в нашем исследовании рассматривались: лицо (УЛ), шея (УШ), руки (УР), фигура (УФ), ноги (УН) (единицы контент-анализа второго уровня). Ниже в тексте будет приведена относительная частота встречаемости категорий второго уровня в общем массиве высказываний (для того, чтобы можно было сравнить частоту категорий разного уровня между собой). Результаты анализа приведены в табл. 2.

Ведущую роль среди устойчивых параметров конструирования взрослыми испытуемыми возраста другого человека играет лицо (30,7 % при общей доле устойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста 41,55 %). Вторым по выраженности параметром устойчивого компонента внешнего облика, влияющим на восприятие возраста, является фигура – 7,37 %, что в четыре раза меньше предыдущего параметра. Остальные три, казалось бы,

Таблица 1

Компоненты внешнего облика (устойчивые, среднеустойчивые и динамические) в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
У	1358	41,55 %
С	576	17,63 %
Д	340	10,4 %
ВО	460	14,08 %
ОБ	278	8,51 %
ГВС	196	6 %
ПРС	33	1,01 %
ЭКС	27	0,83 %
Итого	3268	100 %

Примечания к таблице: устойчивые компоненты внешнего облика – У; среднеустойчивые – С; динамические – Д; ВО – внешний облик в целом; ОБ – оценочные бессодержательные высказывания; ПРС – восприятие возраста через соответствие внешнего облика профессионально-ролевым стереотипам; ГВС – гендерно-возрастным стереотипам; ЭКС – этнокультурным стереотипам.

Таблица 2

Содержание устойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
1.УШ (шея)	51	1,56 %
2.УР (руки)	59	1,8 %
3.УФ (фигура)	241	7,37 %
4.УН (ноги)	4	0,12 %
5.УЛ (лицо)	1003	30,7 %
Итого	1358	41,55 %

не менее значимых, параметра, занимают всего 3,5 % в структуре восприятия: руки – 1,8 %, шея – 1,56 %, ноги – 0,12 %.

Детальный анализ среднеустойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста другого человека приведен в табл. 3. Из таблицы видно, что особенности одежды и обуви больше других среднеустойчивых показателей оказывают влияние на восприятие возраста испытуемыми (293 высказывания). Следующим по значимости показателем является прическа – 4,47 %. Далее макияж у женщин (1,35 %) и любые манипуляции с бородой (небритость, щетина, бородка, поросль на лице) у мужчин (1,69 %). Украшения были отмечены в 25 высказываниях из 3268 (всего 0,76 %), хотя присутствовали на 9 моделях из 20, что составляет почти 50 %.

Анализ особенностей восприятия визуальных презентаций возраста с точки зрения динамических параметров внешнего облика объекта представлен в табл. 4. Как показывают полученные данные, доминирующими динамическими показателями при восприятии возраста другого человека выступают взгляд и мимика объекта восприятия. В целом, использованная в исследовании процедура, а именно, то, что

субъектам восприятия были представлены фотографии, а не сам человек, может объяснять относительно невысокую долю динамического компонента внешнего облика в структуре восприятия возраста.

Для анализа места лицевых параметров в структуре восприятия визуальных презентаций возраста, мы из выделенных 32 единиц контент-анализа выбрали все параметры, касающиеся так или иначе конструирования возраста другого человека на основании лицевых признаков (которые относились и к устойчивым, и к среднеустойчивым, и к динамическим компонентам внешнего облика). Их оказалось ровно 50 % (16 параметров). Ниже приведена таблица всех «лицевых» параметров, основываясь на которых, участники исследования определяли возраст моделей.

Как видно из табл. 5, почти половина высказываний (46,7 %) из 3268 приходится на область лица и различных его характеристик, которое является средоточием устойчивых, среднеустойчивых и динамических компонентов внешнего облика. Полученные данные позволяют сделать вывод, что лицо является наиболее значимым элементом внешнего облика при восприятии возраста другого человека.

Таблица 3

Содержание среднеустойчивого компонента внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
СП (прическа)	146	4,47 %
СО (одежда и обувь)	293	8,96 %
СБ (борода и усы)	55	1,69 %
СУ (украшения и аксессуары)	25	0,76 %
СМ (макияж лица и отдельных его частей)	44	1,35 %
СОО (очки)	13	0,40 %
Итого	576	17,63 %

Таблица 4

Содержание динамического компонента внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста другого человека

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
ДМ (мимика)	105	3,21 %
ДП (поза)	48	1,47 %
ДВ (взгляд)	162	5 %
ДО (осанка)	25	0,76 %
Итого	340	10,40 %

Таблица 5

Место лица в структуре восприятия визуальных презентаций возраста

Категория	Абсолютная частота встречаемости категорий в массиве высказываний	Относительная частота встречаемости категорий в массиве высказываний (%)
ДУ (улыбка)	19	0,50 %
ДВВ (выражение лица)	85	2,60 %
ДВ (взгляд)	162	5 %
СП (прическа)	146	4,47 %
СБ (борода и усы)	55	1,69 %
СМ (макияж)	44	1,35 %
СОО (очки)	13	0,40 %
УГГ (губы)	13	0,40 %
УМ (морщины)	269	8,23 %
УЛЛ (лысина)	46	1,41 %
УП (пигментация)	21	0,64 %
УЛ (лицо в целом)	467	14,29 %
УК (кожа лица)	133	4,07 %
УБ (брови)	16	0,49 %
УЩ (щеки, подбородок)	27	0,83 %
УПП (прыщи)	11	0,34 %
Итого	1527	46,70 %

Выводы

Обобщение полученных в исследовании результатов позволяет сделать ряд выводов:

1. Центральное место в структуре восприятия визуальных презентаций возраста занимают устойчивые, среднеустойчивые и динамические компоненты внешнего облика, среди которых доминирующее положение принадлежит устойчивым параметрам внешнего облика.

2. Среди устойчивых параметров внешнего облика на восприятие возраста влияют (по мере убывания): лицо, фигура, руки, шея, ноги; среди среднеустойчивых параметров: особенности одежды и обуви, прическа; макияж (у женщин) / небритость, щетина, борода, поросль на лице (у мужчин), украшения; среди динамических параметров внешнего облика: взгляд, мимика, поза, осанка.

3. Также в структуре восприятия возраста другого человека выделены такие элементы, как опора на внешний облик в целом, без уточнения конкретных характеристик; оценочные бес-содержательные высказывания; восприятие возраста с опорой на соответствие внешнего облика объекта восприятия гендерно-возрастным, этнокультурным и профессионально-ролевым стереотипам.

4. Лицо, как средоточие устойчивых, среднеустойчивых и динамических компонентов внешнего облика, выступает наиболее значимым элементом внешнего облика при восприятии возраста другого человека.

Проведенное исследование позволило описать «вклад» различных компонентов внешнего облика в структуру восприятия возраста, понять, на что в первую очередь опирается субъект восприятия при анализе возраста другого человека, еще раз подтвердить исключительное место лица человека в процессах социального восприятия и познания другого человека (в частности, в процессе восприятия возраста другого). Сделанные выводы позволяют выстроить иерархию способов и средств омоложения с точки зрения того, насколько они влияют на восприятие человека как более молодого, чем он есть, с точки зрения его хронологического возраста. На первом месте находится пластическая хирургия и различные нехирургические средства омоложения, способные изменить устойчивые компоненты внешнего облика: изменить овал лица, убрать глубокие морщины, подтянуть фигуру и т.д. На втором месте находится индустрия моды и красоты – разнообразные стилисты и визажисты, способные оформить внешний облик человека, чтобы он выглядел как более молодой или более зрелый (в зависимости от целей и задач самого человека, ситуации общения или какой-либо иной причины). На третьем месте находятся разнообразные психологические тренинги и психологические практики омоложения (к примеру, танцевально-экспрессивные технологии (Шкурко, 2005), направленные на «психологическое омоложение» (по аналогии с психологическим возрастом). Это, так называемое «психологическое омоложение», достигается, на

наш взгляд, преимущественно двумя способами: 1) прямым способом, а именно – участники тренингов учатся вести себя как более молодые – двигаться раскованно, улыбаться, вести себя более непосредственно и т.д.; 2) опосредованным способом, через появление за счет эффектов тренинговой работы новых планов и жизненных целей, что субъективно удлиняет жизненную перспективу, и, соответственно, влияет на переживание собственного возраста человеком (уменьшает его субъективный возраст). В.А. Лабунская справедливо подчеркивает, что «омоложение – это не только преобразование внешнего облика (несмотря на то, что в символическом плане именно он указывает на соответствие человека конструкту «молодость»), но и переструктурирование всего жизненного опыта» (Лабунская, 2010, с. 32).

В качестве развития данной проблематики, опираясь на модель восприятия и понимания человека человеком, разработанную А.А. Бодалевым (1982, 2015), можно наметить следующие перспективы исследования восприятия возраста другого человека. Это, в первую очередь, анализ влияния ряда социально-психологических факторов (гендерно-возрастных особенностей, отношению к своему внешнему облику субъекта и объекта восприятия и т.д.) на восприятие возраста другого человека; выявление роли социальных потребностей человека (в частности, в контроле себя и других людей) (Шкурко, 2011) в управлении впечатлением о собственном возрасте; выявление характеристик динамического компонента внешнего облика, участвующих в приписывании возраста другому человеку, в процессе непосредственного общения.

Литература

1. Белопольская Н.Л., Виссарионов В.А., Шафиров Е.М. Психологические аспекты эстетической медицины // Актуальные вопросы пластической хирургии и косметологии. Москва: Институт пластической хирургии и косметологии, 2012. С. 349–360.
2. Белопольская Н.Л., Виссарионова В.В., Шафиров Е.М. Определение хронологического возраста по лицу человека // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. Ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. С. 33–44
3. Белугина Е.В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: автореф. дис.... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
4. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982.
5. Лабунская В.А. Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Выпуск 2. ART 55035. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55035.htm> (дата обращения: 12.05.2015)
6. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26–39
7. Лабунская В.А. Субъективная интерпретация феномена «нормативной неудовлетворенности внешним обликом» // Субъектный подход в психологии: серия «Интеграция академической и университетской психологии» / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2009. С. 355–372.
8. Лабунская В.А., Наровская Я.Б. Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // Мир психологии. 2006. № 4. С. 96–104
9. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. Санкт-Петербург: Речь, 2009.
10. Наровская Я.Б. Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: автореф. дисс....канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
11. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопросы психологии. – 1974. – № 2. – С. 59–64
12. Погонцева Д.В. Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 73–82.
13. Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2015.
14. Сергиенко Е.А. Субъективный возраст в самоопределении человека на временной дистанции его жизнедеятельности // Мир психологии. 2011. № 3. С. 104–119

15. Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/853-sergienko30.html> (дата обращения: 12.05.2015)
16. Шкурко Т.А. Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 177–184.
17. Шкурко Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг. Санкт-Петербург: Речь, 2005.
18. Шкурко Т.А., Николаева Е.Г. Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. № 4.
19. Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Hjelmberg J.V.B., Aviv A., Gunn D., Van Der Ouderaa F., Vaupel J.W. Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study // BMJ (Online). 2009. V. 339. Issue 7735. Article number b5262. P. 1433
20. George P.A., Hole G.J. Factors influencing the accuracy of age estimates of unfamiliar faces // Perception. 1995. Vol. 24. Issue 9, pp. 1059-1073.
21. Nkengne A., Bertin C., Stamatas G.N., Giron A., Rossi A., Issachar N., Fertil B. Influence of facial skin attributes on the perceived age of Caucasian women // Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology. 2008. Vol. 22. Issue 8, pp. 982-991.
22. Rhodes M.G. Age estimation of faces: A review // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23. Issue 1, pp. 1-12.
23. Sörqvist P., Eriksson M. Effects of training on age estimation // Applied Cognitive Psychology. 2007. Vol 21. Issue 1, pp. 131-135.
24. Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // Age and Ageing. 2005. Vol. 34. Issue 4, pp. 368-372.
25. Voelkle M.C., Ebner N.C., Lindenberger U., Riediger M. Let me guess how old you are: Effects of age, gender, and facial expression on perceptions of age // Psychology and Aging. 2012. Vol. 27. Issue, 2, pp. 265-277.

РАЗДЕЛ 3.

СИСТЕМА ОТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ: ФАКТОРЫ, УСЛОВИЯ И ДИНАМИКА

ГЛАВА 1.

Ценностные ориентации и удовлетворенность отношениями с другими у лиц с разной направленностью в общении

(Габдулина Л.И.)

Введение

Общеизвестно, что общение – это универсальная реальность, в которой человек существует в течение всей своей жизни. Пространство общения и отношений с другими в жизненном мире личности занимает особое место: именно в отношениях с другими личность реализует свои базовые потребности. Отношения с другими людьми «пронизывают» жизненный мир личности, составляя основное содержание ее жизни. Через общение с людьми реализуется вся система отношений личности (А.Н. Леонтьев).

Взаимоотношения с окружающими являются поэтому важнейшей составляющей психологического благополучия личности. Вся совокупность отношений с другими влияет на показатель общей жизненной удовлетворенности личности в целом, которая в первую очередь обусловлена ее удовлетворенностью отношениями с окружающими. Как справедливо подчеркивает С.Л. Братченко, можно с уверенностью утверждать, что качество жизни человека во многом определяется качеством его общения, и это справедливо не только для представителей «коммуникативно-насыщенных» профессий, но и для любого человека вообще (Братченко, 2001).

Значение взаимоотношений с окружающими сохраняется на всех этапах жизненного пути личности, поскольку они являются необходимым условием, атрибутом существования человека с первого до последнего дня его жизни. В зрелом возрасте, когда человек сам в большей или меньшей степени способен выбирать людей, составляющих его непосредственное окружение, субъективная значимость взаимоотношений

с окружающими не снижается. Благополучие и возможность личностного роста взрослого человека в не меньшей степени, чем у только формирующейся личности, зависят от качества межличностных отношений, в которые он включен и которые способен «выстраивать». Удовлетворенность межличностными отношениями и удовлетворенность своей позицией в этих отношениях – важнейший критерий социальной адаптации.

В свете вышесказанного очевидна необходимость глубокого и многоаспектного анализа в психологической науке проблемы организации личностью ее отношений с окружающими и прежде всего – проблемы детерминации этих отношений.

В контексте исследований, посвященных данной проблематике, справедливо акцентируется внимание на многообразии качеств, проявляемых личностью в общении, многоуровневом и полифункциональном их значении, с одной стороны, и о многостороннем действии самого общения на включенную в него личность, с другой стороны. Таким образом, подчеркивается сложный характер взаимодетерминации личности и ее отношений с другими (А.А. Бодалев и др.).

Для описания личности в качестве субъекта общения применяется достаточно большое разнообразие социально-психологических, психологических характеристик личности и ее общения с другими людьми: *направленность, установки, ценностные ориентации, система отношений личности, стили, стратегии взаимодействия, социально-перцептивные образования, коммуникативные навыки и умения, ролевые, статусные позиции личности и соответствие ее поведения социокультурным и нравственно-этическим*

нормам и т.д. Употребляется также понятие «социально-психологические способности», которому уделяется большое внимание в литературе и которое активно используется в экспериментальных исследованиях. Это понятие охватывает группу способностей, связанных с проявлениями личности в общении. Их формирование связано с различными сторонами процесса общения: «социально-перцептивная способность» (В.А. Лабунская), «способность к эмоциональному отклику» (А.А. Бодалев), «общая способность к оценке другого» (Г. Олпорт); «наблюдательность» и «проницательность» (Ю.М. Жуков), «способность к рефлексии», «способность к эмпатии», «социальный интеллект», «компетентность в общении» (Б.Д. Парыгин и др.) и т.п. Индивидуально-специфическое содержание субъекта общения (отношений) описывается также посредством трехкомпонентной структуры, в состав которой входят отношение, отражение и обращение, объединяющиеся в «коммуникативном ядре» (А.А. Бодалев) личности и являющиеся его составной частью. Направленность личности, понимаемая как «доминирующее отношение», рассматривается в качестве ведущей характеристики личности, определяющей ее психологический склад.

Все вышеперечисленное, несомненно, участвует в системной детерминации общения и отношений личности с окружающими. Важно подчеркнуть, что в процесс общения личность вовлекается во всей своей целостности; ее внутренний мир включен в любой вид общения. Личность в этом процессе выступает не как пассивный реципиент действующих на нее сил; она обладает субъектностью – интегральным личностным свойством, проявляющимся в ее способности управлять имеющимися отношениями и, что еще более важно, формировать их на основе своего опыта и ценностно-смысловых приоритетов (Шамионов, 2011). Последние, с нашей точки зрения, заслуживают особого внимания. Система личностных ценностей выражает собой квинтэссенцию, сущность личности и выполняет ряд важнейших функций в ее внешней и внутренней жизни (Журавлева, 2006, Яницкий, 2000 и др.). Ценностно-смысловые отношения личности – основа ее жизненного мира; они обнаруживают свою регулирующую роль в широком спектре жизненных сфер личности, а также – во внутриличностной динамике. Они накладывают отпечаток на все проявления личности. Это своего рода «ось» жизненного мира личности. Всякий осмысленный акт чело-

века, помимо своего непосредственного прагматического значения, является одновременно актом утверждения и проявления тех или иных смыслов и ценностей: «жить – значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться» (Бахтин, 1979). Самоопределение в общении – это прежде всего ценностный выбор личности, в котором ее ценностно-смысловые отношения, составляющие ценностно-смысловое поле личности как некое субъективное поле значений, играют определяющую роль. Ценностные отношения, представление о смысле человеческого и своего собственного бытия являются интегральными характеристиками личности в ее взаимодействии с социальным окружением, во взаимодействии людей друг на друга.

Тесная связь общения с жизненными ценностями и смыслами личности подчеркивается многими исследователями в отечественной психологии (Абульханова-Славская, 1991; Бодалев, 1996; Бреус, 2014; Доценко, 2000; Дьяконов, 2003; Рябикина, 2003; Скрипкина, 1997 и др.). Анализ их единства, проявляющегося в ценностно-смысловом содержании общения, является целью ценностно-смыслового подхода к общению и личности, в рамках которого осмысливается бытийная сущность общения и его роль в человеческом существовании (Рюмина, 2006).

В работах К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Бодалева проблема ценностно-смысловой детерминации общения ставится и анализируется как проблема его личностной опосредованности. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, это опосредование осуществляется средствами, соответствующими жизненным ценностям, установкам, правилам, которыми руководствуется человек. Общение происходит типичным для данной личности образом. При этом неважно, относится общение к деловой или личной сфере; важны те мировоззренческие, этические принципы, на основе которых данная личность вступает в общение. Личность активно стремится к общению, отвечающему ее жизненным ценностям, и избегает его, если оно идет с ними вразрез. Высшим типом человеческого общения К.А. Абульханова-Славская считает то общение, которое исходит из признания ценности самого существования личности (Абульханова-Славская, 1991). А.А. Бодалев, обсуждая данную проблему, указывал, что главное, с чего начинается развитие личностных качеств, необходимых для успешного общения,

является формирование у нее такой направленности, при которой другие люди стояли бы не на периферии, а в центре складывающейся у него системы ценностей. Необходима выраженная направленность на других людей (Бодалев, 1995). Еще раньше С.Л. Рубинштейн отмечал, что люди существенно отличаются друг от друга в зависимости от того, преобладает ли для них значение личностного контакта с людьми или объективного контакта с предметным миром (Рубинштейн, 2002). Иными словами, речь должна идти, прежде всего, о ценности для конкретной личности субъект-субъектных отношений, о потребности в общении, являющейся одним из мощнейших двигателей человеческого поведения и неразрывно связанной с другими социогенными потребностями, удовлетворяемыми через общение с людьми. Как известно, и в отечественной, и в зарубежной психологии стало традиционным выделение таких видов направленности личности, как направленность на объект (на дело), на других людей и на себя. Однако гораздо важнее то, в каком качестве стремится человек включить другого в общение с собой. К.А. Абульханова-Славская, например, пишет: «Этическая характеристика общения проявляется в том, каким образом другой включается в общение – как субъект, то есть человек, представляющий интерес сам по себе, выступающий как цель моего с ним общения, или как объект, контакт с которым служит лишь моим личным целям, как функциональное средство...» (Абульханова-Славская, 1991, с. 221). Отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода человеческого, по мнению Б.С. Братуся, является условием и одновременно критерием нормального развития человека, ведущего его к обретению родовой человеческой сущности (Братусь, 1997).

К.А. Абульханова-Славская и А.А. Бодалев и др. подчеркивают также и то, что личностные ценностные ориентиры в общении всегда воплощаются в определенных способах обращения с партнером по общению (Абульханова-Славская, 1991, Бодалев, 1995). Таким образом, по своему личностному основанию общение может строиться конкретным человеком исходя из признания другого человека безусловной и высшей ценностью, или быть «отчужденным», безличным. Именно в этом прежде всего раскрывается личность как субъект общения.

В отечественной психологии представленные выше идеи находят свое развитие в концепции

межличностного диалога. Единственной целью и ценностью межличностного диалога утверждается личность и личностный способ бытия его участников. Основными его атрибутами С.Л. Братченко, опираясь на идеи М. Бубера, М.М. Бахтина, считает свободу и равноправие собеседников (взаимное признание свободы), личностный контакт между собеседниками на основе сопереживания и взаимопонимания. Остальные особенности межличностного диалога – открытость и доверие собеседников, их сотворчество и другие – выводимы из основных. Собеседники в диалоге свободны от внешних, внеличных целей, прагматических интересов. Это общение, центрированное на процессе, а не на результате. Вышеприведенные идеи составляют основу психологической концепции глубинного общения С.Л. Братченко, разработанной им в русле экзистенциально-гуманистического подхода Джеймса Бюдженталя (Братченко, 2001). Таким образом, идея «самоценности другого человека», предлагаемая в качестве этической основы общения дополняется идеей диалога как свободного общения свободных (равноправных) людей, каждый из которых исходит из признания равной ценности себя и другого.

Ценностные и смысловые ориентиры личности в пространстве ее отношений с другими находят свое проявление в феномене *направленности личности в общении*. Суммируя имеющиеся представления о ее сущности можно отметить следующее.

Близкими по содержанию к понятию «направленность в общении» можно считать используемые авторами понятия: «потенциальное отношение» (мотивационная тенденция в общении с другими людьми); «мотивационный компонент отношения к другому в общении» и формы его проявления: «гуманистическая направленность ориентации в общении» и противоположная ей негуманистическая направленность ориентации в общении. В ряде исследований подчеркивается «отношенческая» суть коммуникативной направленности; при этом отношение личности к другим – потенциальным партнерам по общению – обусловлено тем, какое место «другой» занимает в системе ее ценностно-смысловых ориентиров. В ней проявляется отношение личности к себе и к другим; она детерминирует коммуникативное поведение (выбор приемов и способов общения; способы обращения с партнером по общению).

Соглашаясь с вышеприведенными мнениями исследователей, мы солидаризируемся с точкой

зрения С.Л. Братченко, который в сущности направленности личности в общении выделяет, прежде всего, ценностно-смысловые ориентиры личности. Под направленностью в общении он понимает “совокупность более или менее осознанных личностных смысловых установок и ценностных ориентаций в сфере межличностного общения”, индивидуальную “коммуникативную парадигму”, включающую представление о смысле общения, его целях, средствах, желательных и допустимых способах поведения в общении (Братченко, 1997). Можно полагать, что направленность личности как интегративное, системообразующее ее свойство (прежде всего, ее ценностно-смысловые отношения), регулирующее ее активность в любой конкретной ситуации, обнаруживается и проявляется, в том числе, и в характере смысловых установок, ценностных ориентаций, целей общения – то есть в направленности в общении. С одной стороны, направленность личности в общении – есть конкретизация ее ценностных жизненных приоритетов применительно к сфере его взаимоотношений с людьми. С другой стороны, в форме смысловых установок выражается ее готовность к определенным образом направленному восприятию воздействий партнера, как и к определенным образом направленному поведению по отношению к нему. В целом, она выявляет себя в мотивах, целях, средствах и способах общения. В таком качестве она – есть выражение ценностного отношения личности к человеку вообще, к человеку как партнеру по общению, а также к самой себе. Теоретической основой анализа направленности личности в общении и выделения ее видов служит для С.Л. Братченко концепция диалога (М.М. Бахтин, М. Бубер, А.У. Хараш и другие). Он выделяет шесть видов направленности личности в общении: диалогическую, авторитарную, манипулятивную, альтероцентристскую, конформную и индифферентную. Содержание направленности в общении каждой конкретной личности может быть представлено как сочетание всех вышеуказанных в разной степени выраженных ее видов; при этом какие-то из них являются доминирующими, преобладающими, т.е. наиболее часто определяющими общение данной личности с другими людьми. Направленность личности в общении является результатом опыта, истории всего многообразия ее отношений с другими людьми за весь период прожитой жизни.

Таким образом, *направленность в общении – стержневая характеристика личности как субъекта общения и отношений с другими в ее*

жизни, в сущности которой необходимо выделить именно ценностно-смысловое содержание, которое основано на особом типе отношения – ценностном отношении к человеку вообще, признании ценности самого существования человека, как в родовом, так и в индивидуальном его проявлении. Направленность в общении конкретного человека – это проявление его ценностно-смыслового отношения к процессу общения вообще, к другому как партнеру по общению и к самому себе. Все вышеперечисленное проявляется в форме мотивов, целей, задач, смыслов отдельных ситуаций общения.

Направленность личности в общении – результат ценностно-смыслового и жизненно-практического обобщения опыта отношений личности с другими людьми. Она определяет смысловую направленность и общую логику отношений с другими людьми в жизни личности, составляющих, как уже подчеркивалось выше, основное содержание ее жизни. Направленность личности в общении не может не быть связана с ее отношением к жизни в целом, проявляющимся прежде всего в ее жизненных ценностных приоритетах и доминирующих мотивах. В свое время В.Н. Мясищев предложил трактовать субъективные ценности как осуществляемый план личностных отношений (в субъект-объектном субъект-субъектном взаимодействии), тем самым указывая, в том числе, на достаточно широкий контекст жизненных отношений личности, в котором они реализуются.

Можно предполагать, что направленность личности в общении будет связана и с тем, как оценивает она свои отношения с окружающими, что, в свою очередь, будет обуславливать характер ее отношений с окружающими.

Гипотезы исследования

Все вышесказанное позволяет полагать: направленность личности в общении тесно связана, во-первых, с ее личностными (жизненными) ценностями, смысложизненными ориентациями, а во-вторых, – с ее общей жизненной удовлетворенностью, оценкой отношений с другими и удовлетворенностью ими.

С целью конкретизации приведенных выше представлений и подтверждения вышеприведенных предположений нами был предпринят ряд исследований. Так, эмпирическое исследование, результаты которого уже были опубликованы ранее (Габдулина, 1999, 2003, Шкуратова

Габдулина, 2001) и участниками которого стали педагоги (в количестве 100 человек), позволило нам установить тесную связь между их направленностью в общении и ценностными и смысложизненными ориентациями. Результаты убедительно говорили о том, что ценностные и смысложизненные ориентации, эмоционально-ценностное отношение к себе, отражающие вкуче главные отношения личности к миру и к себе, имеют тесные связи между собой, составляя мотивационно-смысловую основу ее общения; связанные между собой, они конкретизируются в содержании направленности в общении. Все это явилось основанием для дальнейших исследований, результаты которых обсуждаются ниже.

Респонденты

В исследованиях приняли участие мужчины и женщины – представители разных профессиональных групп в возрасте от 23 до 49 лет (в количестве 70 человек), 70 женщин-педагогов (которые, как известно, преобладают в данной профессиональной группе) со стажем профессиональной деятельности от 5 до 30 лет, студенты в количестве 130 человек.

Методы и методики исследования.

Содержание направленности в общении изучалось, как и в представленном выше исследовании, с помощью методики С.Л. Братченко «Направленность личности в общении» (НЛО) (Братченко, 1997). Ценностные жизненные ориентиры субъектов общения исследовались помощью методики М. Рокича, модифицированной Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 1992). Смысложизненные ориентации – с помощью методики Д.А. Леонтьева «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 1992). Отношение к себе и самооценка – с помощью методик: «Косвенное измерение системы самооценок», «Методики исследования самоотношения» С.Р. Пантеева, методики семантического дифференциала в модификации Д. Фельдеса. Общая удовлетворенность жизнью изучалась с помощью методики Н.В. Паниной «Индекс жизненной удовлетворенности» (Панина, 1993). С помощью опросника О.В. Фролушкиной «Женщина-педагог» (1996) изучалась степень выраженности индивидуально-психологических особенностей педагогов и их отношения к жизни, которые обо-

значены автором методики следующим образом: интеллект как альтернатива женской глупости, склонность к злости и грубости, искаженное понимание женственности, утрирование отрицательных жизненных впечатлений, синдром безысходности, возврат к детству, владение психическим состоянием, степень выраженности чувства к конкретному представителю противоположного пола. Для изучения оценки отношений с другими использовались методики: «Значимость другого человека», разработанная В.Н. Куницыной (Куницына, Казаринова, Погольша, 2001), методика А.А. Кроника и Е.А. Кроник, направленная на изучение состава со-бытийных групп субъекта и тем самым – на выявление значимых других в его жизни (Куницына, Казаринова, Погольша, 2001), методика «СУМО», разработанная В.Н. Куницыной, направленная на изучение саморегуляции и успешности в межличностном общении и позволяющая составить коммуникативный портрет личности (там же). Использовалась также методика «Оценка взаимоотношений» Ф. МакГро (МакГро, 2001). Методика представляет собой анкету, состоящую из 24 вопросов, на которые респондент должен ответить, отмечая степень согласия или несогласия по семибалльной шкале. На основании полученных результатов можно судить о том, как респондент оценивает свои отношения с любимым человеком.

Для обработки данных использовались процедуры корреляционного и факторного анализа, описательной статистики, квартилирования, установления значимости различий.

Результаты исследования

Обобщив полученные данные, мы можем охарактеризовать некоторые особенности ценностных и смысложизненных ориентаций, самооценки и самоотношения, удовлетворенности жизнью в целом и удовлетворенности отношениями с другими у лиц с доминированием разных видов направленности в общении.

В содержании направленности в общении у лиц, *ориентированных на диалог в общении с другими людьми*, доминирование диалогической направленности в общении (Д-НЛО) сводит к минимуму наличие ценностных ориентаций и коммуникативных смысловых установок, связанных с другими видами направленности: авторитарной (Ав-НЛО), манипулятивной (М-НЛО), конформной (К-НЛО), индифферентной (И-НЛО)

(по С.Л. Братченко). Иерархия их ценностных ориентаций отличается активным характером наиболее значимых ценностей, преобладанием субъектной ориентации ценностных предпочтений над объектной. Исследование, проведенное нами совместно с А. Гордиенко, позволило установить, что с выраженностью видов направленности в общении связана значимость определенных ценностных ориентаций. *Диалогическая направленность в общении* тесно положительно связана (при $p \leq 0,03$) со значимостью таких ценностей, как «жизнерадостность» и «твердая воля», а также – с значимостью ценностей: «жизненная мудрость», «познание», «развитие», «образованность».

Смыслоразнозначные ориентации особенно заметно отличаются от таковых у субъектов общения с авторитарной направленностью в общении (обнаружены значимые при $p \leq 0,05$ различия в их показателях). «Диалогичные» субъекты общения отличаются более высокой степенью осмысленности своей жизни в целом, своего будущего; восприятием и переживанием процесса собственной жизни как осмысленного, интересного, эмоционально насыщенного.

Отношение к себе и самооценка также характеризуются рядом особенностей. Доминирование диалогической направленности в общении связано с высокой степенью выраженности самопринятия, самооценности и сводит к минимуму связанные между собой самообвинение и внутреннюю конфликтность. Ориентация на диалог тесно связана также с ожиданием позитивного отношения от других («отраженное самоотношение» – в методике С.Р. Пантилеева). Сочетание указанных параметров самоотношения отражает известную функциональную и генетическую связь между отношением к себе и отношением к другим.

У диалогичных субъектов общения обнаруживается более гармоничная по сравнению с субъектами общения с другой коммуникативной направленностью самооценка. Показателем ее гармоничности в нашем исследовании (проведенном совместно с Г.А. Агуреевой) было расхождение между параметрами реальной и идеальной самооценки. У названной группы участников исследования это расхождение было минимальным или близким к нулю.

Таким образом, можно полагать, что в формировании готовности личности к диалогу в отношениях с другими людьми, ее ценностно-смысловые отношения вносят определяющий вклад. У «диалогичных» субъектов общения это субъективное поле значений «работает» как открытая, конструктивная, развивающаяся система, обеспечивающая

целостность личностного функционирования, в отличие от несбалансированной, неустойчивой, конфликтной системы монологического типа у субъектов с другими видами коммуникативной направленности. Видимо, благодаря этому *педагоги с доминирующей диалогической направленностью* в профессиональном педагогическом общении, то есть ориентированные на равноправное общение с учениками, не склонны к злости и грубости, к искаженному пониманию женственности, владеют своим психическим состоянием и удовлетворены собственной жизнью.

С *выраженностью авторитарной направленности в общении* связано повышение значимости «исполнительности», и понижение значимости ценностей: «воспитанность» и «рационализм».

Педагоги с доминирующей авторитарной направленностью в профессиональном общении склонны к злости и грубости, к искаженному пониманию женственности, к мужественному типу поведения, не владеют своим психическим состоянием, склонны к переживанию безысходности жизни и не удовлетворены в целом собственной жизнью.

Факторный анализ данных, полученных (совместно с И.Н. Кузьмищенко) на выборке студентов, позволил выделить особенности направленности в общении и особенности оценок отношений со значимыми другими, наиболее тесно связанные с их жизненной удовлетворенностью (см. таблицу 1).

Содержание приведенного ниже фактора свидетельствует о том, что люди, стремящиеся к подавлению собеседника и доминированию в общении, использующие собеседника в своих целях, а также обладающие коммуникативными личностными характеристиками, мешающими межличностному общению (повышенная сензитивность, фрустрированность, конфликтность, агрессивность, застенчивость, невротичность), имеют низкий уровень удовлетворенности жизнью. В содержание данного фактора с отрицательным факторным весом вошел также показатель сотрудничества со сверстником и матерью, свидетельствующий о том, что и то и другое несовместимо с авторитарно-манипулятивной направленностью в общении и, в конечном счете – с удовлетворенностью жизнью.

Педагоги, имеющие преобладающий манипулятивный вид направленности (М – НЛО) в сочетании с низким уровнем развития интеллекта, также, как и педагоги с доминирующей авторитарной направленностью, склонны к злости и грубости, не владеют своим психическим состоянием,

склонны к переживанию безысходности жизни, утрированию отрицательных жизненных впечатлений и не удовлетворены собственной жизнью.

У студентов М – НЛО положительно коррелирует с выраженным стремлением скрывать от любимого человека секреты ($r=0.42$ при $p>0,02$).

Содержание фактора (см. таблицу 2) свидетельствует о том, что люди, стремящиеся к доминированию и манипулированию в отношениях с другими, при этом склонные сводить общение к деловым вопросам (тесная положительная связь Ав-НЛО, М-НЛО, И-НЛО), с низкой степенью выраженности стремления к диалогичным отношениям и готовности жертвовать своими интересами ради интересов партнера по общению (АЛ-НЛО и Д-НЛО), отношениями с любимыми не удовлетворены, полагая, что только они по-настоящему работают для поддержания этих отношений. Они считают, что для гармоничного и мирного сосуществования с любимым человеком, они должны перестать быть самими собой, и считают рискованным и опасным для

себя установление подлинной близости и тесной связи во взаимоотношениях со своим любимым человеком, поэтому они продолжают жить по привычке, ничего не меняя.

Индиifferentная направленность в общении, то есть ориентация на сугубо деловое общение, обнаруживает тесную положительную взаимосвязь с значимостью «непримиримости к недостаткам», «склонности к свободе и независимости» и «высоких жизненных запросов», «потребности в общественном признании», а также – отрицательную связь с значимостью «воспитанности», «уверенности в себе» и «жизненной мудрости» (все связи значимы при $p\leq 0,05$).

Увеличение степени выраженности *альтерэцентристской направленности* связано с повышением значимости «рационализма», «эффективности в делах», «аккуратности», «самоконтроля» и снижением значимости «жизнерадостности», «любви», «дружбы» и «счастливой семейной жизни».

Содержание фактора, представленное в таблице 3, отражает особенности оценки отношений

Таблица 1

Матрица факторных нагрузок показателей удовлетворённости жизнью, коммуникативных личностных характеристик и особенностей оценок отношений со значимыми другими

Параметры	Факторные веса
Удовлетворенность жизнью	– 0.780
Сензитивность	0.658
Фрустрированность	0.738
Конфликтность	0.567
Агрессивность	0.766
Застенчивость	0.714
Манипулятивная направленность	0.403
Авторитарная направленность	0.566
Невротичность	0.629
Сотрудничество со сверстником	– 0.322
Сотрудничество с матерью	– 0.590

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок показателей степени выраженности видов направленности в общении и особенностей оценок отношений со значимыми другими (с любимым человеком)

Параметры	Факторные веса
Ав-НЛО	0,571
М-НЛО	0,429
АЛ-НЛО	-0,630
Д-НЛО	-0,689
И-НЛО	0,566
боязнь перед установлением близких отношений	0,556
представление о личном и единственном вкладе для поддержания отношений	0.390
представление о привычных автоматических отношениях	0.309
ощущение того, что для мирных отношений с любимым человеком, нужно полностью изменить себя	0.633

с любимым человеком у лиц (студентов) с выраженной альтероцентристской направленностью в общении (АЛ – НЛО) и минимально выраженной М-НЛО. Иными словами, участники исследования с доминирующей альтероцентристской направленностью в общении, считающие невозможным относиться к человеку как к средству достижения своих целей, считают, что являются «дающей» стороной в отношениях с любимым человеком. По их мнению, они «возятся» с ним, как родитель с ребенком, часто извиняясь за него и оправдывая его перед другими людьми; при этом, физической стороной отношений они вполне удовлетворены.

Конформная направленность в общении связана с высокой значимостью «любви» и «счастливой семейной жизни», а также – «творчества» и «развлечений», и отрицательно связана с значимостью «ответственности», «общественного признания» и «жизненной мудрости».

Содержание фактора, представленное в таблице 4, позволяет охарактеризовать особенности оценки отношений с любимым человеком у лиц (студентов) с доминированием конформной направленности в общении (К-НЛО) и минимально выраженной И-НЛО.

Респондентам с доминированием конформной направленности в общении и не склонные сводить общение к решению сугубо деловых

вопросов считают, что только они по-настоящему работают для поддержания отношений со своим любимым человеком. Они не удовлетворены своими отношениями с любимым, полагая, что являются жертвой и заслуживают намного больше, чем имеют в этих отношениях

Выводы

Таким образом, приведенные выше эмпирические данные свидетельствуют о том, что доминирование определенного вида направленности в общении связано, с одной стороны, со значимостью (низкой или высокой) определенных личностных ценностей, с другой – с определенными особенностями оценки взаимоотношений с любимым человеком (и другими значимыми людьми) и удовлетворенностью ими. Доминирование определенных ценностных ориентаций и смысловых установок в отношениях с другими тесно связано с определенными ценностными приоритетами личности как субъекта жизни, а также – с ее самоотношением и отношением к собственной жизни и специфическим образом проявляется в ее оценке своих отношений с другими людьми, а в конечном итоге – в удовлетворенности ими и всей своей жизнью в целом.

Таблица 3

Матрица факторных нагрузок показателей степени выраженности видов направленности в общении и особенностей оценок отношений со значимыми другими (с любимым человеком)

Параметры	Факторные веса
АЛ – НЛО	0,718
М-НЛО	-0,551
ощущение себя «дающей» стороной в отношениях с любимым	0,620
детско-родительские отношения между любящими	0,556
частые извинения за своего партнера перед другими людьми	0,347
удовлетворенность физической стороной отношений	0,546

Таблица 4

Матрица факторных нагрузок показателей степени выраженности видов направленности в общении и особенностей оценок отношений со значимыми другими (с любимым человеком)

Параметры	Факторные веса
И-НЛО	-0,539
К – НЛО	0,787
желание иметь больше, чем есть в реальных отношениях	-0,457
проявление родительских сценариев во взаимоотношениях	-0,396
представление о личном и единственном вкладе для поддержания отношений	0,303
чувство вины – движущая сила отношений	-0,590
ощущение того, что для мирных отношений с любимым человеком, нужно полностью изменить себя	-0,382

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995
3. Психология общения. Энциклопедический словарь Под общ. ред. А.А. Бодалева. М. Изд-во «Когито-Центр», 2011.
4. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
5. Братченко С.Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала: Методическое пособие для школьных психологов. Псков, 1997
6. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 201–222.
7. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. М: Смысл, 2001.
8. Бреус Е.Д. Ценностные основания особенностей реагирования в ситуациях конфликтного взаимодействия. //Материалы всероссийской психологической конференции с международным участием «Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни» (Ростов-на-Дону, 23–26 апреля 2014 г.). М.: КРЕДО, 2014. С. 26–27
9. Габдулина Л.И. Некоторые индивидуально-психологические особенности и отношение к жизни педагогов с разной направленностью в профессиональном общении // Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования: материалы Первой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону ИПО ПИ ЮФУ, 2010. С. 28–33.
10. Габдулина Л.И. Взаимосвязь направленности педагогов в общении и их ценностно-смысловых отношений /Психологический вестник РГУ. Вып. 2. Ростов н/Д. 1999. С. 434–450.
11. Габдулина Л.И. Стиль педагогического общения и его ценностно-смысловые и когнитивные детерминанты / Дис. канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1999.
12. Габдулина Л.И. Личностные особенности субъектов общения с диалогической коммуникативной направленностью / Материалы международной конференции «Психология общения: социокультурный анализ». Ростов н/Д. 2003. С. 63–64.
13. Габдулина Л.И. Ценностно-смысловые аспекты общения /Психология личности Под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской М.: Эксмо. 2007. Раздел 4.2. С. 331–362
14. Габдулина Л.И. Личностный и ролевой аспекты профессионального общения педагогов // Психология обучения. 2015. № 1. С. 90–104.
15. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
16. Коммуникативная культура учителя: учебно-методическое пособие / Авт.-сост. О.В. Фролушкина. СПб., 1996.
17. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.
18. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.
19. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций. М., 1992.
20. МакГроу Ф. Стратегии жизни. М., 2001
21. Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // Life-line и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс, 1993. С. 107–114.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2002.
23. Рюмишина Л.И. Формы общения: ценностно-смысловой анализ. [Текст] диссерт. на соискание докт. психол.наук: 19.00.05. Ростов-на-Дону, 2006.
24. Шамяинов Р.М. Личность как субъект отношений и взаимоотношений// Известия Саратовского университета. 2011, Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 95–99.
25. Шкуратова И.П., Габдулина Л.И. Стили общения // Прикладная психология. 2001. № 6. С. 9–30.
26. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000.

Введение

Указывая на проблему предотвращения трудностей общения и их коррекцию А.А. Бодалев (2002) говорил о создании системы формирования и развития гуманистического по характеру коммуникативного ядра личности, т.е. о достижении такого уровня отражения любого человека, отношения к нему и поведения, когда он воспринимается как самая большая ценность. Наиболее продуктивным общением А.А. Бодалев считал диалогическое общение, которое, с его точки зрения, характеризуется полным взаимопринятием партнерами друг друга, потребностью и возможностью взаимораскрытия и положительной системой взаимоотношений. В качестве внутренних условий эффективного общения (на примере педагогического общения) он выделил «личностные» взаимоотношения. Этот вид отношений, с его точки зрения, характеризуется равноправностью субъектов как партнеров по общению, безусловным принятием друг друга как ценностей самих по себе и ориентацией на неповторимость каждого из субъектов. Кроме этого, А.А. Бодалев говорил о различных уровнях развития гуманистического по своему характеру коммуникативного ядра личности (о высоком – у одной личности и об очень низком у другой), что, по его мнению, может приводить к совершенно разным результатам общения и его видам, как эффективному, так и затрудненному.

Введение критерия эффективности общения позволило поставить вопрос о факторах, влияющих на его эффективность. Среди целого ряда факторов (социально-демографических характеристик, показателей мотивационно-потребностной и познавательной сфер) А.А. Бодалевым (2002) и его учениками было выявлено и изучено большое разнообразие личностных и социально-психологических характеристик (эмпатии, децентрации, идентификации, рефлексии, направленности в общении и др.), различные симптомокомплексы которых и определяют характер коммуникативного ядра личности. При этом определяющими успешность общения оказались более глубинные – ценностные слои личности – в первую очередь

ГЛАВА 2. «Коммуникативное ядро» – социально-психологические особенности трудного партнера общения в представлениях о нем (Бреус Е.Д.)

ценностное отношение к партнеру, к его личности. Именно ценностное отношение к личности партнера и определяет тип коммуникативного ядра личности. Так в ряде работ Л.И. Габдулиной (1999, 2001), Л.И. Рюминой (2001, 2011) указывается на взаимосвязь ценностно-смысловой сферы с проявлением стилевых характеристик и видов направленности в общении.

Вопросы эффективного, оптимального общения, поставленные во многих работах А.А. Бодалева, позволили подойти к идеям изучения затрудненного общения (Цуканова, 1985; Куницына, 1991; Лабунская, 1997, 2001 гг.). Психологически оптимальным Бодалев А.А. считал общение, в котором осуществляются цели участвующих в нем людей в соответствии с мотивами и такими способами, которые не вызывают у партнеров чувства неудовлетворения.

Важным для нас было положение Бодалева А.А. о том, что трудности в общении могут быть порождены, как одним из участников общения, так и одновременно обоими субъектами. В своей работе мы придерживались точки зрения, что «субъект общения» – это определенный уровень развития личности, для которого является характерным формирование особого свойства – субъектности (Бреус, 1999). Из представленных в литературе (Абульханова-Славская, 1991; Бодалев, 1983; Брушлинский, 1996; Каган, Эткинд, 1988; Ломов, 1984; Муздыбаев, 1983; Петровский, 1996) содержательных характеристик (свобода выбора, ответственность, целеполагание, целостность, развитие, осознанность, самоопределение, активность, направленность), наполняющих категорию «субъектность» основными, с нашей точки зрения и по мнению большинства авторов, являются осознанность, ответственность, целостность, активность. Таким образом, субъект общения может активно, осознанно, ответственно, целенаправленно как созидать, так и разрушать общение; быть конструктивным или деструктивным в общении, т.е. приводить и к эффективному, и к неэффективному, затрудненному общению.

Чаще всего в отечественной литературе эффективное и затрудненное общение рассматриваются как противоположные виды общения, на этот факт указывает В.А. Лабунская (2001). При таком подходе все характерные особенности эффективного общения одновременно являются и характеристиками затрудненного общения только с противоположным знаком. Тогда в данной парадигме затрудненное общение – это любое неэффективное, разлаженное, деструктивное общение, переживаемое как трудное.

Мы считаем, что неправомерно ставить знак равенства между различными по своему основанию характеристиками «неэффективность» и «затрудненность» общения, так как «затрудненность» является процессуальной характеристикой общения, а «эффективность-неэффективность» характеризует результат этого процесса. Поэтому «эффективность» и «затрудненность» могут рассматриваться одновременно при описании любого процесса общения. Используя сочетания этих характеристик, можно предложить следующие возможные виды общения: 1) затрудненное эффективное общение; 2) затрудненное неэффективное; 3) незатрудненное эффективное и 4) незатрудненное неэффективное.

Как видим, предложенная классификация позволяет рассматривать процесс общения с точки зрения двух его характеристик: эффективности (достижения поставленных целей, реализации мотивов, т.е. получения определенного результата) и трудности (эмоционального переживания, напряжения, связанных с определенными затратами внутренних усилий, внутренней работы). Исходя из этого, можно охарактеризовать выделенные виды общения следующим образом:

Затрудненное эффективное общение характеризуется большими внутренними усилиями и положительным результатом.

Затрудненное неэффективное общение характеризуется большими внутренними усилиями и отрицательным результатом.

Незатрудненное эффективное общение сопровождается небольшими внутренними усилиями и положительным результатом.

Незатрудненное неэффективное общение сопровождается небольшими внутренними усилиями и отрицательным результатом.

При этом для каждого из партнеров общий процесс общения может быть различным с точки зрения как его результата, так и вложенных усилий. Один и тот же акт общения

для одного из партнеров может быть затрудненным и нерезультативным, а для другого – легким (незатрудненным) и эффективным. Такие различные варианты, с нашей точки зрения, могут быть детерминированы теми симптомокомплексами личностных характеристик, которые определяют вид и структуру коммуникативного ядра личности партнеров по общению, что, в свою очередь, определяет конкретные причины затрудненного общения. Среди таких причин А.А. Бодалев (2002) называл, например: неадекватную оценку партнера, его способностей и интересов, неверное представление своих собственных возможностей, непонимание характера оценки и отношения партнера, употребление не подходящих к данному случаю способов обращения с партнером. Таким образом, можно сказать, что затрудненное общение детерминировано представлениями о себе и о другом как трудном партнере общения, формирующими отношение друг к другу, которое реализуется в различных формах обращения партнеров друг к другу. В свою очередь, представления о себе и другом как трудном партнере общения детерминированы конкретными симптомокомплексами личностных и социально-психологических особенностей, имеющими различный уровень развития и в силу этого представляющими различный уровень развития гуманистического по характеру коммуникативного ядра личности.

Исследования общения выявили и продолжают выявлять различные факторы его эффективности в различных сферах взаимодействия: относительно устойчивые симптомокомплексы личностных и социально-психологических характеристик (Бодалев, 2002; Куницына, 1991); ценностно-смысловые основания, стилевые особенности, направленность в общении (Рюмшина, 2011, 2015; Габдулина, 1999, 2001; Шкуратова, 2001); статусно-ролевые характеристики (Лабунская, 2001; Бреус, 2008); этнические и культурно-специфические характеристики (Лабунская, 2014; Бзезян, 2014; Воронцов, 2008, 2009)

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволил поставить ряд исследовательских задач:

1. Выявить и изучить особенности представлений о трудном партнере общения в зависимости от ролевых позиций партнеров.

2. Выявить и изучить особенности представлений о трудном партнере общения в зависи-

мости от ряда социально-психологических особенностей личности (центрации-децентрации, локуса контроля, направленности личности в общении).

3. Выявить и изучить особенности представлений о трудном партнере общения в зависимости от этнической принадлежности партнеров.

4. Выявить и изучить особенности представлений о трудном партнере общения в зависимости от социокультурных характеристик.

В связи с вышесказанным, мы поставили задачу исследовать взаимосвязи между личностными, социально-психологическими, ролевыми, этническими, гендерными характеристиками субъекта общения и его представлениями о трудном партнере общения.

Методы и методики

В исследованиях в качестве основной использовалась методика В.А. Лабунской «Социально-психологические характеристики субъекта общения» (2001), которая позволяет получить групповой портрет «трудного партнера» в виде групп характеристик (содержательные показатели), наиболее затрудняющих общение, а также выявить показатели степени затрудненности относительно каждой характеристики (числовые показатели). Опросник содержит пять групп характеристик общения: экспрессивно-речевые особенности (ЭР), социально-перцептивные характеристики (СП), характеристики отношения – обращения (ОО), навыки взаимодействия (НВ) и условия общения (УО). Каждая группа включает как позитивные, так и негативные черты, определяющие эффективность общения. К формальным характеристикам относятся количественные показатели степени затрудненности общения характеристиками партнера. К содержательным относятся сами характеристики партнера, вызывающие затруднения в общении с ним. Суммарная оценка степени влияния различных характеристик позволяет выявить степень индивидуальной или групповой чувствительности к определенным сторонам общения («Профиль психологических трудностей общения»), а также установить степень сензитивности к позитивным и негативным чертам общения и создать «портрет» оптимального или трудного партнера общения. Портрет трудного партнера представляет собой набор **характеристик** общения партнера, к кото-

рым наблюдается повышенная чувствительность испытуемых. Как видим, представленные в методике группы характеристик субъекта общения позволяют получить представления именно о коммуникативном ядре личности трудного партнера, так как полностью следуют его структуре: экспрессивно-речевые и социально-перцептивные группы характеристик – описывают особенности восприятия и отражения экспрессивного репертуара и социально-перцептивных способностей партнера; группа характеристик отношения-обращения описывает особенности проявления отношений партнера; а группа навыков взаимодействия описывает представления о поведении партнера. Таким образом, полученные представления характеризуют трудного партнера общения согласно структуре коммуникативного ядра личности.

В качестве независимых переменных выступили статусно-ролевые позиции (учитель-ученик, учитель-коллега, руководитель-подчиненный, врач-пациент, медицинская сестра-пациент); социально-психологические характеристики (показатели центрации-децентрации, локуса контроля, виды направленности в общении); этническая принадлежность (армяне, русские, представители народов Северного Кавказа, поляки); социокультурные особенности (гендерная идентичность). Для выявления социально-психологических характеристик и гендерной идентичности был использован следующий методический инструментарий: методика определения уровня субъективного контроля (УСК), адаптированная Е.Ф. Бажиным, К.А. Голынкиной и А.М. Эткиндоном, позволяющая выявлять показатели интернальности и экстернальности; тест эгоцентрических ассоциаций Т. Шустровой, направленный на выявление степени центрации на себе или других; методика С.Л. Браченко, позволяющая определить вид направленности личности в общении; методика С. Бем, позволяющая выявить маскулинный, фемининный и андрогинный типы гендерной идентичности.

Респонденты

Исследовательские задачи реализовывались на протяжении ряда лет и охватили выборку более 700 человек мужского и женского пола, в возрасте от 20 до 55 лет, с высшим, неоконченным высшим и средне-специальным образованием.

Результаты исследования

Рассмотрим полученные результаты в предложенной последовательности поставленных задач. Реализацию первой задачи рассмотрим в сферах образовательной деятельности и оказания медицинских услуг. Сначала проведем анализ особенностей представлений педагогов школ о трудном партнере-ученике и трудном партнере-коллеге. Групповые портреты трудных партнеров ученика и коллеги представлены в таблице 1.

При сравнении содержания портретов трудного партнера ученика и трудного партнера коллеги можно найти как сходства, так и различия. Так, педагоги больше требований предъявляют группе социально-перцептивных характеристик коллег, чем учеников. Это можно объяснить большими требованиями к умениям более точного восприятия педагогами своих партнеров, в силу того, что коллеги имеют больший опыт общения и эти умения являются показателями и критериями профессионализма педагога.

Наибольшие совпадения, и в количественном, и в содержательном аспектах выявлены в группах характеристик отношения-обращения и навыков взаимодействия как ученика, так и коллеги» в качестве трудных партнеров. Таким образом, наибольшие затруднения педагогов в общении и с учениками, и с коллегами связаны с такими характеристиками, как безразличное, подозрительное, неприязненное, властное и высокомерное отношение к другим людям (ко мне); а также, желание партнера больше говорить, чем слушать; привычка партнера перебивать разговор; желание партнера навязать свою точку зрения; неумение партнера аргументировать свои замечания и предложения; концентрация партнера на собственных чувствах и мыслях. Как видим, совпадающие характеристики, которые вызывают затруднения, описывают нарушение субъект-субъектного, личностного общения, когда отношения и форма их проявления демонстрирует позицию «над».

Рассмотрим представления врачей и медсестер о пациенте как трудном партнере общения.

Таблица 1

Представления педагогов об ученике и коллеге как трудных партнерах общения

Фактор	Характеристики общения	Ученик	Коллега
Экспрессивно-речевой ЭР	Застывшая поза, лицо партнера.	+	+
	Длительные паузы в речи партнера.	+	–
	Нежелание партнера поддерживать зрительный контакт.	+	–
	Несоответствие выражения лица партнера его словам.	–	+
	Систематическое передвижение партнера во время общения.	+	–
	Частые прикосновения партнера.	–	+
Количество характеристик		4	3
Социально-перцептивный СП	Неумение партнера соотносить действия и поступки людей с их качествами личности.	+	+
	Неумение партнера поставить себя на место другого.	–	+
	Стремление партнера делать заключения о личности на основе ее внешности.	+	+
	Стремление партнера оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении.	–	+
Количество характеристик		2	4
Отношения-обращения ОО	Безразличное отношение к другому человеку.	+	+
	Подозрительное отношение к другому человеку.	+	+
	Неприязненное отношение к другому человеку.	+	+
	Властное отношение к другому человеку.	+	+
	Высокомерное отношение к другим людям.	+	+
	Страх партнера быть смешным в «глазах» других людей.	+	–
Количество характеристик		6	5
Навыков взаимодействия НД	Желание партнера больше говорить, чем слушать.	+	+
	Привычка партнера перебивать разговор.	+	+
	Неумение партнера выйти из общения, вовремя прекратить его	+	+
	Неумение партнера аргументировать свои замечания и предложения.	–	+
	Стремление партнера занимать в общении ведущую позицию.	+	+
	Желание партнера навязать свою точку зрения.	–	+
Количество характеристик		5	7
Общее количество характеристик		17	19

Групповые портреты трудного пациента глазами врачей и медицинских сестер представлены в таблице 2.

В количественном отношении различия в представленных портретах трудного партнера не столь значительны. Как видим, ролевые позиции (врач и медицинская сестра) оказывают большее влияние на содержательные характеристики портрета трудного партнера по общению. В отношении содержания портретов трудного партнера-пациента можно найти как сходства, так и различия. Так, медицинские сестры более чувствительны к экспрессивно-речевым характеристикам пациента, а врачи – социально-перцептивным. Это можно объяснить как спецификой (содержанием) профессионального взаимодействия врачей и медицинских сестер с пациентами, так и детерминацией поведения последних статусом занимаемой позиции. Из таблицы мы видим, что медицинских сестер затрудняют такие особенности речи пациента, как степень ее громкости и большие паузы; кроме этого затрудняет и застывшая поза пациента. Понятно, что, например, желание больше

говорить, чем слушать, и привычка перебивать разговор (из группы характеристик «навыки взаимодействия») может себе позволить определенная часть пациентов чаще в общении со средним медицинским персоналом, и реже – с врачом. Отсюда и различия в содержании портретов трудного пациента: врачей в отличие от медицинских сестер перечисленные характеристики не затрудняют, в силу того, что с такими проявлениями врачи практически и не встречаются.

Что касается сходства портретов «трудного» в общении пациента, то сходство проявляется в отношении характеристик отношения-обращения и навыков взаимодействия, как и в случае «трудного» в общении ученика и коллеги.

Важно отметить, что в первом и во втором случае, независимо от сферы деятельности (образовательная сфера или сфера медицинского обслуживания) и ролевых позиций партнера по общению (ученик, коллега, пациент), наибольшее количество характеристик партнера, затрудняющих общение, относится к группам отношения-обращения и навыков взаимодействия. При этом характеристики, оцененные как

Таблица 2

Представления врачей и медицинских сестер о пациенте как трудном партнере общения

Фактор	Характеристики общения	Врачи	Мед. сестры
Экспрессивно-речевой ЭР	Громкая речь.	+	+
	Тихая речь.	–	+
	Застывшая поза.	–	+
	Длительные паузы в речи.	–	+
Количество характеристик		1	4
Социально-перцептивный СП	Привычка судить о человеке по его внешности.	+	–
	Неумение соотносить действия и поступки людей с их качествами личности.	+	+
	Неумение поставить себя на место другого человека.	+	+
	Стремление оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении.	+	+
	Ошибки в оценке чувств и настроений другого человека.	+	–
Количество характеристик		5	3
Отношения-обращения	Безразличное отношение к другому человеку	+	+
	Властное отношение к другим людям	+	+
	Неприязненное отношение к другим людям	+	+
	Высокомерное отношение к другим людям	+	+
	Подозрительное отношение к другим людям	+	+
	Страх быть смешным в глазах других людей	–	+
Количество характеристик		5	6
Навыков взаимодействия	Желание больше говорить, чем слушать	–	+
	Привычка перебивать разговор	–	+
	Неумение выйти из общения, вовремя прекратить его	+	+
	Желание навязать свою точку зрения	+	+
	Неумение аргументировать свои замечания и предложения	+	+
	Концентрация внимания на собственных чувствах и мыслях	+	+
Количество характеристик		4	6
Общее количество характеристик		15	19

затрудняющие общение, характеризуют нарушения норм субъект-субъектного вида общения, так как описывают позицию партнера в общении как позицию «над» (властное, неприязненное, высокомерное, подозрительное отношение к другим людям; желание больше говорить, чем слушать, привычка перебивать разговор, неумение выйти из общения, вовремя прекратить его, желание навязать свою точку зрения, концентрация внимания на собственных чувствах и мыслях и др.)

Рассмотрим реализацию следующей задачи – выявить и изучить особенности представлений о трудном партнере общения в связи с этнической принадлежностью партнеров. Полученные данные представлены в таблице 3. Проведем сравнительный анализ «групповых портретов» представителей армянской, русской национальности и народов Северного Кавказа, как трудных партнеров общения.

Как видим из таблицы 3, и у представителей русской национальности, и у представителей армянской национальности при взаимодействии с партнерами внутри своих этнических групп характеристики общения партнеров особых трудностей не вызывают. Затруднения вызывает толь-

ко одна характеристика из группы характеристик отношения-обращения (подозрительное отношение к другим людям) при взаимодействии русских друг с другом. Из приведенной таблицы видно, что затруднения у испытуемых обеих национальностей (русской и армянской) возникают при общении с представителями иной этнической группы в данном случае – с представителями народов Северного Кавказа. Можно выделить два основных момента. Во-первых, при сравнительной оценке своей и иной этнических групп и у русских, и у армян срабатывает известный в социальной психологии механизм «Мы и Они». И русские, и армяне наделяют представителей иной этнической группы характеристиками, затрудняющими общение с ними в большей степени, чем своей, а представителей своей этнической группы вовсе не рассматривают трудными партнерами; в других же условиях (вне сравнения трудных партнеров по фактору этнической принадлежности) представители своего этноса могут оцениваться, как трудные партнеры, со своими наборами характеристик, затрудняющими общение.

Во-вторых, при анализе содержания групповых портретов трудного партнера мы видим, что

Таблица 3

«Групповые портреты» представителей армянской, русской национальности и народов Северного Кавказа, как трудных партнеров общения

Характеристики общения		Армяне оценивают армян	Армяне оценивают представит. Сев. Кавказа	Русские оценивают русских	Русские оценивают представит. Сев. Кавказа
ЭР	Громкая речь.	–	+	–	–
	Стремление систематически поддерживать зрительный контакт.	–	+	–	–
	Интенсивная жестикуляция.	–	+	–	–
	Количество характеристик	0	3	0	0
СП	Привычка судить о человеке по его внешности.	–	+	–	+
	Умение читать по лицу чувства и намерения другого человека.	–	+	–	–
	Проницательность: людей видит насквозь.	–	+	–	–
	Количество характеристик	0	3	0	1
ОО	Властное отношение к другим людям.	–	+	–	+
	Стремление занимать в общении подчиненную позицию.	–	–	–	–
	Неприязненное отношение к другим людям.	–	+	–	+
	Подозрительное отношение к другим людям.	–	+	–	–
	Высокомерное отношение к другим людям.	–	+	+	+
	Требовательное отношение к другому.	–	+	–	–
	Количество характеристик	0	5	1	4
НД	Стремление занимать в общении ведущую позицию.	–	+	+	–
	Концентрация внимания на собственных чувствах и мыслях.	–	+	–	–
	Желание навязать свою точку зрения.	–	–	–	+
	Количество характеристик	0	2	1	1
Всего характеристик		0	13	1	6

наибольшие затруднения и у русских, и у армян при взаимодействии с представителями народов Северного Кавказа вызывают характеристики из группы отношения-обращения. Здесь можно выявить как сходства, так и различия. В группе армян трудности в общении вызывают властное, неприязненное, подозрительное, высокомерное отношения представителей Северного Кавказа. У русских наибольшие затруднения также вызы-

вают властное, подозрительное, высокомерное, требовательное отношение данных представителей. Перечисленные характеристики общения, как было уже указано, описывают нарушение субъект-субъектного вида общения.

Рассмотрим реализацию следующей задачи – изучить особенности представлений о трудном партнере общения в связи с различными видами направленности в общении. Групповые портре-

Таблица 4

**Представления о трудном партнере общения у лиц
с различным видом направленности в общении**

Характеристики общения	Диалогическая направленность	Авторитарная направленность	Конформная направленность	Индифферентная направленность
Экспрессивно-речевой фактор (ЭР):			+	
тихая речь.		+		+
застывшая поза,		+	+	
неподвижное лицо.			+	+
длительные паузы в речи.			+	
нежелание партнера поддерживать зрительный контакт.	+		+	
несоответствие выражение лица партнера его словам.		+	+	
громкая речь.				+
быстрый темп речи.	+	+	+	+
Количество характеристик	2	4	5	4
Социально-перцептивный фактор (СП):				
неумение соотносить действия и поступки людей с качествами их личности.		+	+	+
неумение поставить себя на место другого человека.	+			
ошибки в оценке чувств и настроений другого человека		+	+	+
неумение продемонстрировать понимание особенностей другого человека.	+	+	+	
стремление относить людей к определенному типу.				+
отсутствие проницательности.				
привычка судить о человеке по его внешности.	+	+	+	+
стремление оценивать человека на основе представлений, сложившихся в его окружении.	+	+	+	+
Количество характеристик	4	5	5	6
Фактор отношения – обращения (ОО):				
безразличное отношение к другому человеку	+	+	+	+
подозрительное отношение к другому		+		+
неприязненное (враждебное) отношение	+		+	
властное отношение	+	+	+	+
высокомерное отношение	+	+		+
требовательное отношение	+	+	+	+
страх быть смешным в глазах людей	+	+	+	+
стремление занимать в общении ведущую позицию	+	+	+	+
Количество характеристик	7	7	6	7
Фактор навыков взаимодействия (НД):				
желание больше говорить, чем слушать	+	+	+	+
привычка перебивать разговор		+		
неумение выйти из общения, вовремя прекратить его	+		+	+
неумение аргументировать свои замечания, предложения		+	+	+
стремление занимать в общении ведущую позицию	+			+
желание навязать свою точку зрения	+	+	+	+
Количество характеристик	4	4	4	5
Всего характеристик	17	20	20	22

ты трудного партнера у лиц с различной направленностью в общении представлены в таблице 4.

Из представленной таблицы мы видим, что количество характеристик, оцененных как затрудняющие общение, имеет незначительное различие у лиц с авторитарным, конформным и индифферентным видом направленности в общении. При этом можно отметить чуть меньшее количество характеристик партнера, затрудняющих общение у лиц с диалогической направленностью в общении, чем у лиц с остальными выявленными видами направленности. Различия в основном касаются содержания характеристик трудного партнера. Важно отметить, что представители манипулятивного вида направленности в общении вообще не рассматривают партнера в качестве «трудного» – они не оценили ни одной характеристики партнера на 4 и 5 баллов (максимальную степень затруднений в общении). Поэтому можно говорить о том, что

«манипулятор» не испытывает особых затруднений в общении, при этом возникает вопрос: осознает ли манипулятор, что сам может быть «трудным» партнером для другого?

Полученные данные также выявили тенденцию, которая прослеживалась при исследовании предыдущих факторов: независимо от вида выявленной направленности в общении, группа характеристик отношения-обращения также оценивалась в качестве более затрудняющей по сравнению с остальными группами характеристик.

Проанализируем представления о трудном партнере общения одновременно с точки зрения нескольких факторов (ролевой позиции, национальной принадлежности и показателя локуса контроля). Групповые портреты «трудного» партнера общения с точки зрения польских и русских руководителей и подчиненных с высоким и низким уровнем локуса контроля представлены в таблице 5.

Таблица 5

Представления о другом как трудном партнере общения у польских и русских руководителей и подчиненных с низким и высоким уровнем субъективного контроля

Фактор	Характеристики общения	Польские				Русские			
		Рук-ли		Подчи		Рук-ли		Подч.	
		низ	выс	низ	выс	низ	выс	низ	выс
ЭР	Громкая речь.		+					+	
	Застывшая поза, неподвижное лицо							+	
	Длительные паузы в речи.		+			+			
	Несоответствие выражения лица партнера его словам.								
	Нежелание партнера поддерживать зрительный контакт.								
	Частые прикосновения партнера.		+	+				+	+
Количество характеристик		0	3	1	0	1	0	3	1
СП	Привычка судить о человеке по его внешности.	+				+		+	+
	Неумение соотносить действия и поступки людей с их качествами личности.	+		+		+			
	Неумение поставить себя на место другого человека.	+				+		+	+
	Проницательность: людей видит «насквозь».								
Количество характеристик		3	0	1	0	3	0	2	2
ОО	Безразличное отношение к другому человеку.	+		+		+		+	+
	Властное отношение к другим людям.	+		+					
	Неприязненное отношение к другим людям.		+			+		+	+
	Высокомерное отношение к другим людям.	+		+		+		+	+
	Подозрительное отношение к другим людям.		+		+		+	+	
	Страх быть смешным в глазах других людей.	+	+	+		+			+
	Требовательное отношение.								
	Стремление занимать в общении подчиненную позицию.	+	+	+		+		+	+
Количество характеристик		5	4	5	2	5	1	4	5
НД	Желание больше говорить, чем слушать.	+			+	+			
	Привычка перебивать разговор.	+				+			+
	Желание навязать свою точку зрения.		+			+			+
	Неумение аргументировать свои замечания и предложения.	+				+		+	
	Концентрация внимания на собственных чувствах и мыслях.	+				+			+
	Стремление занимать в общении ведущую позицию.	+	+	+	+	+			
Количество характеристик		5	2	1	2	6	0	1	3
Общее количество характеристик		13	9	8	4	15	1	10	11

Как видим, независимо от национальной принадлежности и ролевой позиции можно выделить две основные тенденции:

1. Наибольшее количество характеристик партнера, затрудняющих общение, выделяют лица с низким локусом контроля (экстерналы). Причем у поляков это отмечается как среди руководителей, так и подчиненных, а у русских - только среди руководителей. Исключение составили русские подчиненные: лица с низким и высоким уровнем локуса контроля выделили практически одинаковое количество характеристик, затрудняющих общение. Различия проявились в содержании выделенных характеристик, кроме группы характеристик отношения-обращения.

2. Среди всех групп характеристик наиболее затрудняющими выступили характеристики

отношения-обращения, независимо от ролевой позиции, национальной принадлежности и локуса контроля.

3. Навыки взаимодействия оказались наиболее затрудняющими общение польских и русских руководителей с низким локусом контроля.

Рассмотрим еще одну совокупность факторов и ее взаимосвязь с представлениями о трудном партнере общения. Групповые портреты «трудного» партнера общения с точки зрения польских и русских руководителей и подчиненных с высоким и низким уровнем центрации представлены в таблице 6.

Из полученных данных можно увидеть следующую тенденцию: различия в количественном отношении характеристик, затрудняющих общение, выявлены у польских, и у русских руководителей

Таблица 6

Представления о трудном партнере общения у польских и русских руководителей и подчиненных с низким и высоким уровнем центрации на себе

Фактор	Характеристики общения	Польские				Русские			
		Рук-ли		Подч.		Рук-ли		Подч.	
		низ	выс	низ	выс	низ	выс	низ	выс
ЭР	Громкая речь.						+		+
	Тихая речь.							+	
	Застывшая поза, неподвижное лицо		+				+	+	+
	Длительные паузы в речи.						+		
	Несоответствие выражения лица партнера его словам.						+		
	Частые прикосновения партнера.								+
	Быстрый темп речи.			+			+	+	
Количество характеристик		0	1	1	0	0	4	3	3
СП	Привычка судить о человеке по его внешности.			+				+	
	Неумение соотносить действия и поступки людей с их качествами личности.	+			+		+		
	Неумение поставить себя на место другого человека.							+	
	Стремление оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении.				+			+	
	Стремление относить людей к определенному типу.	+	+	+			+	+	
Количество характеристик		2	1	2	2	0	2	3	0
ОО	Безразличное отношение к другому человеку.	+	+	+	+	+	+		+
	Властное отношение к другим людям.	+			+		+	+	+
	Неприятное отношение к другим людям.		+	+					
	Высокомерное отношение к другим людям.	+			+		+	+	+
	Подозрительное отношение к другим людям.		+	+					
	Страх быть смешным в глазах других людей.	+			+		+	+	+
	Требовательное отношение.		+	+	+		+	+	+
Количество характеристик		4	4	4	5	1	5	4	5
НД	Желание больше говорить, чем слушать.		+				+	+	+
	Привычка перебивать разговор.		+						
	Желание навязать свою точку зрения.			+			+	+	
	Неумение аргументировать свои замечания и предложения.		+				+	+	
	Концентрация внимания на собственных чувствах и мыслях.				+		+	+	
	Стремление занимать в общении ведущую позицию.		+				+		
	Неумение выйти из общения, вовремя прекратить его.		+		+		+		
Количество характеристик		0	5	1	2	0	6	4	1
Общее количество характеристик		6	11	8	9	1	17	14	9

с различным уровнем центрации. Так, центрированных на себе руководителей (высокий уровень центрации) затрудняет гораздо большее количество характеристик партнера, чем руководителей, центрированных на других (низкий уровень центрации). У польских и русских подчиненных с высоким и низким уровнем центрации различия характеристик партнера, затрудняющих общение в количественном плане не существенные.

Что касается содержания характеристик, затрудняющих общение, то можно сказать, что выявленная ранее тенденция (наибольшие затруднения в общении партнера вызывают характеристики отношения-обращения и навыков взаимодействия) проявилась в данной группе испытуемых только в отношении польских и русских руководителей с высоким уровнем центрации на себе, т.е. у лиц, не способных к децентрации, не способных ориентироваться на другого.

Таким образом, низкие показатели локуса контроля и высокие показатели центрации на себе связаны с большим количеством характеристик, затрудняющих общение. То есть, для выраженных интерналов и лиц, центрированных на себе партнер оказывается более трудным, чем для экстерналов и лиц, способных переключаться на другого. При этом характеристики отношения-обращения и навыков взаимодействия в этих случаях вызывают больше затруднений, чем экспрессивно-речевые и социально-перцептивные характеристики.

Перейдем к описанию результатов, полученных при реализации последней задачи. Сравним групповые портреты трудного партнера у лиц с различной гендерной идентичностью (таблица 7).

Как видим, и в этом случае различия количественных характеристик незначительны. Тем не менее, фемининные представители выделили

Таблица 7

Представления о трудном партнере общения у лиц с маскулинной, фемининной, андрогинной гендерной идентичностью

фактор	Характеристики общения	Вид гендерной идентичности		
		маскулинный	фемининный	андрогинный
ЭР	Тихая речь.		+	
	Застывшая поза.		+	
	Длительные паузы в речи.		+	+
	Несоответствие выражения лица партнера его словам.		+	+
	Нежелание партнера поддерживать зрительный контакт.	+		+
	Частые прикосновения партнера.	+		
Количество характеристик		2	4	3
СП	Привычка судить о человеке по его внешности.	+		+
	Неумение соотносить действия и поступки людей с их качествами личности.	+	+	+
	Неумение поставить себя на место другого человека.			+
	Стремление оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении.	+	+	
	Привычка судить о человеке по его внешности.	+		+
Количество характеристик		4	2	4
ОО	Безразличное отношение к другому человеку.	+		+
	Властное отношение к другим людям.	+	+	
	Неприязненное отношение к другим людям.	+	+	+
	Высокомерное отношение к другим людям.	+	+	+
	Подозрительное отношение к другим людям.	+	+	+
	Страх быть смешным в глазах других людей.	+		
	Требовательное отношение.	+	+	+
Количество характеристик		7	5	5
НД	Желание больше говорить, чем слушать.	+		+
	Привычка перебивать разговор.	+	+	+
	Неумение выйти из общения, вовремя прекратить его.	+	+	+
	Желание навязать свою точку зрения.	+		+
	Неумение аргументировать свои замечание и предложения.			+
	Концентрация внимания на собственных чувствах и мыслях.	+		+
	Стремление занимать в общении ведущую позицию.	+	+	+
Количество характеристик		6	3	7
Общее количество характеристик		19	14	19

меньшее количество характеристик партнера, затрудняющих общение, т.е. для них партнер выглядит менее трудным, чем для маскулинных и андрогинных. Кроме того, и в этом случае можно говорить о выявленной тенденции: для лиц с различной гендерной идентичностью характеристики отношения-обращения и навыков взаимодействия выступают наиболее затрудняющими.

Выводы

В результате анализа полученных данных обнаружилась определенная закономерность: характеристиками партнера, вызывающими наибольшие затруднения в общении, являются характеристики отношения-обращения и навыков взаимодействия для любой категории респондентов. Формы отношения-обращения и навыков взаимодействия, разрушающие субъект-субъектный уровень общения, вызывают наибольшую степень затруднений у всех групп респондентов, независимо ни от социально-демографических характеристик (пол, возраст, образование), ни от личностных и социально-психологических характеристик (направленность в общении, уровень субъективного контроля, особенности центрации-децентрации, гендерной идентичности), ни от профессиональной принадлежности и статусно-ролевой позиции (педагог, врач, руководитель, подчиненный).

Если проанализировать по всей выборке процентное соотношение всех групп характеристик партнера, затрудняющего общение с ним, то оказывается, что средние показатели следующие: экспрессивно-речевые и социально-перцептивные характеристики выступают в качестве затрудняющих общение в 32 % случаев, а характеристики отношения-обращения и навыков взаимодействия затрудняют общение партнера в 68 % случаев.

Можно констатировать, что наибольшую чувствительность респонденты проявляют к тем группам характеристик партнеров, которые отражают нарушение субъект-субъектного уровня общения, в основе которого лежит ценностное отношение к партнеру. Это такие характеристики из группы отношения-обращения: властное отношение к другим людям, неприязненное отношение к другим людям, подозрительное отношение к другим, высокомерное отношение к другим людям. Как видим, все перечисленные характеристики общения демонстрируют позицию партнера «над», неценностное отношение к партнеру. Из группы навыков взаимодействия это следующие характеристики:

желание партнера больше говорить, чем слушать; привычка перебивать разговор; желание навязать свою точку зрения; стремление занимать в общении ведущую позицию. Как видим, трудным партнером является человек, который занимает в общении доминирующую позицию, позицию «над», разрушая тем самым уровень личностного равенства, субъект-субъектный уровень общения, что и является выражением неценностного отношения к другому на поведенческом уровне. Эти выводы базируются на методологии ряда отечественных авторов. Так К.А. Абульханова-Славская (1991) считает, что нарушение субъект-субъектной формы общения свидетельствуют о доминантном отношении, о позиции «над», об отсутствии ценности другого человека. Уникальная ценность партнера подчеркивается и в подходе М.С. Кагана к общению (1988), которое он рассматривает как субъект-субъектную форму взаимодействия, как связь равноактивных, равносвободных, равноуникальных субъектов, которые раскрывают свою неповторимость в содержании и способе взаимодействия.

Поэтому полученные результаты позволяют говорить о том, что именно нарушение личностного равенства (неценностное отношение к другому), уход с позиции субъекта общения (потеря субъектности) и является основой, пусковым механизмом затрудненного общения. И происходит это нарушение посредством использования выявленных нами форм отношения-обращения и способов взаимодействия, нарушающих равенство личностных позиций.

Кроме этого, еще одним важным моментом, о котором говорил А.А. Бодалев (2002), является возможность формирования в личности направленности на человека, позволяющей чувствовать другого и выбирать соответствующие его особенностям способы взаимодействия и ориентироваться на положительное в человеке, что способствует раскрытию личностного потенциала человека.

На сегодняшний день существуют и совершенствуются разнообразные программы активных групповых форм работы, позволяющие формировать коммуникативное ядро личности, работая с различными его составляющими: изменение системы представлений о себе и другом как трудных партнерах общения (Бреус, 1997, 1999, 2001); изменение системы отношений к другим людям (Шкурко, 1996, 2008; Зинченко, 2008; Сериков, 2008) и в целом формирование ценностного отношения к личности партнера (Рюмина, 2011). Таким образом реализуются идеи А.А. Бодалева о формировании гуманистического по характеру коммуникативного ядра личности.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Бодалев А.А. Психология личности. М.: МГУ, 1988.
3. Бодалев А.А., Ковалев Г.А. Психологические трудности общения и их преодоление // Педагогика. 1992. № 5–6. С. 65–70.
4. Бодалев А.А. Психология общения: Избранные психологические труды. 2-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.
5. Бреус Е.Д. Динамика трудностей общения в процессе социально-психологического тренинга // Психологический вестник Ростовского государственного университета. 1997. № 2. С. 230
6. Бреус Е.Д. Динамика представлений о себе и другом как трудном партнере общения в результате социально-психологического тренинга. Дисс. Канд психол. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 173
7. Бреус Е.Д. Особенности затрудненного общения в ситуации взаимодействия: руководитель-подчиненный // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. Т. 6. № 4. С. 5–9
8. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 30–37.
9. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Монография.- Ростов-на-Дону, 2008.
10. Воронцов Д.В. Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 2. С. 8–18.
11. Габдулина Л.И. Стиль педагогического общения и его ценностно-смысловые и когнитивные детерминанты: дис. Канд.психол.наук. Ростов-на-Дону, 1999.
12. Каган М.Р., Эткинд А.М. Общение как ценность и как братство // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 25–34.
13. Куницына В.Н. Трудности межличностного общения: Автореф. Дисс. ... докт.психол.наук. СПб., 1991.
14. Лабунская В.А. От проблемы затрудненного общения к постановке проблемы «субъект затрудненного общения» // Психологический вестник Ростовского государственного университета. 1997. Т. 2. № 1. С. 24–40
15. Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений / В.А. Лабунская, Ю.А.Менджерицкая, Е.Д. Бреус. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
16. Лабунская В.А., Бзезян А.А. Методология исследования дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия / Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. 2014. С. 50–55
17. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: 1984.
18. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Изд-во «Наука», 1983.
19. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996.
20. Рюмишина Л.И. Онтопсихология общения. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. Германия, 2011.
21. Рюмишина Л.И. Эмпирическое изучение стилей поведения педагогов. Мир психологии. 2001. № 3. С. 88
22. Рюмишина Л.И. Ценности личности в общении. /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015. с. 161–162.
23. Шкуратова И.П., Габдулина Л.И. Стили общения // Практическая психология и логопедия. 2001. № 6. С. 9
24. Шкурко Т.А. Танец как средство диагностики и коррекции отношений в группе // Психологический вестник Ростовского государственного университета. 1996. Т. 1. № 1. С. 327–348.
25. Шкурко Т.А., Зинченко Е.В., Сериков Г.В. Актуальные вопросы теории и практики психологической помощи личности в трудной жизненной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 4. С. 25–28

ГЛАВА 3. Развитие идей А.А. Бодалева о феномене «жизненное событие»: события в жизни субъекта общения и динамика его представлений о Враге и Друге (Альперович В.Д.)

Введение

Актуальность изучения значимых событий в жизни личности на протяжении последних десятилетий обусловлена макроэкономическими трансформациями в разных странах, в т.ч. в современной России, усилением социальной нестабильности, обострением межнациональных и межкультурных конфликтов, подчас связанными с военными столкновениями, появлением беженцев, периодами экономических кризисов, сопровождаемыми сменой места работы, уменьшением материального благосостояния, нарушением баланса между степенью престижности профессии, сферы деятельности и материальной обеспеченностью в социальной структуре.

Традиции изучения жизненного события в отечественной психологии опираются на его понимание С.Л. Рубинштейном как «узлового момента и поворотного этапа жизненного пути, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека» (Рубинштейн, 2005, с. 643). Так, Б.Г. Ананьев, основоположник отечественной психологии жизненного пути, и его последователи В.В. Нуркова, К.В. Василевская, развивая трактовку события, данную С.Л. Рубинштейном, постулируют зависимость выраженных изменений в образе жизни, характере и развитии личности, поступков человека от «разрывающих» привычные связи жизненных событий, которые сама личность оценивает в качестве значимых, переломных (Ананьев, 2002; Нуркова, Василевская, 2003; Нуркова, Днестровская, Михайлова, 2013). Феномен «жизненное событие» разрабатывался в трудах выдающегося отечественного психолога В.Н. Мясищева (Мясищев, 2009), подчеркивавшего, что значимость события для личности определяется не столько его социально-психологическим содержанием, сколько сформировавшимися до его наступления отношениями личности с собой и Другими. По мнению ученого, жизненные события и ситуации (например, вступление в брак), определяемые данным обществом в качестве значимых, переломных, могут не являться таковыми для личности. Таким образом, с точки зрения В.Н. Мясищева, тип жизненных событий

и ситуаций, выделяемый исследователем, зависит от того, каким социально-психологическим содержанием их наполняет сама личность, кого она воспринимает в качестве их субъектов, связывает ли она их с переживанием согласованности – рассогласованности ее ожиданий, жизненных планов и их реализации, отношений значимых Других.

В дальнейшем эти утверждения были поддержаны и разработаны А.А. Бодалевым, последователем В.Н. Мясищева. Большой вклад в развитие российской психологии жизненного пути внес исследовательский подход А.А. Бодалева, в рамках которого этот ученый проанализировал факторы, обуславливающие интерпретацию личностью жизненных событий, сквозь призму ее системы отношений к себе и с другими людьми. По мнению этого ученого (Бодалев, 2000), жизненные ситуации, составляющие жизненный путь человека, влияют на его характеристики как индивида, как личности, как субъекта деятельности и общения. С его точки зрения, событиями для человека выступают ситуации, воздействующие на системы его организма, изменяющие психические свойства личности и особенности субъекта деятельности и осознаваемые им как таковые. А.А. Бодалев подчеркивает, что объективные последствия ситуации для человека не всегда отражаются в ее субъективной оценке в качестве события. Наоборот, «в иных случаях ситуация, которая возникает в жизни человека, может иметь ничтожно малые последствия для него и как индивида, и как личности, и как субъекта деятельности, но в его сознании, в его эмоциональной сфере и в его поступках и деяниях отразиться как очень для него значимая и получить в его субъективном мире, образно говоря, *статус большого события*» (Бодалев, 2000, с. 66). По мнению А.А. Бодалева, ситуации-события различаются по причинам, которые их вызывают. Фактором, обуславливающим события, возникающие в т.ч. без участия человека, но влияющим на его ипостаси, становится ближайшее окруже-

ние человека, связанное с большим социумом и природной средой. События-ситуации, которые могут происходить в прошлом, настоящем или будущем субъекта, вызывают качественный скачок в развитии личности или ее инволюцию. Автор указывает, что ситуации превращаются для личности в события, в зависимости от ее мотивационно-потребностной сферы и ценностных ориентаций, преломляются сквозь призму личностных смыслов. Ученый подводит следующие итоги: «События, когда в них превращаются ситуации, свидетелем или участником которых оказывается человек и которые непосредственно и опосредованно через его психику воздействуют на его бытие, являются фактором, который не только влияет на содержательные характеристики пространства мира, сложившееся у человека, в некоторых случаях коренным образом видоизменяя их, но «действие» этого фактора может заметно перестроить основной вектор эмоционально-потребностной сферы человека и более или менее определенно и глубоко обусловить его поступки и деяния» (Бодалев, 2000, с. 68). А.А. Бодалев обнаружил феномен человека как события, заключающийся в том, что «отдельный человек может воздействовать на бытие других людей и вызывать в их сознании, в их мотивационно-потребностной сфере, в их поведении *эффект уровня события*, то есть запечатлевается ими не буднично привычно, а как нечто новое, еще не бывшее в их опыте и в каком-то отношении для них очень значимое» (Бодалев, 2000, с. 69). Человек-событие имеет особенности во внешнем облике и во внутреннем мире, отличающие его для субъекта от всех остальных, своими характеристиками соответствует его потребностям. Поэтому человек может стать событием и для других людей, имеющих сходные потребности, ценностные ориентации.

Подход В.Н. Мясищева и А.А. Бодалева к жизненным событиям, задающий теоретико-методологические основания осмысления их содержания, факторов и типов, в свою очередь, развивают многие российские психологи.

Так, Л.Ф. Бурлачуком (Бурлачук, Михайлова, 2002), В.М. Розиным (Розин, 2000) значимые жизненные события также изучаются в качестве дискретных, поворотных моментов жизненного пути, определяемых личностью в качестве таковых и вызывающих значительные изменения в ее ценностно-смысловой сфере и развитии. Авторы описывают биографические события, включающие: а) события среды; б) события поведения человека в окружающей среде, т.е.

его поступки; в) события внутренней жизни; г) события-впечатления. Авторы акцентируют внимание на том, что значимые жизненные события актуализируют рефлексию и личностное самоопределение. Л.Ф. Бурлачук (Бурлачук, Михайлова, 2002), Н.В. Гришина (Гришина, 2013), Е.Ю. Коржова (Бурлачук, Коржова, 1998) рассматривают ситуацию как категорию анализа жизненного пути посредством пространственно-временных характеристик (определяющихся вовлеченными в нее людьми, местом действия, сущностью деятельности и др.). Авторы изучают ситуацию также в качестве выделяемого самой личностью дискретного, поворотного периода жизненного пути, неразрывно связанного с динамикой системы отношений личности. И.В. Кондаков (Кондаков, 2000) подчеркивает, что свершение поворотных событий в жизни человека (в т.ч. назначение на новую должность, выход на пенсию, развод, вступление в брак, рождение ребенка) вызывает изменение социальной ситуации развития личности. Таким образом, по мнению авторов, значимые жизненные события опосредствованно обуславливают динамику системы отношений с собой и Другими. Это проявляется в смене социальных ролей личности, партнеров по взаимодействию, образа жизни, трансформации всей системы «Я», творческой реконструкции Я-концепции, зачастую сопровождаемой болезненными переживаниями, переоценкой прошлого, изменением жизненных целей и смысла, потерей и сменой ведущих мотивов личности.

В контексте отечественной психологии жизненного пути создаются различные классификации жизненных событий, разрабатываемые, с нашей точки зрения, в основном, по критериям «субъект инициации личностных изменений», «внутриличностная/межличностная динамика отношений», «предписанность/стохастичность события». А.А. Кроник и Р.А. Ахмеров (Кроник, Ахмеров, 2008; Ахмеров, 2013) выделяют сверхзначимые события, образующие «Я» как творческое ядро личности, и случайные события. В.Э. Чудновский (Чудновский, 2000) различает события среды, происходящие не по воле и инициативе субъекта жизни, и события поведения (поступки, способствующие изменению окружающих обстоятельств и обстоятельств развития самого субъекта). Л.К. Гаврилина (Гаврилина, 2007), аналогичным образом понимая событие, выделяет следующие виды переломных событий: поступок (а) собственный; б) совершенный Другим в отношении индивида;

в) совершенный Другим и наблюдаемый индивидом со стороны); изменение социального контекста (обогащение, обеднение, обретение или утрата значимых Других); встреча (с собой, Другим, Иным).

Выводы авторов проанализированных нами выше работ указывают на то, что в жизненном событии всегда представлен «межличностный план» (Кроник, Ахмеров, 2008). Событие как со-бытие (совместное бытие с Другими) всегда воплощает особенности общения, взаимодействия, отношений личности с другими людьми и изменения в них.

Внимание исследователей, изучающих взаимосвязи значимых жизненных событий и ситуаций, личностных изменений и жизненного пути человека, сосредоточено на следующих переломных событиях и ситуациях: тяжелом заболевании, горе, утрате значимого другого, внезапном разрыве значимых отношений (Лебедева, Слободенюк 2014); потере работы, в т.ч. в ситуации социально-экономического кризиса (Демин, 2006; Муздыбаев, 2000). Авторы этих исследований показывают следующее. У личности, переживающей данные значимые события и ситуации, происходит трансформация временной перспективы (ее сокращение или неопределенность, временная дезориентация (с преимущественной ориентацией на прошлое и негативизацией настоящего)), наблюдается феномен обеднения прошлого, феномен утраты детства, феномен онтологизации настоящего, описанные В.В. Нурковой и К.Н. Василевской (Нуркова Василевская, 2003). Личность в этот период оценивает будущее как менее значимое, у нее наблюдается сужение временной трансперспективы (взаимосвязей временных компонентов жизни в сознании) и активизация работы с настоящим, нарушение социальной адаптации и снижение мотивации.

Внимание исследователей также привлекают: экстремальная ситуация (Магомед-Эминов, 2009); психологическая травма (Лебедева, Слободенюк, 2014); развод (Борисова, 2009); рождение ребенка (Васильченко, 2013; Жуковская, 2009).

Жизненные события, связанные с отрицательным поведением Другого, обуславливают переживание личностью неустранимой в данный период невозможности реализовать ее доминирующие ценности и мотивы, поддерживать сложившиеся «Я-образы» и образы Других, паттерны и стратегии взаимодействия с Другими, ее устойчивую картину мира, ее привычную систему способностей и параметров самокатегоризации и катего-

ризации Других, стабильной и прогнозируемой социальной реальности. События и ситуации, по мнению исследователей, акцентируют противоречия между приписываемыми субъектом самому себе и Другим внешними, личностными, нравственными, статусными чертами, функциями в общении, позициями по отношению к партнеру, диапазоном приемлемых моделей и стратегий поведения, сфер деятельности, критериями оценивания и сравнения себя и Других, эмоционально окрашенными, и аналогичными характеристиками, транслируемыми Другими относительно этого субъекта и их самих. Под влиянием значимых жизненных событий и ситуаций изменяются различные аттитюды субъекта, параметры самоопределения и интерпретации социальных явлений, ситуаций и Других. Это обеспечивает изменения самооценки, идентичностей субъекта, Я-концепции, образов Других, включающих приписываемые личностные, нравственные черты, ценностные ориентации, функции и позиции в общении, стратегий взаимодействия с Другими. Под влиянием данных жизненных событий и ситуаций также изменяется образ жизни личности, временная перспектива, ее жизненная стратегия, социально-психологические статусы. Таким образом, динамика этих социально-психологических образований и процессов воплощает трансформации личности, глубинные изменения ее бытия под влиянием значимых событий. В динамике этих социально-психологических образований и процессов, под влиянием переломных событий и ситуаций, выражается динамика системы отношений личности.

Выводы авторов проанализированных нами выше работ указывают на то, что в связи со значимыми жизненными событиями в отечественной психологии исследуются переломные периоды жизненного пути человека, динамика системы отношений личности и переживание различных видов личностных кризисов. Рассмотренные жизненные события и ситуации: изменение отношений со значимыми Другими, развод, психологическая травма, потеря работы, – могут обуславливать переживание личностью неразрешимых в данный период ее жизни противоречий между ее отношением к себе, отношением к Другим, ожидаемым отношением Других и отношением Других. Описанные в указанных нами выше работах значимые жизненные события, с нашей точки зрения, могут относиться к разным типам, выделенным авторами: отрицательное / положительное поведение Другого, поступок Другого; изменение

социального контекста; поступок самого субъекта. Исследователи, выделяющие различные типы жизненных событий, согласны с тем, что события всех типов могут способствовать переживанию личностью кризисов.

В период взрослости весьма актуальной для личности становится оценка ее достижений и подтверждение значимыми Другими, соответствие различных сфер ее жизнедеятельности требованиям и ожиданиям Других. По мнению многих ученых, эти требования во многом зависят от социальной типизации жизненного пути личности. Ее составляющие предписывают личности в период взрослости пережить определенные события и ситуации ее жизни: например, окончание института, вступление в брак, переход на более высокие ступени профессионального развития и карьерного роста. Именно поэтому для субъектов общения в период взрослости жизненные события становятся возможностью осознать согласования/рассогласования в их системе отношений с собой и Другими и обусловленную ими необходимость поддержания/изменения системы их идентичностей, ценностей и жизненных стратегий.

Подобные воззрения развиваются К. Муздыбаевым (Муздыбаев, 2000), полагающим, что события и интериоризованные личностью социальные категории описания жизненного пути определяют для нее меру реализованности ее бытия. А.А. Кроник и Р.А. Ахмеров исследуют кризис системы отношений личности как воплощаемый в биографическом кризисе – «форме переживания человеком непродуктивности своего жизненного пути», т.е. ощущении недостаточности «жизненных успехов и достижений человека», измеряемой «с позиций его внутренней самооценки» (Кроник, Ахмеров, 2008, с. 55–56). Такой кризис изучается авторами как выражаемый в определенных типах взаимосвязей между событиями в различные периоды жизни и степени наполненности событиями жизненного пути личности. В соответствии с этими критериями, авторы выделяют следующие разновидности биографического кризиса: а) кризис нереализованности; б) кризис опустошенности; в) кризис бесперспективности, – и их смешанные формы.

Мы полагаем, что значимые события разных типов могут способствовать переживанию личностью различных уровней выраженности кризиса системы отношений, динамике представлений о Другом человеке в разных ипоста-

сях. Тем не менее, в вышеупомянутых работах события разного типа фактически не изучаются в качестве фактора опосредствованного дифференцированного влияния на кризис системы отношений личности и на ее представления о Другом человеке.

Таким образом, выводы авторов анализируемых нами работ позволили сформулировать следующие положения. В событии всегда представлены Другие люди. Событие как составляющая жизненного пути, определяемая в качестве значимой самой личностью, влияет на перестройку прежних и появление новых отношений личности к себе и с Другими, рефлексию их рассогласований, а сложившиеся отношения – на переживание события. Воздействие события на динамику отношений может зависеть от его типа. Тип события может определяться: а) переживаемой личностью степенью рассогласования ожидаемого и «реального» отношений Других в связи с ним; б) субъектами, которым она приписывает за него ответственность; в) включенностью события в ее жизненные планы. Кризис системы отношений, проявляющийся в личностном кризисе, обуславливается значимыми событиями. Тем не менее, подобные события не изучаются как фактор дифференцированного влияния на уровни выраженности кризиса системы отношений.

Можно отметить ряд противоречий и ограничений в исследовании жизненных событий. В имеющихся работах постулируется связь между состоянием системы межличностных отношений и типом жизненных событий, влияние значимых событий на динамику образов «Я» и Других людей, но не рассматриваются взаимосвязи между уровнем выраженности кризиса системы отношений, типом жизненных событий и трансформацией представлений о Другом человеке в качестве Врага и Друга.

В нашем эмпирическом исследовании (Альперович, 2010), выполненном под руководством В.А. Лабунской, мы придерживались отечественной социально-психологической традиции изучения жизненного события. Жизненное событие – это составляющая жизненного пути личности, определяемая ею как влияющая в той или иной степени на изменения ее отношений к себе и с Другими, жизненных ценностей и стратегий (поступки самого субъекта и других людей, другие люди, обстоятельства). Значимое жизненное событие – это составляющая жизненного пути личности, определяемая ею как

влияющая в большой степени на изменения ее системы отношений к себе и с Другими, жизненных ценностей и стратегий (поступки самого субъекта и других людей, другие люди, обстоятельства).

Проблемой нашего эмпирического исследования (Альперович, 2010), часть которого представлена в данной статье, стали направления трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге у взрослых с различным уровнем выраженности кризиса системы отношений. В исследовании были разработаны эмпирические модели высокого, среднего, низкого уровней выраженности кризиса системы отношений и структурно-содержательные характеристики представлений респондентов о Враге и Друге в связи с различными типами значимых событий.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить направления трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге в период взрослости в связи с различными уровнями кризиса системы отношений и жизненными событиями разных типов. Сформулированы основные гипотезы нашего исследования: 1. Типы значимых жизненных событий могут оказывать дифференцированное воздействие на уровень выраженности кризиса системы отношений (низкий, средний, высокий). 2. Направления структурно-содержательной трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге могут быть детерминированы уровнем выраженности кризиса системы отношений.

Методы и методики исследования

Тестирование, субъективное шкалирование, категориальный анализ представлений. В соответствие с целью исследования в качестве основной методики была использована методика «Значимые жизненные события в период взрослости» (Альперович, 2010). Кроме того для определения характеристик представлений о Враге и Друге и уровня кризиса системы отношений в связи с жизненными событиями были использованы: методика «Социально-психологические характеристики представлений о Друге и Враге» (Альперович, 2010), а также методики «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, «Шкала аттитудов ко времени» Ж. Ньютона (в адаптации К. Муздыбаева, 2000), методика «Экспресс-диагностика уровня соци-

альной фрустрированности» Л.И. Вассермана, с модифицированными в соответствии с задачами исследования инструкциями.

Респонденты

Респондентами в исследовании выступили 204 человека: 109 женщин и 95 мужчин, в возрасте 32–45 лет, которые были отнесены к возрастному периоду взрослости, согласно периодизации, предложенной В.И. Слободчиковым, Е.И. Исаевым. В исследовании приняли участие служащие коммерческих и государственных предприятий, служащие госсектора, предприниматели, преподаватели коммерческих и государственных учебных заведений г. Ростова-на-Дону. Выбор данного этапа жизненного пути определяется его социально-психологическими особенностями, указывающими на наличие отрефлексированных «прежних» и «актуальных» представлений о Другом, на трансформации взаимосвязей с миром и другими людьми, на опыт переживания определенных типов жизненных событий.

Достоверность полученных результатов и основанных на них выводов обеспечивалась также использованием методов математической статистики (частотного анализа, кластерного анализа, дискриминантного анализа) и стандартного программного пакета статистической обработки данных «SPSS 13.0» для Windows.

С целью проведения сравнительного анализа значимых жизненных событий участников исследования, различающихся уровнем выраженности кризиса системы отношений, вслед за Л.К. Гавриловой (Гаврилова, 2007), В.Э. Чудновским (Чудновский, 2000), все события, указанные респондентами в качестве значимых, мы разделили на 3 типа: а) поведение Другого (отрицательное и положительное) (поступок Другого); б) поступок самого субъекта; в) изменение социального контекста – в соответствии с нарративными ответами респондентов, на основе следующих критериев: а) переживание респондентом рассогласования ожидаемого отношения Других и отношения Других в связи с данным событием; б) субъекты, которому респонденты приписывают ответственность за то, что данное событие произошло; в) включенность данного события в жизненные планы респондентов. Критерии отнесения события к тому или иному типу были выделены нами, исходя из теоретического анализа проблемы жизненного события в отечественной психологии.

Результаты исследования

Обратимся сначала к анализу ситуаций, ставших значимыми событиями в жизни респондентов. Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты в качестве значимых, переломных, оценивают следующие события взаимодействия личности с Другими:

а) события профессионально-карьерной сферы – поступление в школу и ее окончание, поступление в университет (институт) и его окончание, защиты диссертаций, смены места работы и сферы деятельности (открытие и закрытие собственного малого предприятия, поступления на новое место работы), места жительства, периоды материальных затруднений, адаптации к новому месту работы, разочарование в выбранной профессии, обучение за границей;

б) события семейной сферы – брак, развод, рождение детей, смерти и болезни родственников, конфликт с одним из членов семьи, эмиграция одного из членов семьи, улучшения и ухудшения отношений с родственниками;

в) события межличностных отношений внесемейной сферы – появление друзей, предательства со стороны друзей, ухудшения, прекращения и улучшения отношений с ними, разочарование в них, измены и уход возлюбленных, неуспешные любовные отношения;

г) события изменения ценностно-смысловой сферы самих респондентов – периоды духовного кризиса, обучение в тренинговых группах, занятия йогой, восточными единоборствами.

Данные о значимости для респондентов событий профессионально-карьерной и семейной сфер соответствуют выводам исследователей о системе отношений и ведущих мотивах субъектов общения на этапе взрослости, а установленные нами группы значимых жизненных событий – выделенным исследователями событиям, опосредствованно обуславливающим все разновидности личностного кризиса. Упомянутые группы значимых жизненных событий могут быть интерпретированы в социально-психологическом смысле как события, так или иначе связанные с изменениями в системе отношений личности с собой и Другими. Это события смены социально-психологического статуса в малых группах, смены идентичностей.

На основе сравнительного частотного анализа типов событий была определена степень представленности, интерпретируемая нами как степень значимости, событий того или иного типа для респондентов, различающихся уровнями

выраженности кризиса системы отношений.

На основе полученных данных мы установили следующее. Для всех респондентов нашей выборки одинаково значимым является событие «рождение детей», которое в социально-психологическом смысле можно интерпретировать как событие глубокой смены идентичностей личности, связанной с изменением жизненных целей, жизненной стратегии, переоценкой карьерных планов, материального положения, образа жизни. Для всех респондентов нашей выборки значимым является и событие «смерть близких». Тем не менее, оно несколько более значимо для респондентов с высоким уровнем выраженности кризиса системы отношений и для респондентов со средним уровнем выраженности кризиса системы отношений, чем для респондентов с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений. Это может объясняться негативными эмоциональными переживаниями и негативным восприятием времени жизни при высоких уровнях кризиса системы отношений.

Описывая значимые, переломные события разной степени длительности, 100 % респондентов с высоким уровнем выраженности кризиса системы и отношений и 98 % респондентов со средним уровнем выраженности кризиса системы отношений акцентируют внимание на следующих событиях: предательство значимых других (обман доверия, разглашение конфиденциальной информации друзьями, коллегами, измена возлюбленных, супругов), развод; изменение отношений со значимыми другими (в т.ч. разочарование в них); периоды материальных затруднений; смены места работы и/или сферы деятельности (по вине Другого). Также респонденты с высоким уровнем выраженности кризиса системы отношений акцентируют внимание на событиях, повлиявших, по их мнению, на изменения личной ценностно-смысловой сферы; респонденты со средним уровнем выраженности кризиса системы отношений (в основном, респонденты-женщины) акцентируют также событие «первые месяцы жизни ребенка при малой помощи супруга». Эти события, за исключением событий изменения ценностно-смысловой сферы, сами респонденты воспринимают как связанные с переживанием ими противоречия, рассогласования ожидаемого отношения Других и отношения Других, как неожиданные, не включенные в их жизненные планы, и ответственность за то, что они произошли, приписывают другим людям.

Таким образом, 100 % респондентов с высоким уровнем выраженности кризиса системы отношений и 98 % респондентов со средним уровнем выраженности кризиса системы отношений выделяют события, отнесенные нами к типу «отрицательное поведение Другого (отрицательный поступок Другого)».

Несколько менее значимыми для этих участников исследования являются следующие события: переезд в другой город; адаптация к новому месту жительства, учебы, работы; окончание школы, поступление в институт и его окончание, получение диплома; защита диссертации; вступление в брак. Также менее значимым для респондентов со средним уровнем кризиса системы отношений является событие «период обучения за границей». Эти события сами респонденты воспринимают как связанные с переживанием ими согласованности ожидаемого отношения Других и отношения Других, как предсказуемые, включенные в их жизненные планы, и ответственность за то, что они произошли, приписывают себе. Два процента респондентов со средним уровнем выраженности кризиса системы отношений выделяют именно эти события, являющиеся менее значимыми для других респондентов данной группы.

Для 100 % респондентов с высоким уровнем выраженности кризиса системы отношений и для 98 % респондентов со средним уровнем выраженности кризиса системы отношений наименее значимыми являются события, отнесенные нами к типам «поступок самого субъекта» и «изменение социального контекста».

98 % респондентов с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений акцентируют внимание на следующих событиях: переезд в другой город; адаптация к новому

месту жительства, учебы, работы; окончание школы, поступление в институт и его окончание, получение диплома; период обучения за границей; защита диссертации; вступление в брак. Эти события сами респонденты воспринимают как связанные с переживанием ими согласованности ожидаемого отношения Других и отношения Других, как предсказуемые, включенные в их жизненные планы, и ответственность за то, что они произошли, приписывают, в основном, себе.

Таким образом, для 98 % респондентов с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений наиболее значимыми являются события, отнесенные нами к типам «поступок самого субъекта» и «изменение социального контекста».

Несколько менее значимыми для участников исследования с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений являются следующие события: изменение отношений со значимыми другими (в т.ч. разочарование в них); развод; смены места работы и/или сферы деятельности (по вине Другого); периоды материальных затруднений. Эти события сами респонденты воспринимают как связанные с переживанием ими противоречий, рассогласования ожидаемого отношения Других и отношения Других, как не включенные в их жизненные планы, и ответственность за то, что они произошли, приписывают другим людям. Два процента респондентов с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений выделяют именно эти события, менее значимые для других респондентов данной группы. Для 98 % респондентов с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений наименее значимыми являются события, отнесенные нами к типу «отрицательное поведение Другого (отрицательный поступок Другого)».

Таблица 1

Наиболее и наименее значимые типы жизненных событий респондентов, различающихся уровнями выраженности кризиса системы отношений

Уровень выраженности кризиса системы отношений (численность человек в группе, %)	Наиболее значимые типы событий (в % от общего количества названных респондентами событий)	Наименее значимые типы событий (в % от общего количества названных респондентами событий)
Респонденты с высоким уровнем выраженности кризиса системы отношений (100)	Отрицательное поведение Другого (отрицательный поступок Другого) (59–89)	Поступок самого субъекта (11–16) Изменение социального контекста (10–15)
Респонденты со средним уровнем выраженности кризиса системы отношений (98)	Отрицательное поведение Другого (отрицательный поступок Другого) (57–75)	Поступок самого субъекта (15–20) Изменение социального контекста (13–18)
Респонденты с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений (98)	Поступок самого субъекта (62–90) Изменение социального контекста (31–38)	Отрицательное поведение Другого (отрицательный поступок Другого) (5–15)

В таблице 1 отражены наиболее и наименее значимые типы жизненных событий респондентов, различающихся уровнями выраженности кризиса системы отношений. Указанный диапазон значений отражает различия в частоте упоминания событий определенного типа между респондентами данной группы.

Полученные данные свидетельствуют в пользу выводов многих исследователей, с одной стороны, об актуализации личностью, переживающей кризис, моментов ее жизненного пути, не являющихся для нее позитивными, и снижении ею прежней оценки событий и достижений прошлого; с другой стороны, о высокой оценке событий и достижений прошлого личностью, не переживающей кризиса.

Таким образом, уровень выраженности кризиса системы отношений (низкий, средний, высокий) обусловлен преобладающим типом значимых жизненных событий. Тип значимых жизненных событий, пережитых в связи с «отрицательным поведением Другого», способствует увеличению степени рассогласования видов отношений, выраженности отношений модальностей: «авторитарные», «эгоистические», «подчиняемые», «зависимые», повышает степень социальной фрустрированности, увеличивает негативное эмоционально-ценностное отношение к времени жизни.

В группах с высоким и средним уровнем выраженности кризиса системы отношений преобладают события типа «отрицательное поведение Другого»: предательство со стороны значимых других (обман доверия, разглашение конфиденциальной информации, поведение, противоположное ожидаемому, измена возлюбленных, супругов), развод, смена сферы деятельности по вине Другого. Эти события сопровождаются переживанием рассогласованности между ожидаемым отношением Других и их отношением в настоящем, воспринимаются как неожиданные, не включенные в жизненные планы, ответственность за их появление приписывается другим людям. В группе с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений преобладают события типов «покупка самого субъекта», «изменение социального контекста» (переезд в другой город; окончание школы, института, получение диплома; защита диссертации; вступление в брак). Эти события рассматриваются данной группой участников исследования как предсказуемые, включенные в их жизненные планы, они берут на себя ответственность за появление этих событий, отмечают

согласованность ожидаемого отношения Других и их отношения к этим событиям в настоящем.

Если обратиться непосредственно к анализу различий в содержательных трансформациях социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге, то они наблюдаются между группой, имеющей низкий уровень выраженности кризиса системы отношений, и группами с высоким, средним уровнями выраженности кризиса системы отношений. Содержательные трансформации представлений о Друге происходят в направлении усиления/уменьшения значимости ценностно-смысловой, духовной близости с Другом; эмоциональной поддержки, взаимопомощи, по линии «нравственные качества – интеллект». В группе с низким уровнем развития кризиса системы отношений трансформации представлений о Друге происходят в направлении усиления ценностно-смыслового единства, духовной близости, интеллектуального потенциала. Друг категоризуется как «духовно близкий». В группах с высоким и средним уровнями выраженности кризиса системы отношений трансформации представлений о Друге происходят в направлении усиления эмоциональной поддержки, взаимопомощи, нравственных качеств и снижении ценностно-смыслового единства, духовной близости. Друг категоризуется как «помогающий, поддерживающий». Содержательная трансформация представлений о Враге в группах высокого и среднего уровней развития кризиса системы отношений происходит в направлении усиления негативных функций и отрицательных нравственных качеств («лживость», «неискренность», «двуличие»), в отнесении Врага к определенному типу людей – «предатель». Содержательная трансформация представлений о Враге в группе с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений происходит в направлении усиления различий ценностно-смысловой сферы, интересов, в наделении Врага завистливым поведением, в отнесении его к такому типу людей, как «агрессор».

Таким образом, уровни выраженности кризиса системы отношений личности, связанные с совокупностью значимых событий «отрицательное поведение Другого», определяют содержательные трансформации представлений о Друге в направлении «эмоционально-поддерживающий, помогающий, правдивый», а представлений о Враге в направлении «предатель, обманывающий». Уровень выраженности кризиса системы отношений личности, связанный с совокуп-

ностью значимых событий «поступок самого субъекта», определяет содержательные трансформации представлений о Друге в направлении «ценностно-смыслового единства, интеллектуального взаимодействия», а представлений о Враге в направлении «ценностно-смысловых различий, агрессивно-завистливого поведения».

Выводы

Итак, респонденты оценивают значимые жизненные события в качестве фактора трансформации их представлений о Враге и Друге. Полученные данные свидетельствуют в пользу предположений о влиянии значимых жизненных событий на особенности конструирования субъектом общения образа другого человека. Также они иллюстрируют на эмпирическом уровне теоретико-методологические положения

подхода А.А. Бодалева к жизненным событиям. Изменение представлений о Враге и Друге отражает динамику системы представлений личности о себе, других людях, ее образа мира как одну из характеристик субъекта деятельности и общения. Партнер по общению, выступающий «врагом» или «другом», совершающий различные поступки, в сознании субъекта опосредствованно влияющие на данные представления, приобретает свойства «человека-события» в понимании А.А. Бодалева. Жизненные события различных типов («отрицательное поведение Другого», «поступок самого субъекта» и «изменение социального контекста»), которые мы выделили в данном исследовании, опосредствованно воздействуют на динамику отношений и представлений, влияют на категоризацию партнеров по общению, дальнейшее взаимодействие с людьми, наделяемыми статусами «друзей» и «врагов».

Литература

1. Альперович В.Д. Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о Враге и Друге: Дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002.
3. Ахмеров Р.А. Субъективная картина жизненного пути в структуре самосознания // В мире научных открытий. 2013. № 7.3 (43). С. 190–220.
4. Бодалев А.А. О событиях в жизни человека и человеке как событии // Мир психологии. 2000. № 4 (24). С. 66–70.
5. Борисова И.В., Власова Т.В. Совладание со стрессом потери при разводе // Психология человека в современном мире. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г.): в 6 тт. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. Т. 1. С. 103–110.
6. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Изд-во Российского педагогического агентства, 1998.
7. Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 5–17.
8. Васильченко О.М. Репродуктивные события в структуре жизненного пути личности // Фундаментальные исследования. 2013. № 1–3. С. 636–641.
9. Гаврилина Л.К. К вопросу о переломном событии: роль общения с художественным текстом // Ананьевские чтения – 2007. Материалы научно-практической конференции (23–25 октября 2007 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 166–167.
10. Гришина Н.В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6. № 30. С. 3. [Электронный ресурс] URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html>.
11. Демин А.Н. Особенности переживания личностью кризисов своей занятости // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 3. С. 87–96.
12. Жуковская Л.В. Рождение ребенка как событие в жизни женщины // Психология человека в современном мире. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г.): в 6 тт. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. С. 160–167.
13. Кондаков И.В. Архитектоника события // Мир психологии. 2000. № 4 (24). С. 38–50.
14. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Смысл, 2008.

15. Лебедева Л.В., Слободенюк А.Ф. Жизненные события в автобиографическом дискурсе // Вестн. Тюменского ун-та. 2014. № 9. С. 181–188.
16. Магомед-Эминов М.Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 13–24.
17. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
18. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2009. С. 50–51, 122–123.
19. Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 93–102.
20. Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 2.
21. Розин В.М. Что такое событие? (Анализ условий событийного дискурса) // Мир психологии. 2000. № 4 (24). С. 31–38.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005. С. 630–650.
23. Чудновский В.Э. Человек и событие (Сцилла и Харибда свободного развития личности) // Мир психологии. 2000. № 4 (24). С. 71–80.

Введение

Проблема понимания процесса динамики отношений личности – одна из ключевых, фундаментальных проблем социальной психологии. Интерес социальной психологии к этой проблеме обусловлен ее тесной взаимосвязью с проблемами становления, развития, адаптации, коррекции личности и группы. Анализируя исследования различных видов отношений личности и их динамики, можно выделить два взаимосвязанных вектора современных исследований. Во-первых, это изучение самой динамики отношений, понимаемой как изменение во времени их основных параметров. Анализ литературы показывает, что динамика различных с точки зрения направленности – объектности отношений человека (к себе, к другому, к группе), а также таких параметров отношений, как знак, модальность, интенсивность, осознанность, взаимность, изучены достаточно хорошо. Но, как правило, эти виды отношений и их параметры исследуются вне взаимосвязи друг с другом.

Во-вторых, это изучение влияния различных факторов на динамику отношений личности. На пути решения данного вопроса в психологии накоплено значительное количество факторов. Можно выделить четыре группы факторов, опосредующих возникновение и динамику отношений личности (к себе, к другому, к миру) (Шкурко, 1999): 1) факторы, детерминирующие становление и развитие системы отношений человека в онтогенезе; 2) «личностные» факторы, к которым относятся различные свойства субъекта отношений; 3) «внешние» факторы, которые включают в себя фактор времени; экологический фактор; фактор пространственной близости; культурно-исторический фактор и иные факторы; 4) «групповые» факторы, к которым относятся процессы групповой динамики.

Отдельным направлением исследований в социальной психологии является изучение динамики отношений и представлений о партнере по общению в процессе социально-психологического тренинга (Бреус, 1999; Вакуленко, 2000; Гринько, 2011; Макаров, 1998; Петров, 2004; Сериков, 2001). Эти исследова-

ГЛАВА 4. Динамика отношений личности в процессе социально-психологического тренинга (Шкурко Т.А.)

ния имеют не только прикладное значение, но и большую теоретическую ценность. Они позволяют расширить существующие представления о динамике различных видов отношений, глубже понять особенности функционирования отношений как целостной динамической системы связей личности в ограниченном времени и в ситуации, приближенной к лабораторному эксперименту. В рамках подобных исследований круг действующих на динамику отношений факторов четко ограничен – это механизмы социального влияния на личность в группе с одной стороны, и личностные особенности его участников – с другой. Исходя из приведенной выше классификации факторов динамики отношений, это групповой и личностный факторы. Традиция изучения влияния на личность сочетания этих двух групп факторов сложилась в социальной психологии еще со времен экспериментов Соломона Аша, выяснившего, что конформность поведения личности – не только результат влияния группы, но и функция личности (Asch, 1952).

В отечественной социальной психологии пионером в разработке проблемы многофакторной детерминации системы отношений личности является Алексей Александрович Бодалев. В своей фундаментальной работе «Личность и общение» (Бодалев, 1995) он, опираясь на концепцию отношений своего учителя В.Н. Мясищева (Мясищев, 1995), формулирует научную программу изучения личности в общении, наметив перспективные теоретико-эмпирические направления изучения общения в социальной психологии. Во-первых, важнейшим требованием к осуществлению подобных исследований является изучение общения в единстве трех взаимосвязанных компонентов – психического отражения участниками общения друг друга, отношения их друг к другу и обращения их друг с другом. В работах А.А. Бодалева и его коллег доказана связь отношения, образа и процессов социально-психологической интерпретации личности. В ряде эмпирических исследований в структуре интерпретации были

обнаружены особые образования, которые включают в себя эмоциональную оценку человека и являются показателями отношений между людьми. А.А. Бодалев назвал эти образования «оценкой личности в целом» (Бодалев, 1982, с. 184); В.Н. Панферов – «интегральными определениями личности» (Панферов, 1970, с. 88); В.А. Лабунская – «эмоционально-оценочными суждениями» (Лабунская, 1990, с. 83). Также в исследованиях зафиксировано единство отношения, выражения и обращения (Бодалев, 1982, 1994; Лабунская, 1986). Таким образом, изучение динамики отношений личности невозможно в отрыве от анализа процессов восприятия и социально-психологической интерпретации участников общения, а также без учета выражения отношений к другим людям, их форм обращения друг к другу.

Во-вторых, одной из важнейших задач предложенного А.А. Бодалевым подхода к изучению личности в общении является «выявление и изучение разных типов мотивационно-потребностной сферы личности и особенностей ее влияния на различные характеристики общения этой личности с людьми, на все ее познавательные процессы, на ее переживания и эмоциональное состояние, на ее поведение, когда объектом этих процессов, состояний и поведения оказываются люди» (Бодалев, 1995, с. 41). Таким образом, при изучении динамики отношений личности одним из важнейших факторов этой динамики должна выступать мотивационно-потребностная сфера личности.

На наш взгляд, теоретическая значимость исследований динамики различных видов отношений участников в процессе социально-психологического тренинга на сегодняшний день недостаточно оценена в силу переноса акцента в данных исследованиях на изучение, в первую очередь, «позитивного» вектора динамики отношений, то есть изменения отношений в сторону большей позитивности, осознанности, глубины и т.п. Эта тенденция оправдана тем, что многие авторы апробируют разработанные ими программы тренингов, а выяснение эффектов данных программ – как «ядерных», так и «сопутствующих» (в терминологии Л.А. Петровской (1985)) – является одной из задач исследования. Тем не менее, еще в работах П.К. Анохина (Анохин, 1975) и Б.Г. Ананьева (2002) было показано, что одной из основных характеристик психического развития человека является гетерохронность.

Гетерохронность (от греч. *heteros* – разный, *chronos* – время) – разновременность созревания разных систем организма или разных признаков в пределах одной системы (Гетерохронность, Система фед. образов. порт). В биологии, нейрофизиологии, физиологии, педагогике, медицине, геронтологии и других науках накоплены многочисленные данные о гетерохронности (неравномерности и разномерности) фаз развития отдельных органов и структурных образований вследствие того, что темпы их роста и инволюции, длительность каждой фазы развития оказываются различными (Рыбалко, 1990; Реан, 2003; Яценко, 1999). В настоящее время исследователи говорят не только о гетерохронности биологических и психофизиологических процессов, но и гетерохронности социальных и психологических явлений (Болотова, 1997).

Как же в действительности изменяются различные отношения участников социально-психологического тренинга, каковы закономерности этих изменений и каким образом в этих изменениях проявляются фундаментальные свойства функционирования отношений личности как системы? Опираясь на вышеизложенные идеи А.А. Бодалева, а также на представления о гетерохронности психических явлений, нами было предпринято экспериментальное исследование динамики отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга (Шкурко, 2009). Танцевально-экспрессивный тренинг представляет собой направление социально-психологического тренинга, разрабатываемое нами совместно с В.А. Лабунской (Лабунская, Шкурко, 1999). Создан этот вид тренинга на основе синтеза подходов современной танцевальной психотерапии и отечественного социально-психологического тренинга. В основу танцевально-экспрессивного тренинга положен развиваемый В.А. Лабунской личностно-динамический подход к экспрессии человека (Лабунская, 1987, 2010).

Целью организованного нами танцевально-экспрессивного тренинга являлось развитие и изменение системы отношений и взаимоотношений личности, которая конкретизировалась в следующих задачах: 1) осознание участниками своего танцевально-экспрессивного репертуара, сопряженного с определенными паттернами межличностных отношений и отношений в группе; 2) развитие участниками репертуара межличностных отношений (как позитивных, так и негативных) за счет расширения и разви-

тия танцевально-экспрессивного репертуара; 3) отреагирование участниками группы негативных чувств и отношений; 4) повышение спонтанности участников в выражении различных чувств и отношений; 5) стимулирование у участников активности и инициативы в установлении и поддержании отношений; 6) возникновение общих позитивных чувств и взаимоотношений между участниками группы.

Дополнительными целями тренинга, определившими комплекс «сопутствующих» эффектов, явились следующие цели: 1) признание участниками тренинга за собой и другими права на непохожесть, нетипичность, уникальное существование; 2) развитие чувствительности к разнообразным проявлениям личности другого человека; 3) развитие способности к эмпатии и безоценочному принятию другого человека; 4) актуализация и изменение отношений в группе, развитие членов группы как субъектов отношений, оптимизация социально-психологического климата.

Основные теоретические положения, полная программа и анализ основных эффектов танцевально-экспрессивного тренинга представлены в ряде работ (Лабунская, Шкурко, 1999, Шкурко, 2005). Ниже приведены результаты экспериментального исследования динамики отношений участников танцевально-экспрессивного тренинга к себе, к другому, к группе.

Основные понятия

Под динамикой отношений мы понимали изменение во времени их основных параметров под влиянием различных факторов. В качестве основного фактора динамики отношений выступил танцевально-экспрессивный тренинг. В эксперимент также была введена еще одна независимая переменная – социально-психологические, мотивационно-потребностные и когнитивные особенности участников тренинга (так называемый «личностный» фактор).

Под «параметром отношения» мы рассматривали такую характеристику отношений человека, которая является критерием сравнения различных отношений в системе отношений человека, их измерения, анализа изменений отношений и выделения различных видов отношений. В нашей работе была поставлена задача комплексного изучения динамики различных видов отношений (отношения к другому, к группе, к себе) и их основных пара-

метров: интенсивности, знака, модальности, дифференцированности, взаимности. Эти виды отношений и их параметры изучались нами на различных, осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Такой подход, на наш взгляд, позволил выйти за пределы устоявшихся экспериментальных традиций изучения динамики отношений, а именно изучения преимущественно динамики межличностных отношений или отношений к себе, а также главным образом осознаваемых отношений.

Предлагаемый нами подход к динамике отношений определил выбор способа фиксации динамики. Так, в работе в качестве способа фиксации применялся лонгитудно-дискретный метод, а именно: фиксация параметров отношений через определенные промежутки времени. Подобный способ фиксации наиболее адекватен приведенному выше определению динамики отношений.

Методы и методики

В соответствии с целями исследования был составлен комплекс психодиагностических методик, фиксирующих временную динамику видов и параметров отношений. На основе классификации видов отношений В.В. Столина и Н.И. Голосовой (Столин, Голосова, 1982) нами создана «Методика исследования осознаваемых отношений личности к каждому члену группы и к себе». Участникам группы предлагалось оценить свое отношение к каждому члену группы и к самому себе по трем 8-балльным шкалам: «симпатия-антипатия», «уважение-неуважение», «близость-отдаленность». Также был использован «Цветовой тест отношений» А.М. Эткинда, который позволяет диагностировать неосознаваемые отношения личности к другому и к себе с учетом вышеперечисленных параметров отношений. В целях диагностики отношения личности к тренинговой группе, а также в целях актуализации осознания участниками тренинга себя как членов группы и своего места в системе групповых межличностных отношений в исследовании был использован модифицированный нами рисуночный тест «Я и группа» (Шкурко, 1999).

Кроме того, в работе был использован ряд методик, позволяющих определить социально-психологические, потребностно-мотивационные и когнитивные особенности участников танцевально-экспрессивного тренинга, которые в нашем исследовании рассматривались в каче-

стве второго фактора динамики отношений личности: 1) 16-факторный опросник Кеттелла; 2) опросник межличностных отношений В. Шутца; 3) методика свободной семантической оценки невербального поведения В.А. Лабунской; 4) социометрический тест.

Процедура

В соответствии с приведенным выше определением динамики отношений была разработана следующая процедура исследования: «Методика исследования осознаваемых отношений личности к каждому члену группы и к себе» и «Цветовой тест отношений» использовались 5 раз (до начала тренинга, после тренинга и в конце каждого второго занятия тренинга). Рисуночный тест «Я и группа» применялся 3 раза: до начала, в середине и после тренинга.

Замеры по 16-факторному опроснику Кеттелла, опроснику межличностных отношений В. Шутца, методике свободной семантической оценки невербального поведения В.А. Лабунской и социометрическому тесту были сделаны 1 раз – до начала тренинга.

Продолжительность тренинга была 24 часа или 8 занятий по 3 часа. Занятия проходили с периодичностью 2 раза в неделю в течение месяца. Замеры производились на каждом втором занятии группы, то есть 1 раз в неделю. В результате применения данной процедуры исследования было сделано 1600 замеров различных параметров отношений участников тренинга.

Полученные данные нуждались в особых методах обработки, адекватных использованному в исследовании способу фиксации динамики отношений. Для обработки полученных данных были использованы методы ANOVA или методы Анализа Вариаций (двухфакторный дисперсионный анализ Фридмана, анализ знаковых рангов Уилкоксона). Эти методы позволяют не только установить причинно-следственные связи и определить значимость и степень происходящих изменений в отношениях личности, но также выстроить профили этой динамики.

Эмпирический объект исследования

Объектом исследования явились участники 8 групп танцевально-экспрессивного тренинга (4 пилотажных, на которых первоначально программа тренинга была апробирована, и 4 экспериментальных группы). Это были реально существующие группы, которые на момент

исследования уже имели сложившуюся систему межличностных отношений. Всего в экспериментальном исследовании приняли участие 91 человек в возрасте от 14 до 47 лет.

Результаты исследования

Динамика осознаваемых отношений участников тренинга

Фактически, данные об изменениях осознаваемых отношений участников были получены на основе их самоотчетов. Картина, полученная на основе этих данных, отражает лишь один пласт функционирования тренинговой группы. Условно говоря, это уровень «вербализованных отношений». Именно этот уровень отношений отражен в «проговариваемых» участниками эффектах тренинга.

На основе сравнительного анализа показателей интенсивности отношений симпатии, уважения, близости членов группы друг к другу, зафиксированных на различных этапах танцевально-экспрессивного тренинга, были сделаны следующие выводы: во-первых, у большинства участников тренинговых групп (70 %) существенно изменилась интенсивность отношений симпатии, уважения, близости к другим членам группы. Во-вторых, в результате танцевально-экспрессивного тренинга изменения интенсивности отношений происходили как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Ведущей тенденцией для изучаемых групп является тенденция увеличения интенсивности отношений симпатии, уважения, близости друг к другу. В-третьих, в ряде случаев наблюдается резкое изменение интенсивности отношений, приводящее к смене знака отношения в рамках шкал «симпатия-антипатия», «уважение- неуважение», «близость-отдаленность». В-четвертых, наибольшее количество изменений по знаку и интенсивности произошло в рамках шкалы «близость-отдаленность». В-пятых, динамика интенсивности различных видов осознаваемых отношений участников тренинга к другим имеет ряд профилей, ведущее место среди которых занимают позитивный «скачкообразный», позитивный «поступательный» и позитивный «П-образный». Динамика видов отношений происходит по различным профилям: значимые изменения интенсивности одного вида осознаваемых отношений участника не всегда соответствуют существенным изменениям интенсивности другого вида отношений этого участника.

Динамика неосознаваемых отношений участников тренинга к членам группы и к себе

Динамика неосознаваемых отношений участников тренинга к членам группы и к себе изучалась нами с помощью Цветового теста отношений. По сравнению со значительными сдвигами в системе осознаваемых межличностных отношений в группе, на неосознаваемом уровне мы получили несколько иную картину. Только у 25 % участников в ходе танцевально-экспрессивного тренинга произошла значимая ($\alpha=0,05$) динамика интенсивности неосознаваемых отношений к членам группы, у 75 % участников интенсивность неосознаваемых отношений к другим членам группы не изменялась статистически значимо. «Профили» динамики неосознаваемых отношений следующие: позитивный «скачкообразный», позитивный «поступательный», позитивный «П-образный» и позитивный «U-образный». Анализ количества членов группы, интенсивность неосознаваемого отношения к которым со стороны других членов группы изменилась относительно 1-го замера, показал, что по окончании тренинга 51 % неосознаваемых отношений в группе стали более интенсивными (более позитивными), 32 % неосознаваемых отношений стали проявляться менее интенсивно (стали менее позитивными), выражение 17 % неосознаваемых отношений осталось неизменным.

Динамика «знака» неосознаваемого отношения в рамках шкалы «плюс-минус» следующая: 40 % неосознаваемых отношений в группе изменились на противоположные, причем 29 % неосознаваемых отношений поменяли направление с негативных на позитивные, 11 % – с позитивных на негативные.

Результаты сравнения показателей динамики неосознаваемых и осознаваемых отношений показали, что динамика осознаваемых личностью отношений к другим приблизительно в 3 раза интенсивнее, чем в случае с динамикой неосознаваемых отношений. Относительно «профилей» динамики отношений значительные различия между динамикой неосознаваемых и осознаваемых отношений отсутствуют. Количество отношений симпатии, уважения, близости и неосознаваемых отношений, изменившихся в сторону увеличения интенсивности, приблизительно равно (51 %; 58 %; 66 % и 51 % соответственно). В то же время количество неосознаваемых отношений, изменившихся в сторону снижения интенсивности, значительно больше, чем в случае с осознаваемыми отношениями.

Таким образом, изменения осознаваемых отношений по критерию интенсивности значительно сильнее, чем изменения неосознаваемых отношений. Это означает, что в процессе тренинга осознаваемые и неосознаваемые отношения изменяются не параллельно: последние являются более устойчивыми, и в процессе танцевально-экспрессивного тренинга изменяются значительно медленнее, чем осознаваемые отношения. Вместе с этим, заслуживает внимания тот факт, что смена знака отношений, как показателя их динамичности, происходит чаще на уровне неосознаваемых отношений. В целом, зафиксированы различные тенденции в динамике осознаваемых и неосознаваемых отношений членов группы друг к другу, что позволило сделать вывод: различные аспекты отношений участников тренинга к другим членам группы в процессе танцевально-экспрессивного тренинга изменяются гетерохронно.

Динамика осознаваемых и неосознаваемых самоотношений участников тренинга

Полученные данные подтвердили гипотезу о влиянии танцевально-экспрессивного тренинга на изменение различных видов осознаваемых отношений к себе (аутосимпатии, самоуважения, близости к себе) (на уровне значимости $\alpha=0,001$). Изменения различных видов осознаваемых самоотношений у участников группы имели общую тенденцию. Так, основной тенденцией изменения аутосимпатии и самоуважения участников тренинга являлось постепенное повышение их интенсивности в ходе тренинга, что соответствовало «поступательному» позитивному профилю динамики. Основной тенденцией изменения близости к себе у участников тренинга явилось повышение интенсивности близости к себе вплоть до шестого занятия, а затем – некоторое снижение (что соответствует позитивному «П-образному» профилю динамики).

На неосознаваемом уровне картина несколько иная. Применение методов анализа вариаций позволило сделать вывод об отсутствии значимой, с точки зрения математической статистики, динамики неосознаваемых самоотношений участников тренинга. Это говорит, прежде всего, об отсутствии общей для всех участников тренинга тенденции изменений интенсивности самоотношения на неосознаваемом уровне. Этот вывод подтверждается сравнением зафиксированной интенсивности неосознаваемого самоотношения участников до и после тренинга. Так, у 33 % испытуемых интенсивность самоот-

ношения увеличилась на последнем занятии по сравнению с первоначальным замером, у 37 % испытуемых уменьшилась, у 30 % испытуемых осталась прежней. Полученные результаты позволяют заключить, что динамика осознаваемых самоотношений по критерию интенсивности значительно более существенна, чем динамика неосознаваемых самоотношений. Не будем забывать, что ЦТО – очень чувствительный метод, реагирующий на мельчайшие изменения самооценки и динамику представлений о себе. Часто эти изменения связаны с конкретными событиями, происходящими в тренинговой группе, и с обратной связью, данной участнику тренинга членами группы. Использование ЦТО в таком случае – отличный способ для ведущего тренинговой группы понять, насколько важными и значимыми для участников были события, происходящие в группе, и вовремя скорректировать программу. Отсутствие же значимой с точки зрения математической статистики динамики неосознаваемых самоотношений участников тренинга (еще раз повторимся, что это означает отсутствие общей тенденции, а не самой динамики) может означать, что в данном случае личностный фактор более силен, чем внешний по отношению к личности, к которому и относится танцевально-экспрессивный тренинг.

Динамика дифференцированности неосознаваемых отношений к себе и к другим

Дифференцированность неосознаваемых отношений каждого участника тренинга рассчитывалась на основании данных, полученных по Цветовому тесту отношений согласно формуле $D=x/8$, где x – количество разных цветов, использованных испытуемым в процессе тестирования, $8=const$ – количество цветов в раскладке. С помощью указанных выше математических процедур было доказано, что в ходе танцевально-экспрессивного тренинга произошла существенная динамика дифференцированности неосознаваемых отношений участников. Основная тенденция этой динамики – постепенное уменьшение дифференцированности отношений в ходе тренинга.

Какова причина подобной тенденции? Исходя из формулы дифференцированности, причиной уменьшения в ходе тренинга показателей дифференцированности отношений может являться сужение спектра используемых при процедуре ЦТО цветов. Мы предположили, что это происходит в результате того, что участники начи-

нают чаще использовать цвета из позитивной части спектра (стоящих на первых 4-х местах в индивидуальной раскладке цветов по предпочтению) и реже из негативной части спектра (стоящих на 5–8 местах в раскладке). То есть, дифференцированность неосознаваемых отношений участников изменяется в ходе тренинга за счет увеличения общего количества позитивных отношений в системе неосознаваемых отношений участников (к себе, к другому) и соответственно уменьшения общего количества негативных отношений в системе отношений участников. Нами были произведены дополнительные математические расчеты, которые позволили подтвердить это предположение.

Динамика взаимности отношений

В качестве математического показателя взаимности отношений рассматривался коэффициент ранговой корреляции Спирмена между отношениями одного члена группы ко всем остальным, измеренными на i -ом занятии, и отношениями всех членов группы к данному члену группы, измеренными на этом же занятии. Для каждого испытуемого процедура корреляционного анализа была применена относительно каждого из видов отношений. В результате корреляционного анализа показателей интенсивности отношения участника группы к «Другому» и «Другого» к участнику была составлена таблица, содержащая показатели взаимности отношений симпатии-антипатии, уважения-неуважения, близости-отдаленности, неосознаваемых отношений для каждого из участников тренинга. Эти показатели затем были подвергнуты двухфакторному дисперсионному анализу Фридмана для выяснения их динамики.

Полученные результаты позволили сделать вывод, что в ходе танцевально-экспрессивного тренинга произошли значимые ($a=0,001$) изменения взаимности осознаваемых отношений симпатии-антипатии и близости-отдаленности у участников тренинга и существенные ($a=0,1$) изменения взаимности отношений уважения-неуважения. Основная тенденция этих изменений – снижение взаимности отношений, что является, с одной стороны, доказательством индивидуальных различий в динамике отношений, а, с другой стороны, свидетельствует о гетерохронности изменений отношений членов группы друг к другу. Что же касается изменений взаимности неосознаваемых отношений, то они не значимы с точки зрения математической статистики, что также говорит в пользу гипотезы

о гетерохронности изменений различных видов и параметров отношений.

Динамика отношений участников танцевально-экспрессивного тренинга к группе

Динамика отношений участников тренинга к группе изучалась с помощью рисуночного теста «Я и группа». Анализ проводился по ряду критериев: 1) особенности изображения группы; 2) месторасположение «Я» относительно группы; 3) соотношение размеров «Я» и других членов группы. Также на основании сочетания параметров рисунка «Я и группа» мы выделили пять типов отношений к группе: «отношение к группе как к «референтной»; «эгоцентричное отношение к группе»; «отстраненное отношение к группе»; «отношение к группе как к «нереферентной» и непонимание личностью своего места в структуре группы. Более подробно критерии анализа и выделения типов отношений представлены в одной из наших работ (Шкурко, 1999).

Анализ рисунков, сделанных участниками до тренинга, с точки зрения первого критерия распределились следующим образом: 16 % испытуемых изобразили группу неструктурированной, диффузной, 10 % испытуемых изобразили группу разбитой на подгруппы и 69 % участников изобразили группу как единое целое. В середине тренинга: 8 % участников воспринимали группу как неструктурированную, диффузную; участников, которые воспринимали бы группу как разбитую на подгруппы, не оказалось; и уже 86 % участников воспринимали группу как единое целое. В конце тренинга: 98 % участников тренинга воспринимают группу как единое целое. Таким образом, у 27 % испытуемых произошли изменения в образе восприятия группы: от первоначального представления о группе как неструктурированном, диффузном или разбитом на подгруппы образовании к представлению о группе как едином целом.

Следующий параметр анализа рисунков – месторасположение автора рисунка относительно других членов группы (или группы в целом). На рисунках, сделанных до тренинга, в центре группы изобразили себя 10 % участников, в группе, среди других – 51 % участников, на периферии группы – 14 % участников, в одной из подгрупп – 4 % участников. На рисунках, сделанных в середине тренинга, в центре группы изобразили себя 16 % участников, в группе, среди других – 65 % участников, на периферии группы – 4 % участников, вне группы – 8 % участников, изображение себя в подгруппе отсутствовало.

На рисунках, сделанных после тренинга, в центре группы изобразили себя 10 % участников, в группе, среди других – 73 % участников, на периферии – 4 % участников, вне группы – 8 % участников. Таким образом, общая тенденция изменения представлений членов группы относительно своего места в группе, исходя из их рисунков, заключается в смене представления о своем месте вне группы, на ее периферии или в одной из подгрупп на представление о своем месте в группе, среди других ее членов.

Сравнение рисунков «Я и группа» по такому параметру, как размер изображения «Я» и других членов группы, указывает на то, что значительных изменений по данному параметру с первого по последнее занятие не произошло. Так, большинство участников тренинга нарисовали свою фигуру такого же размера, как и фигуры других членов группы (что говорит о достаточно высоком самопринятии участников тренинга).

Анализ типов отношения к группе показал, что процентное соотношение данных типов до тренинга было следующим – 52:10:8:24:6. В середине тренинга это соотношение незначительно изменилось в сторону первого типа – 60:14:12:8:6. По окончании тренинга процентное соотношение данных типов выглядело следующим образом – 76:10:12:0:2, что позволило сделать вывод о том, что в ходе танцевально-экспрессивного тренинга у его участников произошла динамика отношений к группе от отношения к ней как к «нереферентной» к отношению к ней как к «референтной», от представления о группе как неструктурированном, диффузном или разбитом на подгруппы образовании к представлению о группе как едином целом.

Выводы

Общие выводы о динамике различных видов и параметров отношений в процессе танцевально-экспрессивного тренинга

Приведенные выше данные позволили заключить, что в результате танцевально-экспрессивного тренинга происходят значимые изменения формально-содержательных параметров различных видов отношений его участников. Эти изменения носят гетерохронный характер как внутри определенных видов отношений, так и между ними. Одновременно наблюдаются общие тенденции изменений параметров внутри определенного вида отношений. Ведущими тенденциями изменений различных видов отно-

шений являются: 1) увеличение интенсивности выражения отношений к себе и другому; 2) снижение взаимности осознаваемых отношений; 3) уменьшение дифференцированности неосознаваемых отношений (за счет повышения позитивности отношений к себе и другим); 4) изменение отношения к группе от отношения к ней как к «нереферентной» к отношению к ней как к «референтной» группе; 5) динамика различных видов отношений имеет различные профили, среди которых ведущее место занимают позитивный «поступательный», позитивный «скачкообразный», позитивный «Пи-образный» и позитивный «U-образный».

С целью дополнительной проверки вывода о гетерохронности изменений различных видов и параметров отношений был проведен корреляционный, а затем факторный анализ показателей динамики отношений участников тренинга. Всего было выделено 25 показателей динамики различных видов отношений участников тренинга, отражающих различное соотношение таких основных характеристик динамики, как *направленность* и *степень изменений отношений*. Вторая характеристика динамики в дальнейшем получила название «динамичность отношений».

Результаты факторного анализа различных показателей динамики позволили еще раз подтвердить гипотезу о гетерохронности изменений видов и параметров отношений в процессе танцевально-экспрессивного тренинга и выделить виды этой гетерохронности: 1) гетерохронность изменений осознаваемых и неосознаваемых отношений: интенсивная, гармоничная динамика осознаваемых отношений к себе и другому и значительно отстающая от нее динамика параметров неосознаваемых отношений к себе и другому; 2) гетерохронность изменений отношений к себе и другому: несоответствие динамики самоотношений и отношений к другому; 3) гетерохронность изменений параметров осознаваемых и неосознаваемых отношений: интенсивности, дифференцированности, взаимности; 4) гетерохронность изменений отношений друг к другу (параметр взаимности отношений).

На наш взгляд, различные виды гетерохронности изменений параметров отношений, «кажущаяся» негармоничность изменений системы отношений личности и есть ее реальное, нормальное функционирование, соответствующее представлениям о взаимосвязи развития различных видов отношений. Иными словами, несоответствие в динамике осознаваемых

и неосознаваемых отношений, отношений к себе и другому, отношений друг к другу (взаимоотношений) и несоответствие в динамике параметров отношений является фундаментальной особенностью системы отношений личности. Было бы неправильным ожидать равномерного изменения различных параметров системы отношений участника в процессе тренинга. Так, изменения осознаваемого пласта отношений к себе и другому не обязательно связаны с аналогичными по темпам изменениями в области неосознаваемых личностью отношений, изменившееся отношение к члену группы не всегда сразу же приводит к аналогичным изменениям с его стороны и т.д. Тем не менее, в изменениях различных видов отношений и их параметров удалось выделить общие тенденции, что говорит в пользу гетерохронности, а не, например, отсутствия связи.

Индивидуальные различия в динамике отношений участников танцевально-экспрессивного тренинга

Мы рассмотрели динамику различных параметров отношений личности, фактором которой явился танцевально-экспрессивный тренинг. Были выявлены общие для всех участников тренинга тенденции в динамике отношений (к себе, к другому, к группе). В то же время были обнаружены индивидуальные различия в динамике отношений участников тренинга, которые опосредованы, главным образом, так называемыми «личностными» факторами: социально-психологическими, потребностно-мотивационными и когнитивными особенностями участников. В целях анализа взаимосвязей между показателями динамики различных видов отношений участников тренинга и их социально-психологическими и личностными характеристиками нами был осуществлен корреляционный анализ описанных выше показателей динамики и личностных параметров. Ниже приведены самые общие выводы проведенного анализа:

Психологический портрет личности с динамической системой отношений (у которой произошли значительные изменения различных видов и параметров отношений) включает следующие характеристики: позитивный социально-психологический статус в группе; высокий уровень общительности, чувствительности и стремления к другим людям; стремление к экспериментированию в социальной жизни; высокий уровень импульсивности; развитый интеллект; большой объем и дифференцированность интерпретации поведения других людей;

(когнитивная сложность); высокая степень интенсивности потребности в установлении близких отношений и в контроле других людей.

2. Динамика различных видов отношений обусловлена различными комплексами социально-психологических и личностных особенностей субъекта отношения. Так, например, динамика осознаваемых отношений к себе, другому и взаимоотношений опосредована, в первую очередь, такими характеристиками субъекта этих отношений, как общительность, высокий социально-психологический статус в группе, радикализм, неуверенность, чувствительность, стремление к другим, доминантность, склонность к лидерству, нонконформизм, а также такой характеристикой когнитивной сферы, как объем интерпретации поведения и таким свойством интеллекта, как интеллектуальная подвижность.

Динамика неосознаваемых отношений к себе, другому и взаимоотношений опосредована доминированием в структуре личности иных черт, таких, как мечтательность, эмоциональная неустойчивость, доверчивость, чувствительность, стремление к другим, а также такой особенностью когнитивной сферы, как дифференцированное «видение» невербального поведения и рядом социальных потребностей – потребностью в близких отношениях и в контроле себя и других.

3. Характеристики личности, входящие в различные комплексы, имеют различную частоту связей с показателями динамичности тех или иных отношений. Наибольшее количество связей имеют: 1) общительность, высокий позитивный социально-психологический статус, большой объем интерпретации и динамичность отношений к другому; 2) самодостаточность,

подозрительность, слабое развитие потребности во включении в различные социальные группы и динамичность самоотношений; эмоциональная неустойчивость, дифференцированность интерпретации поведения, потребность в близких отношениях и в контроле себя и других и динамичность неосознаваемых отношений и самоотношений; высокий социальный контроль, самоконтроль, большой объем интерпретации поведения и динамичность осознаваемых взаимоотношений; смелость, мечтательность, напряженность потребности в близких отношениях и динамичность неосознаваемых взаимоотношений.

Эти данные говорят о том, что в зависимости от уровня развития определенных черт, свойств, их симптомокомплексов в структуре характеристик личности у участников танцевально-экспрессивного тренинга, у них происходят различные изменения в системе отношений, затрагивающие параметры, виды, уровни осознания, направленность на себя и других.

В целом, полученные результаты, на наш взгляд, имеют особую ценность для ведущего танцевально-экспрессивного тренинга, так как позволяют прогнозировать эффекты для тренинговой группы и ее участников. Комплекс методов, использованных в исследовании, может быть рекомендован для отслеживания процессов, происходящих в группе. Полученные данные о влиянии личностного фактора на динамику отношений (к себе, к другим, к группе) участников тренинга позволяют выстраивать индивидуальные профили динамики отношений, а также прогнозировать индивидуальные эффекты от участия в социально-психологическом тренинге.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002.
2. Анохин П.К. Очерки по психофизиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
3. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982
4. Бодалев А.А. О взаимосвязи общения и отношения // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 122–127.
5. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
6. Болотова А.К. Психология времени в межличностных отношениях // Время и развитие личности в онтогенезе. М.: МПСИ, 1997. С. 102–108.
7. Бреус Е.Д. Динамика представлений о себе и другом как трудном партнере общения в результате социально-психологического тренинга // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
8. Вакуленко О.В. Игровой тренинг как средство формирования гуманных отношений старших дошкольников к сверстникам // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2000.

9. Гетерохронность // Система федеральных образовательных порталов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanities.edu.ru/ab/search.htm> (дата обращения 12.08.2015).
10. Гринько А.А. Динамика оценки личностных качеств себя и других в процессе групповой психотерапии // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
11. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26–39.
12. Лабунская В.А. Методика «Свободной семантической оценки невербального поведения» // Эмоциональные и познавательные характеристики общения / Под ред. В.А. Лабунской. Ростов-на-Дону: РГУ, 1990. С. 80–91.
13. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону. 1986.
14. Лабунская В.А. Особенности развития способности к психологической интерпретации невербального поведения // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 70–77.
15. Лабунская В.А., Шкурко Т.А. Развитие личности методом танцевально-экспрессивного тренинга // Психологический журнал. 1999. № 1. С. 31–38.
16. Макаров Ю.В. Социально-психологический тренинг как средство формирования групповой сплоченности // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 1998.
17. Мясищев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева. М., 1995.
18. Панферов В.Н. Классификация социально-психологической интерпретации личности // Вестник ЛГУ. 1970. № 23. С. 86–90.
19. Петров С.И. Конфликты в спорте и социально-психологический тренинг как средство их разрешения // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2004.
20. Петровская Л.А. Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга // Автореф. дисс.... докт. психол. наук. М., 1985.
21. Психология детства: Учебник / Под редакцией А.А. Реана. СПб.: «Прайм-ЕВРО-ЗНАК», 2003.
22. Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1990.
23. Сериков Г.В. Интерпретация невербального поведения в связи с социально-психологическими характеристиками личности // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2001.
24. Столин В.В., Голосова Н.И. Факторная структура эмоционального отношения человека к человеку // Психологический журнал. 1982. № 2. С. 62–67.
25. Шкурко Т.А. Гетерохронность динамики различных видов отношений личности в процессе социально-психологического тренинга // Российский психологический журнал. Т. 6. № 5. 2009. С. 23–31.
26. Шкурко Т.А. Концепция отношений личности // Социальная психология личности в вопросах и ответах / Под ред. В.А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. С. 129–142
27. Шкурко Т.А. Проксемические параметры рисуночного теста «Я и группа» как показатель отношений в группе // Прикладная психология. 1999. № 6. С. 80–84.
28. Шкурко Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг. СПб.: «Речь», 2005.
29. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. 1999.
30. Asch S.E. Social Psychology. New York: Prentice-Hall, 1952.

РАЗДЕЛ 4

БОДАЛЕВ А.А. –
ЛИЧНОСТЬ И УЧЕНЫЙГЛАВА 1.
Бодалев А.А.:
личностное и профессиональное
становление**БОДАЛЕВ Алексей Александрович¹**

(13 октября 1923–20 декабря 2014) – российский психолог, специалист в области психологии личности, социальной психологии, социальной перцепции и психологии общения и акмеологии. Ученик Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищева. Доктор психологических наук (1966), проф. (1968). Член-корреспондент АПН СССР (1971). Академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии (1976–1986). Действительный член АПН СССР (с 1978). Вице-президент АПН СССР (1986–1989). Действительный член РАО (с 1993). Заслуженный деятель науки РФ (2002). В течение двух сроков (1980–1988) представлял российскую психологию в Ассамблее международной ассоциации психологических наук. В разное время – член редколлегии журналов «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Мир психологии». Отв. ред. журнала «Вестник МГУ. Серия 14. Психология» (1979–1986). Участник Великой Отечественной Войны, награжден многими орденами и медалями. Окончил с отличием отделение психологии философского ф-та ЛГУ (1950), в котором затем преподавал, пройдя путь от ассистента до зав. кафедрой общей психологии (1969–1976) и декана ф-та психологии (1972–1976). В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1965 – докторскую диссертацию: «Восприятие и понимание человека человеком». В 1976 г. переехал в Москву, работал в АПН СССР. Одновременно

в НИИ ОПП АПН СССР организовал и возглавил первую в стране лабораторию по изучению социальной перцепции. В 1979 г. организовал психологическую консультацию помощи родителям, испытывающим трудности в воспитании. С 1979 по 1986 г. – декан ф-та психологии МГУ им. Ломоносова и зав. кафедрой общей психологии. Поддерживал изучение разных аспектов общения, способствовал созданию экспериментального практикума по общей психологии с применением компьютерной техники и организации группы по изучению психологических проблем массовых коммуникаций. С 1989 по 1993 г. – зав. лабораторией психологии общения ПИ РАО. С 1993 по 2004 г. – проф. кафедры психологии труда и инженерной психологии ф-та психологии МГУ. С 2000 по 2006 проф. кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии госслужбы при Президенте РФ. С 1993 г. – главный научный сотрудник ПИ РАО. С 1968 по 1993 гг. – член ВАКа, в котором с 1989 г. возглавлял экспертный совет по психологическим и педагогическим наукам. Начиная с 1960-х гг. одним из первых в российской психологии начал последовательно изучать феноменологию, закономерности и механизмы познания людьми друг друга. В ходе этой работы были прослежены связи характеристик образа другого человека, понимания его внутреннего мира, с одной стороны, и возраста, профессии, пола и индивидуальных особенностей тех людей, которые выступают в качестве субъектов познания – с другой. Рассматривал познавательный компонент общения и изменения,

¹ Психология общения. Энциклопедический словарь/ Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Когито-Центр. 2015.

которые в нем происходят, в сопряжении с особенностями мотивационно-эмоционального компонента общения. Прослеживалась связь особенностей этого процесса и его результатов с индивидуально-типологическими чертами личности общающихся. Изучалось функционирование механизмов децентрации, идентификации, эмпатии, рефлексии. Специальное направление составили исследования психологических трудностей общения и поиск практических путей и способов их преодоления. Еще один блок работ, выполненный А. А. Бодалевым, связан с дальнейшей реализацией концепции В. Н. Мясищева. А. А. Бодалев – один из основоположников акмеологии и ряд его книг и статей посвящен определению содержания предмета акмеологии. Он содействовал созданию и развитию центров исследования проблем психологии общения при университетах в Ленинграде (С.-Петербурге), Москве, Ростове-на-Дону, Гродно, Краснодаре, Саранске и др. А.А. Бодалев создал свою научную школу, характеризующуюся общим подходом к изучению психологии общения, социальной перцепции и взаимодействия. Под его руководством выполнены и успешно защищены 25 докторских и 128 кандидатских диссертаций. Он опубликовал более 600 работ, часть которых издана в странах ближнего и дальнего зарубежья. Большое количество научных работ опубликовано за рубежом – в США, Канаде, Мексике, Франции, Германии, Японии, Австралии и др. странах. В 2011 году по инициативе А.А. Бодалева и под его редакцией вышел энциклопедический словарь «Психология общения», который отражает результаты изучения этого феномена в отечественной и зарубежной науке.

Основные труды: Восприятие человека человеком, 1965; Формирование понятия о другом человеке как личности, 1970; Восприятие и понимание человека человеком, 1982; Личность и общение, 1983; Общение и развитие психики, 1989; Психология о личности, 1988; Акмеология как учебная и научная дисциплина, 1993; Психология межличностного общения, 1994; Вершина в развитии взрослого человека: основные характеристики и условия достижения, 1998; Как становятся великими или выдающимися? (в соавт.), 2002; Психология общения, 2002; Акмеология, учебник для вузов (соавт. и соред.), 2005; Энциклопедический словарь «Психология общения» (отв. ред. и автор ряда статей), 2011, 2015.

Автобиография из первых рук²

Из истории моей семьи: в г. Сарапуле жили четыре брата Бодалевых – Иван Иванович, Алексей Иванович, Сергей Иванович и Егор Иванович. Все они в свое время приехали в Сарапул из г. Зарайска Рязанской губернии вместе со своей матушкой Устиньей Ивановной, купеческой вдовой. Иван Иванович был преуспевающий купец (см. книгу «Купечество Удмуртии»), почетный гражданин г. Ижевска, меценат, построил в Ижевске женскую гимназию, церковь и богадельню. До революции в Ижевске была улица Ивана Бодалева, потом ее переименовали в ул. Ленина. Алексей Иванович (мой дед) и Сергей Иванович владели пивоваренным заводом и мельницей. Егор Иванович имел магазин и занимался реализацией продукции. Мой отец, Александр Алексеевич, окончил реальное училище и экономические курсы. Моя мать, Ольга Владимировна, была учительницей в сельской школе. В конце 1920-х гг. к нам в дом стали приходить с обысками. Мы, дети, все это неоднократно видели. Поражала грубость обращения. Отец спросил своего бывшего одноклассника, крупного профсоюзного деятеля, почему власти повторно приходят с обысками, что им нужно? Тот ответил: «За фамилию страдаете. Уезжайте из Сарапула». Семья переехала сначала в Боровичи, а к 1933 г. – в Ленинград. В школе я учился очень хорошо, был отличником, любил читать. Перед войной ввели плату за обучение, а семья нуждалась. Отец пошел к заведующему РАЙОНО (районный отдел народного образования) с просьбой перенести срок оплаты; тот сказал: «Пусть идет в школу рабочей молодежи». Помогла Анна Павловна, мой классный руководитель – необыкновенно чуткий педагог. Она внесла свои деньги за мое обучение.

В сентябре 1941 г. я был мобилизован на окопные работы. Окопы рыли в основном женщины и белобилетники – мужчины, по разным причинам не призванные в армию. Я был белобилетник по зрению. Немцы были очень близко. И вот однажды раздалось: «Последний поезд идет в Питер!», и все бросились к этому поезду. Я прибежал, вижу: вагоны – битком, на поднож-

2 С полным текстом можно ознакомиться в статье Алексей Александрович Бодалев – о блокаде Ленинграда, о своей молодости и профессиональном выборе [Текст] / А. А. Бодалев; О. Г. Носкова // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 2015. № 1. С. 138–144. ISSN 0137–0936

ках, на буферах между вагонами – люди, люди, люди, негде втиснуться. И тут я увидел болт, он торчал снизу вагона, и я представил себе, что если встану на него ногой, а руками возьмусь за раму открытого окна, я смогу уехать. Я вскочил на него (на этот болт), но когда поезд тронулся, нога соскользнула с опоры, и я повис, держась за раму. Меня схватили за руки люди изнутри вагона, и так я доехал до Ленинграда и не попал в руки немцев.

В октябре, когда немцы начали забрасывать город зажигательными бомбами («зажигалками»), инструктор Приморского райкома Анна Петровна Николаева рекомендовала меня и таких же парней-белобилетников в ведомственную пожарную охрану 11-го хлебозавода. Это была не хлебопекарня, это громадный завод-автомат. Он мог выпекать (если работал на полную мощность) более 200 тонн хлеба в день. Но, должен подчеркнуть, что началось голодное время, «дорога жизни» через Ладожское озеро еще не работала. Для того чтобы снабжать население пайком так называемого «хлеба», сделанного из отрубей, целлюлозы, жмыха (рабочим полагалось 250 г в день, иждивенцам и служащим – 125 г), хватало продукции такого же завода-автомата, располагавшегося на Кушелевке, а наш завод встал, и его работники так же умирали от голода, как и другие питерцы. К тому моменту фашисты уже сожгли Бадаевские склады и пытались уничтожить хлебозаводы с помощью «зажигалок» и фугасных бомб, сбрасываемых с самолетов. Однажды в нашу казарму что-то ухнуло, пробило крышу, потолок, бетонный пол и ушло в песок. Ребята это место окружили, вызвали саперов. А я прошел через ограждение, руками разгреб песок, вытащил неразорвавшийся снаряд и принес его своему начальнику. Можете себе представить его реакцию... Ведь снаряд мог взорваться в любой момент. Позже, когда саперы забрали этот снаряд, начальник пожарной команды еще раз выругал меня, а потом сказал очень теплые, добрые слова. И вот судьба этого человека – Ивана Андреевича Гордеева, бывшего брандмайора в Нижнем Новгороде. В очередной налет немецких бомбардировщиков мы с ним вышли и смотрим из-под козырька казармы, как наши зенитки берут «в вилку» немецкий самолет. И вдруг что-то шлепнулось рядом, и Иван Андреевич начал оседать. Оказывается, головка нашего зенитного снаряда, ударившись об асфальт, срикошетила ему под сердце, так он погиб. А меня назначили временно испол-

няющим обязанности начальника пожарной команды. Мы не только бесконечно тушили «зажигалки» и пожары после взрывов бомб, но и ломали на топливо деревянные дома в пригородах Ленинграда; когда весной пошла корюшка на нерест в реку Неву, из нас была создана рыболовная бригада. Спать приходилось мало.

И вот наступила весна 1942 г. Всю зиму не работал водопровод, не было электричества, не работала канализация. Конечно, никакого парового отопления не было; в квартирах лежали умершие от голода люди. Нас, пожарных, объединили с батальонами МПВО (местной противовоздушной обороны). Я был назначен начальником штаба МПВО, в моем подчинении были санитары, химики, пожарные. Наша задача состояла в том, чтобы вынести из квартир тела умерших и очистить лестничные клетки домов от замерзших нечистот, иначе могли развиваться эпидемии. Мы с помощью живых жителей домов выносили трупы, грузили в машины и отвозили на кладбища, где были вырыты рвы под братские могилы, – на Пескаревское, на Серафимовское, на Волковское. За время блокады умерло от голода свыше 800 тысяч ленинградцев.

Но я что хочу сказать? Вдохновителем ленинградцев в трудную зиму 1941–1942 гг. был не Андрей Александрович Жданов – первый секретарь горкома и обкома партии, а Алексей Александрович Кузнецов – второй секретарь. И, когда мы занимались этой своей работой, вдруг к нам подъезжает машина, из нее выходит А.А. Кузнецов, без всякой охраны, и говорит нам несколько неказенных слов благодарности. И так, видимо, он объезжал весь город. Почему я его вспомнил? В 1943 г. была учреждена медаль «За оборону Ленинграда» и я оказался в числе первых, награжденных этой медалью за номером 250. И я получил ее из рук А.А. Кузнецова. А потом, когда блокада была снята, А.А. Кузнецова сделали секретарем большого ЦК. Но было организовано «Ленинградское дело», и практически все руководители блокадного Ленинграда были расстреляны, в том числе и А.А. Кузнецов – замечательный по своим нравственным качествам человек.

Ну, что еще сказать? Отец мой умер от голода 13 декабря 1941 г. Я был на дежурстве. Пришел старший брат, Орест, и сказал, что отец умирает. Я пошел домой. Жили мы тогда в доме барачного типа, где стены промерзали. Отец работал на стройке, семья (кроме меня и отца – старший брат, младший братишка, сестренка, мама) занимала одну комнатенку, топили буржуйку. Когда

я пришел, отец уже умер. Отодрали от забора доски, я сколотил гроб. И мы со старшим братом (он служил в Управлении начальника оборонных работ, а до этого окончил с отличием 3 курса в Академии художеств по архитектурной специальности, он талантливый был человек) и мамой отвезли отца во Владимирский собор, отпели (мать и отец были очень верующими людьми). А потом напрямик через все ответвления Невы и Невки, по протоптанной дорожке на саночках отвезли его на кладбище и похоронили, как положено, по-настоящему.

Поздней осенью 1943 г., когда готовился окончательный разгром немцев под Ленинградом, всех белобилетников начали пропускать через военную гарнизонную комиссию; меня не взяли в армию из-за близорукости в 7 диоптрий, а старшего брата, у которого тоже была сильная близорукость, но чуть меньше, все-таки взяли (видимо, решили, что для одной семьи два белобилетника по близорукости – многовато). 22 января 1944 г. пешей колонной их повели в сторону Пулковских высот, а через неделю брат пропал без вести. И только недавно в Интернете появилось сообщение о погибших при прорыве блокады Ленинграда, и в этих списках – Бодалев Орест Александрович, убит 30 января 1944 г., д. Заозерье.

Как я стал психологом

Мой отец очень хотел, чтобы я стал инженером-кораблестроителем. Но я насмотрелся, какие трансформации происходят в страшное блокадное время с душами людей, и ориентировка на будущее у меня резко изменилась. Мне захотелось понять, почему люди по нутру своему так отличаются друг от друга. Например, я знал ленинградцев, которые предполагали, что могут умереть от голода, но свои последние ценности сдавали в фонд обороны города. Также мне был известен случай, когда татарин Максудов, малограмотный человек, умер от голода, охраняя мешки с мукой. А завуч школы, преподававший у нас очень неинтересно географию, и одновременно секретарь партийной ячейки в нашей школе, назначенный в войну комиссаром госпиталя на Суворовском проспекте, вступил в сговор с главным снабженцем и поваром этого госпиталя. Они воровали пайки у раненых бойцов (их всех троих расстреляли). Еще пример: когда началась блокада, мой дальний родственник привез из пригородного совхоза, где он работал главным бухгалтером, сколько-то там картошки,

капусты, моркови и безвозмездно раздавал все это соседям по коммунальной квартире. Потом он сам и его старший сын умерли от голода. А его младший брат, тоже сделавший какие-то запасы (муки, крупы), все ел сам, а жене и двухлетней дочке не давал ни крошки. Его жена умерла, девочку взяли в специальный приемник, где выхаживали детей-дистрофиков. А он после войны снова женился, купил катер и катался на нем по Финскому заливу и Ладожскому озеру. И вот... запала идея узнать, почему так происходит? Позже, читая работы американского психолога А. Маслоу, я понял, что он в своей теории мотивации был не прав, когда утверждал, что высшие потребности у человека просыпаются только тогда, когда удовлетворены низшие потребности. И это подтверждают те примеры бесребренников, которые жертвовали в фонд обороны, или вот пример Максудова.

О психологии я не знал ничего. Перед войной кончил 9 классов. Во время войны доучивался в школе рабочей молодежи и думал, что пойду либо на юридический факультет, либо на филологический, либо стану врачом-психиатром, и тогда получу ответ на волнующие меня вопросы. Но однажды иду по Литейному проспекту и во дворце Юсуповых, где был расположен главный лекторий города, вижу афишу: «Профессор Ананьев прочтет цикл из 10 лекций по психологии». Я купил абонемент. Борис Герасимович Ананьев был блестящим лектором, его лекции приходили слушать и экономисты, и юристы, и филологи, набивалось всегда полным-полно народа. В своих лекциях он так увлеченно ставил психологические проблемы и так ярко, образно их разрешал, что я понял, что психология – это мое. И я подал заявление на психологическое отделение философского факультета. На очном отделении я учиться не мог, потому что братишка маленький и сестренка... надо было помогать. Общую психологию нам читал Григорий Соломонович Рогинский, прямой ученик Владимира Александровича Вагнера. Поведение обезьян мы наблюдали (это уже в 1946–1947 гг.) в Сухуми в обезьяньем питомнике; после окончания 2-го курса заочного отделения нам доверяли проводить там экскурсии. Первая моя печатная работа была об обезьянах. Потом я перевелся на дневное отделение и слушал лекции Б.Г. Ананьева. Было нелегко дотянуться до уровня студентов дневного отделения и были трудности с немецким языком, но я был заинтересован в повышенной стипендии, приходилось соответствовать.



А.А. Бодалев – молодые годы

Как-то представительница ГОРОНО (городской отдел народного образования) попросила Б.Г. Ананьева порекомендовать кого-то из студентов для преподавания в школе логики и психологии. Он порекомендовал меня, и мне нужен был приработок. Школы были отдельные для мальчиков и для девочек. Я преподавал логику и психологию в мужской школе № 207; курсовые работы выполнял на материале школьных занятий. Борис Федорович Ломов – основатель института психологии РАН и мой большой друг, начинал так же.

Августа Альбертовна Прессман, преподаватель и сотрудница Б.Г. Ананьева, приводила студентов-психологов на мои уроки логики и психологии, после уроков устраивала разборы, в том числе говорила и о моих ошибках. Я до того влюбился в эту работу, что взял на себя еще и классное руководство. Я решил, что для классного руководителя очень важно способствовать тому, чтобы мальчишки более строго относились к выбору жизненного пути. Для этого я начал привлекать родителей своих учеников.

К чему я веду все это? Я очень хорошо учился, много работал, состоял в студенческом научном обществе, был командиром студенческих строительных отрядов. Мы с Б.Ф. Ломовым были в одной плотницкой бригаде на строительстве Шувальгинской ГЭС.

Моя дипломная работа «Как надо давать логику и психологию в старших классах школы, чтобы воспитательный эффект был выше» понравилась Б.Г. Ананьеву, и меня, беспартийного, не комсомольца рекомендовали в аспирантуру!

Окончив аспирантуру и досрочно защитив кандидатскую диссертацию, я получил направление на работу в г. Даугавпилс. Тогда логику и психологию убрали из школы. Появились школы-интернаты. В одном из таких интернатов я стал отвечать за воспитательную работу, обеспечивал контакты с родителями детей. Владимир Николаевич Мясищев приезжал в наш интернат и устраивал встречи педагогов и аспирантов – своеобразные «консилиумы». Он очень хорошо разбирался в каждом отдельном человеке. Видимо, я пришелся ему по душе, и он пошел к ректору ЛГУ и переиграл мое распределение. Так я остался в Ленинграде.

После ряда выступлений на собраниях Академии педагогических наук я, видимо, запомнился ее Президенту, академику Всеволоду Николаевичу Столетову. Он пригласил меня в 1976 г. на должность и.о. академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии АПН СССР, позже я был избран официально на эту должность и с тех пор живу в Москве.

О своих учителях

Владимир Николаевич Мясищев³

Владимира Николаевича Мясищева я впервые увидел и услышал в начале 1945 г., когда он в Центральной лектории Ленинграда выступал с лекцией о психологии индивидуальных различий. Поскольку, примерно за три месяца до этого, в этом же лектории я прослушал цикл лекций Б.Г. Ананьева, который, я не преувеличиваю, поразил меня широчайшей эрудицией в области человекознания и непередаваемо содержательно убедительным раскрытием сложности психического мира человека и четким формулированием задач, которые надо еще решить, чтобы познать этот мир во всей его глубине и многогранности, лекция В.Н. Мясищева показалась мне, заканчивающему тогда 10-й класс школы рабочей молодежи и уже

3 В статье приводятся фрагменты из ее рукописи, написанной самим А.А. Бодалевым. С полным текстом статьи можно ознакомиться Бодалев А.А. В.Н. Мясищев и мое становление как психолога и человека. / Мир психологии. 2005. № 3 (43). С. 155–160.

решившему идти учиться на психологическое отделение Ленинградского университета, очень заурядной.

Спустя четыре года я, будучи студентом 4-го курса названного выше отделения, прослушал лекционный курс Владимира Николаевича по патопсихологии, а в первом семестре 5-го курса – его лекции по дифференциальной психологии. И очень быстро я понял тогда, что сила и талант Владимира Николаевича Мясичева и как ученого, и как педагога – в его постоянно проявляющемся глубочайшем интересе не к психологии вообще, а к каждому отдельному человеку, неважно кто он: ребенок или старик, мужчина

или женщина, дворник или министр, русский или казах, атеист или религиозный фанатик, психологически полноценный или невротик.

В это же время Владимир Николаевич впервые обратил внимание на меня. Видимо, куратор нашего курса Августа Адельбертовна Пресман сказала ему, что я параллельно с учением на дневном психологическом отделении университета преподаю психологию и логику в старших классах 207-ой мужской школы Ленинграда и являюсь классным руководителем в одном из классов. Он в очень мягкой форме спросил меня тогда, что мне удастся, что вызывает трудности в этой работе, и как я пытаюсь их преодолевать.

Владимир Николаевич, одобряя мои попытки анализировать отношения на взаимоотношениях учащихся между собой и с учителями, давал мне несколько советов, как эти отношения более точно анализировать и оценивать, очень настойчиво порекомендовал мне вести дневник, в котором надо было записывать все мои драмы и неудачи, конфликты у меня были в расписании дня и в работе с классом в целом и с отдельными учениками, и обязательно анализировать происшедшее, так сказать, психологическую историю, самому себе категорически объясняя характер допущенных мною ошибок в педагогической интерпретации возникающих в расписании дня ситуаций. В которых я участвовал и как учитель, и как классный руководитель, и затем преискусствовать в более совершенное поведение в подобных ситуациях, если они возникнут в будущем.

В декабре 1953 года я завершил свое учение в аспирантуре, защитив кандидатскую диссертацию «Формирование требовательности к себе у старшего школьника» (моим научным руководителем был А.Г. Ковалев). Через несколько дней я был вызван в отдел аспирантуры университета, и мне было вручено направление на работу в пединститут города Даугавпилса. Заведовавший тогда кафедрой психологии в Ленинградском университете на условиях совместительства (основной его работой тогда было руководство Психоневрологическим институтом им. В.М. Бехтерева) Владимир Николаевич, прознав, что я должен уехать в Латвию, добился, чтобы я был оставлен ассистентом на ставшей родной мне кафедре.

Моя память подсказывает еще одно судьбоносное для меня событие, прямое отношение к которому тоже имел В.Н. Мясичев. Дело в том, что в 1958 г. вышло правительственное постановление, запрещающее совместительство, и я оказался в положении буриданова осла: с одной стороны, меня по-прежнему властно влекла к себе работа в школе, с другой – не менее интересной казалась работа на кафедре, где постоянно шли умело направляемые В.Н. Мясичевым дискуссии о путях решения различных психологических проблем, о дальнейшем развитии психологической науки, а также обсуждались конкретные разработки и полученные в них результаты.

Из школьного коллектива, в котором у меня сложились хорошие отношения, меня отпускать не

хотели и предложили должность завуча старших классов. Я пришел за советом к В.Н. Мясищеву, и тогда он, единственный раз за все время наших с ним отношений, в разговоре со мной повысил голос и сказал: «Не совершайте глупость, напишите и защитите докторскую диссертацию и тогда возвращайтесь в школу».

Я тогда последовал его совету и ушел из школы, а В.Н. Мясищев сделал меня своим заместителем по делам кафедры.

Но в это время на основе очередного правительственного постановления по всей стране стала создаваться сеть школ-интернатов с целью обучения и воспитания детей, потерявших родителей, и детей из неблагополучных семей. И среди этих учебно-воспитательных учреждений в Ленинграде на острове Декабристов был создан самый большой в Российской Федерации интернат. Кафедра, на которой я работал в ЛГУ, была официально прикреплена к этому интернату. Владимир Николаевич поручил мне планировать и курировать всю деятельность преподавате-

лей, аспирантов и студентов-психологов в этом интернате.

И сейчас, всесторонне оценивая проделанную тогда сотрудниками кафедры работу, ничего не преувеличивая, можно утверждать, что она оказалась прообразом нынешней психологической службы в школе.

В интернате была заведена практика защиты на совместных заседаниях педсовета школы и сотрудников кафедры результатов изучения аспирантами и студентами конкретных учащихся.

Вел эти заседания всегда сам Владимир Николаевич, умевший создать по ходу их творческую обстановку, напоминавшую «мозговой штурм».

Но были случаи, когда Владимир Николаевич при прослеживании и осмыслении процесса становления определенных типов личности со всеми их достоинствами и недостатками делал явным для всех несоответствие между степенью воспитанности и возможностями учащихся интерната.

Но только это сказанное Владимир Николаевич в подобных случаях никогда не ограничивалось. По-новому анализируя, оценивая и обобщая услышанные факты, интуитивно воссоздавая недостающие звенья в их цепи, он выстраивал свою версию развития личности обсуждавшихся на заседании учащихся и, отталкиваясь от нее, еще и снова в свойственной ему легкой манере давал советы, как в воспитательном отношении результативнее работать с этими учащимися. И эти психологические проникновения он при осуществлении прямого контакта с детьми всегда подтверждались, и был действительно успех, сам его совет, преобразившись на практике при взаимодействии педагогов с детьми, о которых здесь идет речь.

С возвращением на кафедру в качестве заведующего Б.Г. Ананьева, заинтересованного в продолжение комплексного изучения человека, начало которому было положено в годы его дирек-

торства в Ленинградском институте педагогики на контингенте учащихся обычных школ и школ взрослых и продолжено на студентах-психологах, шефская работа в интернате была свернута.

Следующее знаменитое событие Владимира Николаевича М.я. связано с моей судьбой и как человека, и как ученого произошло в конце декабря 1965 года на защите моей докторской диссертации „Воспитание личности человека человеком“.

Участвуя в дискуссии по поводу результатов, содержащихся в диссертации, и одобрив их, Владимир Николаевич в первый раз тогда в психологической аудитории озвучил оказавшееся очень важным для дальнейшей моей работы положение: познание человека человеком в повседневной жизни – это компонент общения, и дальше надо изучать, как этот познавательный компонент в реальных актах общения различных людей в нормальных и экстремальных для них ситуациях, в их деятельности оказывается связанным с эмоционально-отношенческим и поведенческим компонентами (последний он тогда обозначил как обращение человека с человеком).

И с этого времени аспиранты и докторанты, которыми я руководил, стали изучать феноменологию, закономерности и механизмы общения, постоянно имея в виду познавательную, эмоционально-отношенческую и поведенческую составляющие структуры названного выше взаимодействия людей, принадлежащих к разным возрастным, половым, этническим и профессиональным группам.

И еще раз Владимир Николаевич Мясичев оказал мне мощную поддержку, когда я делал свои первые шаги как декан психологического факультета, на пост которого я был избран после кончины Б.Г. Ананьева в мае 1972 г. Не всем моим сверстникам докторам и кандидатам наук было понятно, почему в деканы был выдвинут именно я, не являющийся членом КПСС. И у меня стали возникать напряженные отношения с некоторыми из моих тогдашних коллег. Владимир Николаевич не раз советовал мне, как предотвращать такие ситуации, а если они все-таки возникали, сохраняя человеческое достоинство, не давать воли своим эмоциям.

Сейчас, когда я сам перешагнул тот возрастной рубеж, когда Владимир Николаевич ушел из жизни (это случилось в октябре 1973 г.), память постоянно возвращает меня к тем людям, которые наиболее благотворно повлияли на мою человеческую судьбу и на становление меня как профессионала. И одним из таких людей был, как видно из всего сказанного выше, Владимир Николаевич.

Владимир Николаевич Мясичев, воплощал в себе духовность в самом Анском значении этого слова. Критицизм ему человечность и добротность не были чуждыми его натуре, проявляющимися по отношению лишь к избранным. Их ощущал буквально каждый человек с которым он общался. И, наверное, если люди даже не знали значений слов Анриэтта Экзюпер, это самая большая роскошь роскошь человеческого общения, они, обратившие внимание Владимира Николаевича, всегда думали ^{ради} как друг великий ученый и патриот своей страны. Из общения Владимира Николаевича можно сказать даже больше: в его манере общения не было всегда субъективизма и эгоизма и оговорок поправки на индивидуальное своеобразие другого человека, но с ним, как правило, оказывалось резко сокращенным его суждение каждого человека сравнимо себе генеральному, истинному, по существу или реальному деянию.

Борис Герасимович Ананьев⁴

Уважаемый Игорь Павлович!

Прошу Вас опубликовать это мое письмо, потому что после 62 лет моего труда в психологии мне непонятно, почему уважаемая мною как человек и как ученый Н.А.Логинова, написавшая очень глубокую и продуктивно важную для дальнейшего развития психологической науки книгу, решила приложить к ней якобы «мои воспоминания о Б.Г.Ананьеве», которые в цитированной мною их части оглуляют меня как профессионала и в глазах моих коллег- сверстников и в мнении более молодых поколений психологов.

С самыми добрыми пожеланиями:

А.А.Бодалев

В текущем 2005 году опубликована книга бывшей аспирантки Б.Г.Ананьева, а в настоящее время доктора психологических наук, профессора Алмаатинского университета Натальи Анатольевны Логиновой: «Опыт человекознания – история комплексного подхода в психологических школах В.М.Бехтерева и Б.Г.Ананьева» (СПб.: Изд. СПбГУ, 2005, 346 с.). Эта, безусловно, очень своевременная книга, а главное, она не может быть оценена иначе, как фундаментальный труд, который благодаря громадной предшествующей работы автора, предварившей его написание, предельно аргументировано раскрывает логику и историю комплексного подхода в области психологического познания человека и его развития, вводит в научный оборот новые факты из истории многогранной деятельности В.М.Бехтерева и созданных им Психоневрологического института и Института мозга.

Всесторонне и содержательно убедительно в книге освещается история становления и развития психологической школы Б.Г.Ананьева, и с большой четкостью прослеживается и действительно аргументировано (в смысле отбора оснований для подтверждения) доказывається, что оригинальность и очевидная плодотворность психологического человекознания в школе Б.Г. Ананьева обусловлена антропологизмом его психологической теории, опрой на научное наследие В.М. Бехтерева.

Богат содержанием и убедителен своей кон-

кретностью, благодаря примененному автором книги научно-аналитического аппарата, и раздел, в котором освещается суть замысла данной монографии. Вниманию читателя предлагаются результаты комплексных исследований индивидуальности и ее развития, организованных Б.Г. Ананьевым в 1960–1970 гг. в на психологическом факультете и в стенах лабораторий НИИ КСИ ЛГУ, ныне СПб ГУ.

Вклад, внесенный Б.Г. Ананьевым и его учениками в комплексное человекознание, с которым знакомит читателя книга Н.А. Логиновой, никак нельзя оценивать лишь только с позиций истории психологии. Этот вклад основателя Ленинградской-Петербургской психологической школы фактически является познавательным ориентиром, маяком и программой для продолжения исследований человека во всей целостности его свойств, закономерностей развития в онтогенезе и социогенезе и выход на качественно новый уровень постижения природы человеческой психики. В книге Н.А. Логиновой психика и психология анализируется в неразрывной связи с индивидуальными, личностными и субъектными характеристиками человека на протяжении всего длинника его жизни. Такова моя непредвзятая оценка основной части, повторяю, фундаментального труда Н.А. Логиновой.

Но при чтении данного труда меня удивило помещение в конце книги якобы моих, написанных мною в 1980 году, но почему-то до сего времени не опубликованных воспоминаний о Б.Г. Ананьеве, а главное, в тексте меня удивила фраза, приписанная мне: «И особенно блестяще неповторимо талант организатора творческого настроения у Бориса Герасимовича проявился в последние годы его жизни, когда он, увлеченный созданием целостной теории человека, организовал на факультете психологии ЛГУ многокомпонентное, комплексное его исследование, синтезировавшее философский, психологический, анатомический аспекты его изучения» (подчеркнуто мною – А.Б.).

Должен сказать, что датируемых 1980 годом неопубликованных воспоминаний о Б.Г. Ананьеве у меня не было. Должен сказать, что в вышеприведенном отрывке якобы моих воспоминаний примитивно обсуженно содержательное наполнение комплексного подхода к изучению человека Б.Г.Ананьевым, таким я никогда себе его не представлял. О моем действительном понимании сути Ананьевского комплексного подхода к изучению человека

⁴ Ответ на статью Бодалев А.А. Б.Г. Ананьев – судьбоносный для меня человек. /Вестник Балтийской педагогической академии, вып. 63, Санкт-Петербург, 2005.

и составляющих его элементов можно прочесть во Введении в 2-х-томнике: «Избранные психологические труды Б.Г. Ананьева», «пробитых» мною в печать и вышедших в свет в издательстве «Педагогика» в 1980 году, когда я был академиком-секретарем отделения психологии и возрастной физиологии АПН СССР.

Кроме того, приписываемое мне Н.А. Логиновой примитивное понимание комплексного подхода, творчески разработанного и практически примененного Б.Г. Ананьевым и его учениками, исключается и фактами моей официальной информации о сути и результатах осуществлявшихся Ананьевской научной группой изучения человека на Президиуме АПН СССР, поскольку после кончины Б.Г. Ананьева в мае 1972 года, став деканом факультета психологии ЛГУ и и. о. заведующего лаборатории антропологии и дифференциальной психологии НИИКСИ (эти посты до своей кончины занимал Б.Г. Ананьев), до весны 1976 года я вызывался в Москву на заседания Президиума АПН СССР, так как проблема, над которой работал Ананьевский исследовательский коллектив, как и еще ряд тем, выполнявшимися тогда учеными факультета психологии ЛГУ, стояла в плане наиболее важных научных тем, выполнявшимися учеными академии в те годы.

Естественно, перед каждой такой поездкой и выступлением на Президиуме АПН я многократно вникал в содержательное наполнение понятия «комплексного подхода» Б.Г. Ананьевым, в технологию его применения при изучении процесса целостного развития человека и его психики, и в особенности применения качественно-количественного инструментария при обобщении экспериментальных данных, характеризующих человека как индивида, личность, субъекта и как индивидуальность.

К сказанному хотел бы добавить, что в 1980 году, которым Н.А. Логинова датирует написание мною неопубликованной рукописи воспоминаний о Б.Г. Ананьеве, я, как декан факультета психологии, но уже МГУ им. М.В. Ломоносова, и заведующий кафедрой общей психологии этого факультета читал студентам-первокурсникам лекцию «Введение в психологию», где рассказывал им о принципиально новаторском понимании психики и ее сложнейшей природно-социальной ее детерминации, т.е. содержательно развивал идеи, с которым выступал Б.Г. Ананьев в 60-е годы в ЛГУ.

Раскрывая существо вклада Б.Г. Ананьева в решении этих важнейших проблем не только психологии, но и всего человекознания, я последовательно использовал (и сейчас продолжаю использовать, как ученый и как педагог, прежде всего его основополагающие труды (См.: Б.Г. Ананьев: «Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки // Вестник Ленинградского университета. Серия Экономика. Философия. Право. 1962. Вып. 4, № 23; «Человек как предмет познания». Л.: Изд. ЛГУ, 1969. «Комплексное изучение человека и психологическая диагностика // Вопросы психологии. 1969. № 6; «Педагогическая антропология» К.Д. Ушинского и ее современное значение» // Вопросы психологии. 1969. № 2.; «Комплексное изучение связей между различными характеристиками человека // Человек и общество. Л., 1971, Вып. УИИ.; «Проблемы комплексного изучения развития интеллекта и личности // Человек и общество. Л., 1973. Вып. УИИ, и др.).

Из воспоминаний современников

Разумный В.А.⁵

Алексей Александрович Бодалев

МАГИЯ ОБЩЕНИЯ

В сумрачные предзакатные часы, когда по многолетней привычке завершаю литературную работу, еще и еще раз обдумываю сделанное и задуманное. Не скрою – в полудремоте от усталости зачастую охватывает отчаяние, ибо невысказанного о тех, с кем мне

5 **Разумный Владимир Александрович** – философ, публицист, педагог, критик. Доктор философских наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, Международной академии информатизации, Академии профессионального образования и Международной педагогической академии. Член Союза театральных деятелей Российской Федерации, Союза кинематографистов России, член Российского философского общества. С полным текстом можно ознакомиться <http://www.gazumny.ru/bodalev> художественного воспитания детей, объединявшем на педагогическом поприще лучшие творческие силы России? А как можно не рассказать о продолжавшихся многие десятилетия встречах с такими корифеями нашей педагогической науки, как Ф.Ф. Королев, А.М. Арсеньев, Н.К. Гончаров, А. В. Запорожец? Или же о психологах с мировым именем, таких как А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, С.С. Смирнов?

посчастливилось встретиться на жизненном пути, на порядок больше, чем высказанного и написанного.

Разве можно, например, предать забвению юношеские впечатления о встречах на квартире отца с таким удивительным педагогом и мыслителем как Иван Андреевич Каиров, словарь которого мне посчастливилось издавать через многие десятилетия уже в бытность директором издательства “Педагогика”? Или же о всегда подчеркнуто-теплом отношении ко мне выдающегося русского дидакта Л.В. Занкова, озадачивавшем его сотрудников, которые не могли и предположить, что он в молодые годы работал с моей мамой в удивительном учреждении, всегда называвшемся Цедэходом, а точнее – в Центральном Доме

Из дымки воспоминаний неожиданно выкристаллизовывается образ и имя ученого, знакомством с которым и добрым отношением которого ко мне бесконечно дорожу. Это – один из лидеров подлинной психологической науки Алексей Александрович Бодалев. Осознав внутренний эмоциональный позыв, установку на тему нового эссе, невольно сдержал себя, ибо далеко не каждый создатель научных трудов и живущий в мире книг исследователь открывается в благодарных для рассказа драматических коллизиях. Еще и еще раз перечитал фундаментальные, общеизвестные труды Алексея Александровича, такие как “Восприятие человека человеком”, “Формирование понятия о человеке как личности”, “Личность и общение”, “Психология общения” – и смог лишь в очередной раз удивиться многоплановости интересов ученого, который вопреки всем объективным трудностям и непомерной административной работе в течение десятилетий, от заведующего кафедрами, от декана психологических факультетов в Ленинградском и Московском университетах до вице-президента Академии педагогических наук СССР сохранил и приумножил данный ему от Бога творческий потенциал. Удивиться, но не заразиться непреодолимым желанием сказать нечто свое о феномене Бодалева, избегая теоретического комментирования его общеизвестных трудов. Подобными комментариями судьба его не обделила как общепризнанного создателя одной из школ в мировой психологии.

Помог, как всегда, всесильный случай. Перебирая архив, перечитал одно из писем Алексея Александровича, вроде бы – обычное

традиционное новогоднее поздравление. Но попытаемся вслушаться в его подтекст, без которого нам не будет понятен А.А. Бодалев как Гражданин нашей запутавшейся в противоречиях цивилизации.

Он писал: *“Глубокоуважаемый Владимир Александрович! Поздравляю Вас и всех, кто дорог Вашему сердцу, с Новым годом и с Рождеством. Желаю всем доброго здоровья, а Вам обязательно успешного продолжения, я знаю, мучительно непростого поиска путей ухода от неисправимо трагического по своим последствиям для планеты, для человечества и, разумеется, для нашей России сценария, который иезуитски искусно не только пишется, но и повседневно разыгрывается всякими и разными властью имущими. Свою задачу в 2004 году я вижу в том, чтобы отстраниться, наконец, от мелочевки и всерьез врубиться в тему великих и выдающихся, потому что, я продолжаю так считать, – это один из ориентиров для воспитания молодежи.*

Еще раз с самыми добрыми пожеланиями.
А. Бодалев.

В простых и деликатных словах мыслителя, который сопереживает все, что происходит окрест, мне было необычайно важно признание того, что зло провоцирует в мире некая неопределенная сила, но конкретные йеху- бестиарии, реальные владыки нынешней цивилизации, осознавшие в итоге исторического процесса необходимость перехода к скоординированным действиям против всех сил социального прогресса. “Великие и выдающиеся”, о которых так блистательно стал писать А.А. Бодалев в новых трудах – не только светочи человечества и выявление его нормальной природы, но и немеркнущие маяки на пути нарастающей во вселенском масштабе борьбы с разворачивающимся ныне социальным злом на нашем “шарике”. А зло это переживает выдающийся ученый не как нечто абстрактное, вне его интересов находящееся, но как беду сугубо личную, как драматизм индивидуального бытия, о чем свидетельствуют его другие, полные душевной боли письма ко мне.

Впрочем, осознание творческого тупика не покидало меня и после отработки образ-схемы будущего портрета мыслителя, с которым в течение многих десятилетий меня сближала судьба. Не помогали даже автобиографические высказывания А.А. Бодалева, в которых

он с неизбывной болью рассказывает горькую правду о закрытии в конце шестидесятых годов в Ленинградском университете его исследований по проблеме познания людьми друг друга как “малозначимой в научном отношении и бесполезной в практическом плане”, о ликвидации его талантливого научного коллектива. Вслушайтесь, на какой высокой трагической ноте звучат его слова о происшедшем и его последствиях, когда он по логике судьбы стал “околонаучным администратором”: “После этого, вплоть до 1989 г. научными исследованиями я занимался в выходные дни, во время болезни, в летние отпускные месяцы. И хотя у меня четыреста печатных работ, 134 аспиранта успешно защитили кандидатские диссертации и 27 учеников – докторские, тем не менее, подлинной удовлетворенности от сделанного лично мною в науке после защиты докторской диссертации у меня нет”.

Вот здесь-то и оказался тайник, ведущий к созданию эссе о моем Алексее Александровиче Бодалева, о том, каким я его воспринимаю и понимаю в общении, вне дежурной фразеологии об его отзывчивости и доброте. В общении, основанном на изнурительной работе по выпуску в течение пяти лет журнала “Мир образование – образование в мире”, весь штат которого состоит: из Главного редактора. В первый, начальный период его выпуска А.А. Бодалев всегда с математической точностью отдавал статьи в наш журнал, тем самым без патетических фраз оказывая моральную поддержку своим общенаучным авторитетом. А далее произошло то, что помогло мне увидеть его фигуру гражданина и исследователя в реальном масштабе и целостно.

Счастливой журналистской находкой и по сию пору считаю обращение редколлегии журнала к академикам, ветеранам Великой Отечественной войны с просьбой ознакомить читателя к шестидесятилетию Победы с новейшими теоретическими разработками, с их последними исследованиями. К удивлению, все те, к кому мы обратились, в предельно сжатые сроки прислали статьи, а также фотографии военных лет и современные фотографии. Несколько задержал статью Алексей Александрович Бодалев, убеждавший меня (что, впрочем, делают и авторы многих статей о нем), что его заслуга лишь в том, что он “мальчишкой пережил блокаду Ленинграда”. Мне же из других источников было известно, что он имеет удостоверение участника Великой

Отечественной войны, которое выдается отнюдь не всем, пережившим лихую годину войны! И лишь затем, после журналистского натиска, он рассказал о том, как боролся с зажигательными бомбами немцев в системе войск противовоздушной обороны. И не только рассказал, но и прислал редкую фотографию тех лет, которая и была напечатана в юбилейном номере журнала.

Но даже в рассказе о блокадном Ленинграде ученый остался верным себе как предельно скромный человек, несколько раз оговаривая, что потушил он всего две зажигалки. Да, но это лишь один эпизод из его блокадной эпопеи! Он вспоминает в письме ко мне: “..До седьмого пота, пока действовал водопровод, участвовал в тушении пожаров и, главное, в высвобождении без всякой техники, если не относить к ней ломы, ваги и лопаты, от рухнувших от разрывов бомб верхних этажей домов проходов в первые этажи и в примитивные бомбоубежища – подвалы, где могли оказаться люди: В преддверии весны 1942 года, чтобы избежать эпидемий, вместе с другими пожарными и бойцами местной противовоздушной обороны (в большинстве это были девушки) выносил из квартир умерших от голода земляков (от голода, по одним данным, погибли 500 000 ленинградцев, по другим – 800 000!) и (в дополнение к этой тяжелой для души миссии) в одном микрорайоне Петроградской стороны был ответственным за уборку и вывоз нечистот из подъездов и лестниц домов (всю первую блокадную зиму эту работу никто не осуществлял)”. Именно тогда, под вой сирен и непрерывный гул зенитных батарей сформировался мужественный ученый-гражданин Алексей Александрович Бодалев с его неукротимым характером и состраданием к судьбам человечества, близких и далеких людей, сформировался как глыба гранита – раз и навсегда.

Не всегда разговор с ним на эту тему оказывается веселым, но всегда – крайне поучительным, ибо, как мне кажется, подобно пахарю из сказки он нашел свою целину, увидел в обычном – необычное, в нормальной для человека старости ту психологическую проблему, разработкой которой он, безусловно, порадует всех нас как один из основоположников акмеологии. Подобный интеллектуальный сдвиг я предполагал тогда, когда он неожиданно исчезал и становился совершенно недоступным для всех журналистских притязаний. В этой

связи он писал мне: “Прятался я от контактов из-за большого беспорядка в собственной душе, с которым никак не могу сладить по многим причинам, главные из которых “идут” из теперешнего социума”.

Полагаю, что в данном случае важны не мои комментарии и оценки, но слова самого академика Алексея Александровича Бодалева, завершающие его образ.

Он сказал: “Я был еще совсем юнцом, когда в мой мальчишеский ум запала песенка:

*Кто на холм, ребята, вздумает зайти,
Надо холм, ребята, одолеть в пути.
Сталь мягка, ребята, коли горяча,
Надо бить, ребята, молотом с плеча.
Кто упал, ребята, встань и вновь иди.
Наш девиз, ребята, бейся, победи!*

Сейчас, когда мне идет уже девятый десяток, я невольно оглядываюсь назад и, оценивая все пережитое, думаю, что слова песенки, запавшей в мою душу, конечно, помогли

мне не сломаться ни физически, ни духовно. В критических точках всего длинника моего жизненного пути, которые чаще всего совпадали с трагедийными событиями, пережитыми моими соотечественниками – самой тяжелой в истории нашего народа войной и сознательным развалом Великого Советского Союза, содеянного его высокопоставленными лжегражданами.

Но главное, что позволяет мне утверждать, что жизнь я прожил не впустую – у меня, как и у большинства моих сограждан, всем советским бытием было сформировано убеждение, что смысл жизни – не в поклонении золотому тельцу, не в развитии потребительской психологии, а в постоянном творческом труде на благо родного Отечества, бескорыстном служении людям – и близким, и дальним, которое способствовало бы их физическому и духовному здоровью.

Жизненный финиш мой близок. Но я продолжаю в меру своих теперешних сил в поступках и деяниях не изменять этим ценностям”.

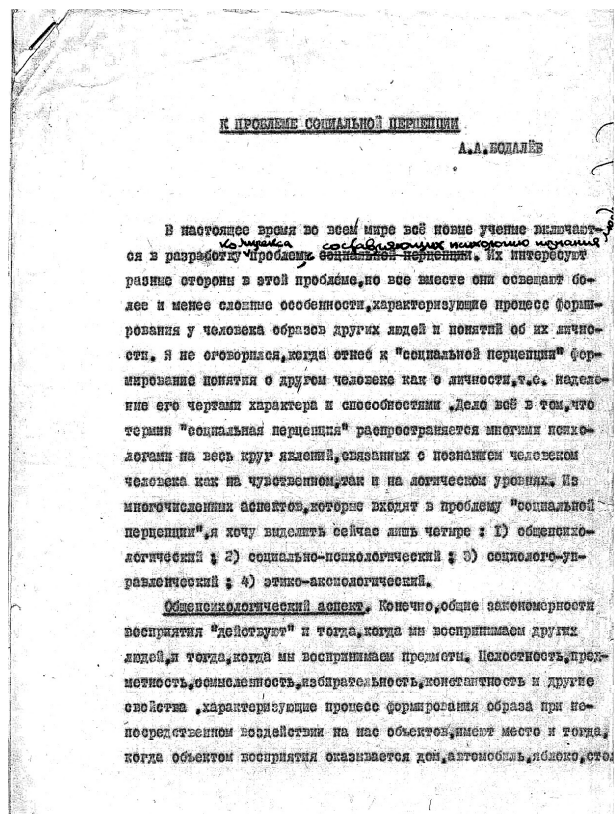
ГЛАВА 2. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ОБЩЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОЗНАНИЯ

Бодалев А.А.
К проблеме социальной перцепции⁶



Защита докторской диссертации (1965 г, Ленинград).

Выступает Алексей Александрович Бодалев,
слева – Борис Герасимович Ананьев



⁶ Черновой вариант одной из первых статей, посвященных проблемам социальной перцепции. Опубликовано в Сб. «Проблемы общей, возрастной, инженерной и социальной психологии». ЛГУ, 1970.

2.

и тогда, когда в качестве такового выступают наш начальник, наш учитель, наш ребенок.

Вместе с тем существует ряд оснований, который позволяет выделить процесс восприятия человека человеком в классе психических явлений, обозначаемых термином восприятие, в особый подкласс.

Основания эти – данные, которые, во-первых, дает нам общая психология (факты, полученные Э.Н.Алферовой и В.Н.Панферовым, А.М.Эмичевым говорят, например, о существовании значительных различий в порогах узнавания человеческого лица, с одной стороны, и прочих объектов, с другой). Это, во-вторых, данные, собранные генетической психологией – особенно психологией животных и психологией раннего детства – формирование образа другой особи у обезьян (А.Тих), становление образа другого человека у ребенка (Л.Венгер, А.А.Либманская, А.В.Ярмоленко и др.). Это, в-третьих, факты, относящиеся к восприятию изображения человека (В.Н.Панферов, Т.А.Реннина, Е.Р.Ряшко, А.С.Золотнякова и др.), свидетельствующие о наличии явных различий в формировании образа изображенного человека и изображенного предмета, в восприятии портрета, с одной стороны, пейзажа – с другой.

Важнейшая особенность восприятия человеком другого человека состоит, видимо, в том, что формирование образа в этом случае несравненно в более сильной степени, чем формирование образа предмета зависит от установок, отношений, ранее сложившихся эталонов, которыми "переполнен" человек, являющийся субъектом восприятия. И, кроме того, при формировании образа человека ситуация, в которой один человек сталкивается с другим, имеет несравненно

В.

большее значение, чем та же ситуация, когда человек взаимодействует с предметом.

Социально-психологический аспект.

В стенах лаборатории, в узких рамках лабораторного эксперимента, очень трудно создать условия, способствующие выявлению истинных особенностей феномена "социальная перцепция", потому что он всегда связан с ситуацией установления коммуникаций. В ситуации общения образ человека возникает, как правило, как результат коммуникации и он может и не иметь особого значения для преследуемых субъектом целей, но тем не менее он, этот образ, выполняет функцию регулятора общения.

Значение образа другого человека как регулятора общения в полной мере выявляется при оценке его роли в связи с той деятельностью, которой заняты, в которой участвуют общающиеся.

Экспериментальные данные убедительно показывают, что при взаимодействии определенных лиц в условиях деятельности происходит такая трансформация образов друг друга, возникающих у участников деятельности, которая прямо определяется ходом этой деятельности и ее результатами для каждого и их соответствием тем эталонам, которые имеются у каждого из общающихся. Таким образом, содержание образов других людей и регулятивное значение этих образов оказываются обусловливаемыми характером, ходом и результатами деятельности (промежуточными и окончательными). Образ другого человека связан с целью и характером коммуникаций, а сами эти коммуникации в свою очередь, зависят от характера, хода и результатов деятельности (данные Н.С. Федотовой, Р.А. Мак

4.

симовой, Ю.П. Степкина, Л.И. Полковникова).

В связи со всем этим нельзя пройти мимо исследований феномена "социальная перцепция", выполненных представителями так называемой "транзактной психологической школы". Э.Кентрилла, Ф.Кимпатрик и другие представители этого направления в психологической науке предельно убедительно показывают роль отношения, установки, предварительно сложившегося стереотипа в формировании образа восприятия другого человека.

Однако признавая важность и весомость этик полученных представителями транзактной школы в психологии фактов, все же нельзя не видеть, что Кентрилла, Кимпатрик и другие сосредоточили свое внимание на выяснение лишь одного фактора из всех тех, которые влияют на формирование у каждого из нас образов других людей. В то же время значение других факторов (например, таких как особенности, объективно присущие самому "оригиналу", как характер ситуации взаимодействия и связь ее с прогнозируемыми и достигаемыми участниками деятельности результатами) для содержания формирующихся у них образов друг друга осталось не выясненным.

Когда один человек воспринимает другого, то он обязательно этого другого воспринимает не только как человека определенного пола, возраста, но и непременно как личность, обладающую определенными качествами характера, эмоционально-динамическими, волевыми и интеллектуальными чертами. У воспринимающего, конечно, при этом актуализируются наборы оценочных стереотипов различного уровня (один больше судит "по одежде", другой по физической

5.

наружности, третий по тому и по другому, четвертый, исходя из того, какое, по его предположению, положение занимает воспринимаемый им человек, пятый предпочитает обращать внимание только на поступки и т.п.) и в результате — не одинаковая глубина проникновения в личность другого. При этом самый поверхностный уровень связан не только с тенденцией оценивать другого человека по особенностям оформления внешности или физической наружности, но и со статусом, ролью другого человека, которые заранее известны воспринимающему, или которые он сам, так сказать, по собственной инициативе приписывает воспринимаемому.

В этом случае обналичнее всего, наиболее грубо, наиболее явно "говорят свое слово" стереотипы, которые есть и которые срабатывают у того, кто воспринимает другого. Казалось бы, более высокий уровень проникновения в другого человека должен давать восприятие нами этого человека, опирающееся на знание истории становления его личности, на знание его прошлого, восприятие, преломленное через такое знание. В педагогической и психологической литературе, например, немало утверждений о значении такого знания для правильного прогнозирования поведения личности в тех или других обстоятельствах. И тем не менее и предсказания о возможностях какого-то человека, построенные на изучении его истории, нередко оказываются ошибочными. Определенно можно назвать несколько причин такой лишь по видимости "глубокой" оценки другой личности. И одной из них, мне хочется подчеркнуть это особо, является то, что мы имеем обыкновение, изучая человека, рассматривать его как открытую систему, но ведь к нему можно подходить и как к закрытой системе — индивид и личность; индивид, личность и индивидуальность. Постигая зависимость между

6.

этим системами, мы проникаем более глубоко в сущность ^{человека} в его групповых и индивидуальных модификациях. Знания, получаемые в результате такого проникновения, обуславливая каждое новое восприятие другого человека, делают это восприятие более точным, отражающим главные особенности воспринимаемого человека.

Уровни проникновения в другого человека – это показатели постижения его индивидуальности. Они зависят не только от нашего статуса, выполняемых ролей и шире – от сформированности каждого как субъекта труда, познания и общения. В них в конечном счете проявляются ценности и ориентации, которые характерны для человека, выступающего в роли субъекта познания других людей (об этом подробнее ниже). И, конечно, в них находят выражение и интеллектуальные возможности каждого.

Социолого-управленческий аспект.

Эта же проблема взаимовосприятия с разной глубиной проникновения в другого человека как в индивидуальность встает и в научной организации труда, при организации управления большими и малыми социальными ^{объектами}. Где управление бюрократизируется, там, конечно, никакой стойкой тенденции учитывать индивидуальность, доходить до нее, ^{как правильно, так и в подлинности} ^{и много единую коллективную} ^{работу} ^{проводится} ^{в коллективах} ^{вместе} ^{вместе} работа по оптимизации управления, там обязательно должны предприниматься последовательные попытки ^{улучшения} ^{индивидуальности}, опоры на нее, создания условий для проявления и развития её наиболее сильных и ценных сторон. Подлинно оптимальное управление людскими коллективами, отдельными людьми означает проведение такой линии в руководстве, которая исходит из гармоничного сочетания интересов общества и человека. И, видимо, было

7.

бы заблуждением представлять себе, что в основе построения взаимоотношений в обществе должен лежать лишь один иерархический принцип. Нет, везде и всюду в построение взаимоотношений должен внедряться принцип координации. В сущности, в утверждении "человек человеку друг, товарищ и брат" мы находим выражение именно этого принципа.

Этический, эстетический и аксиологический аспект проблемы

Анализируя формирование образов другого человека и понятий о его личности у окружающих его людей, необходимо иметь в виду и моральный, эстетический и аксиологический аспекты, которые в этом формировании могут быть выделены. Внешний облик поведения человека, выступающего в роли объекта познания другими людьми, всегда соответствует моральным, эстетическим и просто широким, ценностным критериям, которые этим человеком усвоены и которые он более или менее сознательно через свой облик, через свое поведение стремится выразить. Система этих же критериев "срабатывает" и тогда, когда человек оказывается в позиции субъекта познания других лиц. Тогда его представления о нравственном и безнравственном, красивом и некрасивом, важном и неважном, ценном и не имеющем никакой цены влияют на содержание формирующихся у него образов других людей на понимание им личности каждого, на его отношение к этим людям.

Когда мы начинаем продумывать специальный аксиологический аспект рассматриваемой проблемы, то встает вопрос о человеке, как основной ценности, но не так, как он формулируется и решается в науке, в теоретических построениях различных ученых, а так

8.

как он преломляется в убеждениях каждого, когда "теория человека", которой располагает данная личность, выступает одной из определяющих ее поведение по отношению к другим людям.

В субординациях ценностей, которые могут быть выявлены у каждого индивида, "человек" у разных типов личности занимает далеко не одинаковое положение. И было бы приукрашиванием действительного положения дел утверждать, что в глазах каждого из нас другой человек, даже если он наш единомышленник, товарищ по работе везде и всегда является наибольшей ценностью, а внутренний мир его каждого из нас властно влечет к себе как такая тайна, раскрытие которой обогащает нас и делает наше восприятие окружающих более глубоким, полным, точным.

И, видимо, пока общество не решит задачи формирования у *всех без исключения граждан* каждого действительного и стойкого интереса к особенностям, которые составляют индивидуальность человека, восприятие и оценка его другими людьми не будут идти дальше раскрытия в нем того "общегруппового", "склонного к другим", для выявления которого действительно достаточно актуализации тех "стереотипов", о которых писали и пишут представители "транзактного" направления в психологии. И, соответственно, до тех пор будет продолжаться практикование неадекватного поведения по отношению к другим людям, поскольку более или менее обобщенные образы их у нас – регуляторы такого поведения – сами не полностью адекватны сути внешнего и внутреннего облика этих людей.

Мысленно обозревая сделанное психологической наукой на различных этапах ее развития, для разработки главнейших проблем,

9.

мы можем с полным основанием утверждать, что только в наши дни она начинает вширь и вглубь анализировать природу человеческого знания о людях и исследовать формы этого знания научному рассмотрению подвергается практическое знание людьми друг друга (восприятие и понимание человека человеком и факторы их определения). Изучается познание человеком человека, достигаемое путем художественного изображения его облика или моделирования его психического мира через создание литературных образов.

Используя современный теоретико-методический аппарат в своих попытках антрополого-социального исследования человека, научная психология сегодня, конечно, уже не может не опираться как на данные, получаемые на путях изучения практической психичности, так и на результаты анализа особенностей отражения внутреннего мира человека методами искусства.

Об общении

Бодалев А.А. О взаимосвязи общения и отношения⁷

Когда один человек вступает в общение с другим человеком, то оба они фиксируют особенности внешнего облика друг друга, "прочитывают" переживаемые состояния, воспринимают и истолковывают тем или иным образом поведение, так или иначе расшифровывают цели и мотивы этого поведения. И внешний облик, и состояние, и поведение, и приписываемые человеку цели и мотивы всегда вызывают у общающейся с ним личности какое-то отношение. Причем это отношение может дифференцироваться по своему характеру и силе в зависимости от того, какая сторона в другом человеке его вызвала. Так, например, внешний облик другого человека может пробудить у общающейся с ним личности чувство восхищения, состояние – тревогу, поведение – недоумение, приписываемые цели и мотивы вызвать протест. По своему знаку, как видно из приведенного примера, отношения могут заметно отличаться друг от друга, но они могут и совпадать, выступая как одно общее проявляемое к личности положительное, отрицательное, безразличное или противоречивое отношение. В одних случаях названные отношения оказываются одинаковыми по своей силе, в других – по этому показателю они очень несхожи. Бывают психологические ситуации, когда одно отношение более или менее значительно доминирует над остальными. Например, личности могут нравиться наркотики^у другого человека, манера держаться на людях, неистребимый оптимизм, но одновременно вызывать крайнее возмущение политические взгляды человека, с которым эта личность общается.

⁷ Фрагменты чернового варианта статьи, опубликованной в журнале Вопросы психологии. № 1. 1994.

Обсуждая проблему взаимосвязи общения и отношения, а также зависимости между содержанием отношения и формой его выражения, следует со всей силой подчеркнуть, что выбор человеком наиболее психологически целесообразной формы выражения своего отношения в общении происходит без напряжения и бросающейся в глаза нарочитости, если у него сформированы психические свойства личности, которые обязательны для успешного межличностного общения. Это, прежде всего, как мы отмечали выше, способность к идентификации и децентрации, эмпатии и саморефлексии.

Все это означает, что для действительной полноты анализа общения и связей его с отношениями необходимо оценивать по крайней мере главные объективные и субъективные характеристики этого процесса, имея также в виду и одного и другого взаимодействующих в нем людей /если это диадное общение/.

Если оставить на потом указанное многоаспектное и одновременно целостное рассмотрение интересующих нас психических феноменов и их взаимозависимостей тем более, что часть этих аспектов уже были предметом нашего внимания ранее,^{1/} то сейчас особый интерес представляет, по причине почти полного отсутствия исследований на эту тему, изучение влияния отношения на ход и результаты общения.

Ведь очевидно, испытывают ли его участники глубоко неприязненное отношение друг к другу или же они столь же сильно друг другу симпатизируют, это обязательно сказывается на непринужденности и искренности общения, на степени легкости выработки единого мнения, на тех психологических последствиях, с которыми каждый из участников "выходит" из состоявшегося общения. И психологический механизм действия отношения на развивающийся процесс общения довольно понятен: неприязненное отношение делает личность ослепленной к достоинствам партнера по общению и подталкивает к недооцениванию позитивных шагов с его стороны, если они есть, направленных на успешный итог общения. Точно также неприязненное отношение провоцирует личность на поведение, которое не ведет к углублению взаимопонимания общающихся, к установлению подлинного сотрудничества между ними. Наоборот, отношение симпатии способствует преимущественному фиксации во внешнем и внутреннем облике другого участника общения, в его поведении положительных характеристик, "работает" на создание общей установки на взаимопонимание, на максимальную успешность общения.

Вместе с тем, у личности, вступающей в общение с другим человеком, отношение к объекту, по поводу которого она вступает во взаимодействие с этим человеком, необязательно однозначно. Оно может быть и противоречивым. По этой причине и побуждения, заставляющие личность проявлять активность в общении, делают её поведение непоследовательным. Например, учителю нравится быстрая сообразительность школьника, его способность самостоятельно находить нестандартные пути решения задач, которые ему задают, но он знает, что этот же самый школьник нечист на руку и был уличен в краже вещей товарищей. И восхищение в душе учителя борется с чувством брезгливости к этому ученику, влияя и на его поведение. Или другой случай: актеру как профессионалу доставляет большое удовлетворение, как его товарищ по труппе создает сценический образ героя, но одновременно он отдает себе отчет в том, что ему самому до таких высот искусства не подняться и его мучает зависть. И эта двойственность отношений опять же не может не сказаться на поведении актера.

Эти прослеженные в самом первом приближении связи разных характеристик общения и отношения, нам кажется, показывают, насколько велико их значение в субъективном мире каждого человека, насколько весома их роль в детерминировании психического самочувствия человека в определении картины его поведения. Поэтому чрезвычайно важно развернуть систематические исследования на теоретическом, экспериментальном и прикладном уровнях всех наиболее существенных аспектов взаимозависимостей общения и отношения. И планируя эти исследования надо ясно видеть, что в изучении взаимосвязей общения и отношения должны принять участие все основные области психологической науки и обязательно педагоги, занимающиеся разработкой теории и методического инструментария воспитания.

На этот вопрос правильнее всего ответить так: у каждого челове^дка есть система ценностей. И одни ценности в этой системе для него всегда более субъективно значимы, другие менее. Кроме того эти ценности сопрягаются самым тесным образом с имеющимся^и у него материальными и духовными потребностями, которые обычно отди^ичаются друг от друга по степени своей выраженности. И таким образом оказывается, если другой человек своим обликом, своими словами и делами соответствует ценностям личности, отвечает её потребностям, у неё формируется к этому человеку общее положительное отношение. Но может быть и по-другому: когда одна из этих ценностей и стоящая за ней потребность имеют для личности наиглавнейшее значение, например, Родина, верность слову, благополучие собственного ребенка. И тогда, если другой человек совершает поступок, отвечающий поддержанию этих ценностей, к нему устанавливается положительное отношение, которое иррадирует на все стороны его внешнего и внутреннего облика, тормозя отрицательное отношение к каким-то их характеристикам, если оно прежде было. Точно также, если другой человек позволяет себе действие, идущее вразрез с главной ценностью личности и противоречащее ее основной потребности, он вызовет к этой личности резко отрицательное к себе отношение, которое нейтрализует /в лучшем случае/ и пражнение положительные реакции на проявления других сторон характера этого человека.

Межличностное общение тем и отличается от общения межролевого, что участники такого общения стараются, решая свои задачи, делать поправку, конечно, каждый в силу своих способностей, при выборе поведения, передающего отношение, на индивидуально неповторимые особенности друг друга.

Роль отношения как побуждения к действию нельзя никоим образом преуменьшать, поскольку об особенностях сформированных у личности отношений зависит характер активности личности, прежде всего направленность этой активности и её уровень и в том числе в общении. С другой стороны понятно, что ход и результаты общения влияют самым сильным образом на отношения общающихся, упрочивая или ослабляя их в личности, а случается, и переформировывая на противоположные. И получается, что человек, побуждаемый к общению одним отношением, продолжает свое общение или прекращает его побуждаемый совершенно другим отношением.

Так, включившись в общение под влиянием побуждения прервать показавшееся неестественным затянувшееся молчание, человек вдруг обнаруживает, что субъект, с которым он заговорил, – его антипод в оценке событий, происходящих в обществе. Этот факт порождает новое отношение – досаду из-за того, что новый знакомый не единомышленник, и сразу же возникает побуждение попытаться его переубедить или, при отсутствии надежды на успех, прекратить общение с ним.



А.А. Бодалев на конференции «Психология общения: социокультурный анализ» (г. Ростов-на-Дону, 2003 г.).
Выступает декан факультета психологии РГУ П.Н. Ермаков

О межличностном познании

Бодалев А.А. Межличностное познание, децентрация, рефлексия, идентификация, эмпатия и их роль в общении⁸

Одним из центральных компонентов общения является межличностное познание. Именно от этого процесса зависит во многом успешность решения тех задач, которые люди пытаются осуществить в контексте взаимодействия друг с другом.

Межличностное познание представляет собой систему действий субъекта, порождающих его знание /образы и понятия/ о другом человеке. По своей форме эти действия могут быть как внешними, так и внутренними /психическими/. С этой точки зрения межличностное познание является изначально активным процессом. На зрелой стадии познавательные действия субъекта реализуются во внутреннем плане и плохо осознаются им. С внешней стороны это выглядит как процесс своеобразной дешифровки или прочтения одного человека другим.

По мере возрастного развития происходят рост уровня обобщенности межличностного отражения и изменения его по форме. Оно становится обобщенно-понятийным. /5 /, /11 /

Для установления глубокого понимания в системе межличностных отношений, опосредованных совместной деятельностью, от участвующих в общении людей требуется преодолевать устоявшиеся стереотипы восприятия, мышления, поведения и учитывать точки зрения и состояния всех партнеров по общению.

⁸ Фрагменты чернового варианта статьи, опубликованной в «Материалы Научно-практического семинара: Организация работы сельских школ в условиях содружества». Яранск, 1991.

В связи с этим оказываются очень актуальными исследования децентрации в условиях взаимодействия и выяснения ее роли в ряду таких явлений как рефлексия, идентификация и эмпатия, также всегда участвующих в разворачивании процесса межличностного понимания и его обслуживающих. В этом случае все три последних механизма участвуют в построении усложненного образа другого человека, с помощью которого обеспечивается его адекватное понимание. Познавательные функции, выполняемые рефлексией, идентификацией и эмпатией, возможны в том случае, если индивид, взаимодействующий с другими людьми, ориентируется на их позиции или точки зрения. Такая ориентация происходит с помощью децентрации, которую можно трактовать как психологический механизм учета и координации индивидом точек зрения других людей со своей собственной /Шаже Ж.1969/

В связи с этим оказываются очень актуальными исследования децентрации в условиях взаимодействия и выяснения ее роли в ряду таких явлений как рефлексия, идентификация и эмпатия, также всегда участвующих в разворачивании процесса межличностного понимания и его обслуживающих. В этом случае все три последних механизма участвуют в построении усложненного образа другого человека, с помощью которого обеспечивается его адекватное понимание. Познавательные функции, выполняемые рефлексией, идентификацией и эмпатией, возможны в том случае, если индивид, взаимодействующий с другими людьми, ориентируется на их позиции или точки зрения. Такая ориентация происходит с помощью децентрации, которую можно трактовать как психологический механизм учета и координации индивидом точек зрения других людей со своей собственной /Шаже Ж.1969/

О познании и общении

Бодалев А.А. Познание, общение, творчество⁹

Теперь уже общепризнанно, что общение нельзя сводить к речевым контактам людей друг с другом и только к обмену их той информацией, которая заключена в речи, обращенной ими друг к другу. В общении участники его преследуют определенные цели. Их побуждают к нему какие-то мотивы. На характеристики его всегда влияет ситуация, в которой оно протекает. Но перечисляя все эти относящиеся к общению особенности, безусловно, надо прежде всего помнить : взаимодействуют в общении друг с другом люди, которые являются личностями, и, контактируя друг с другом, они выступают друг для друга в качестве объектов и субъектов познания. И от того, какие характеристики, проявляя себя в этом качестве, они обнаруживают, зависит очень многое как в конкретной картине их общения, так и в его результатах.

Если, начиная общение, ставить перед собой цель ответить себе на такие трудные вопросы : что представляет из себя другой человек и почему он такой ? У решающего эту задачу в общении человека будет мобилизована одна степень его познавательных ресурсов. Если же будет преследоваться другая цель, например, вступив в общение с каким-то человеком, "убить время", то это повлечет совсем другой уровень активности, также связанный с познанием этого человека.

⁹ Фрагменты чернового варианта статьи, опубликованной в «Труды института психологии РАН». Вып. 2. М. 1997.

У первых, для которых типично отношение к другому человеку как к ценности, внимание, восприятие, память, воображение, мышление оказываются более продуктивно и результативно функционирующими, чем у вторых. И это прежде всего выражается в более глубоком постижении личностной сути другого человека, в схватывании его индивидуально – неповторимого своеобразия. Многими исследованиями в психологии (А.Б. Добрович, В.Н. Мясищев, В.Н. Панферов и другие) установлено, что наличие у человека постоянного интереса к другим людям усиливает сосредоточенность его внимания на них, делает более ярким и содержательно насыщенным его образы восприятия их, активизирует извлечение им из своей памяти представлений, связанных с прошлым опытом общения, могущих лучше понять тех, с кем ему приходится общаться сейчас, интенсифицирует деятельность воображения, чтобы по особенностям экспрессии и вообще по поведению участников общения судить об их отношении к происходящему, актуализирует работу его мышления по выявлению наиболее существенного в фиксируемой у них по ходу общения информации, чтобы на основе ее сделать верный вывод о каждом из тех, с кем пришлось общаться.

Иное – творческое общение. В этом случае личность, отталкиваясь от гуманистической парадигмы, пытается строить общение таким образом, чтобы оно, даже если в нем не удовлетворяется цель, которую преследует собеседник, было проникнуто уважением к нему, не ущемляло бы его человеческого достоинства. А для этого от его партнера по общению требуется очень многое : по своей натуре быть не манипулятором, а актуализатором (Э. Шостром), обладать широчайшим набором способов обращения с человеком, чтобы из этого богатства выбрать как раз такой прием, который был бы адекватен ситуации, в которой происходило общение, и , будучи соотнесенным с особенностями индивидуальности собеседника, актуализировал бы светлые стороны в его "Я".

В межличностном общении психологический оптимум достигается тогда, когда один участник общения чувствует другое "Ты" столь же сильно как свое собственное "Я". На познавательном уровне при таком общении каждый из них должен ориентироваться уже не на роль, а на индивидуальность другого человека, а в ней – на более позитивные черты. Подлинное межличностное общение – это непременно диалогическое общение. И многие выдающиеся его знатоки (В.Н. Мясищев, К. Роджерс, А.С. Спиваковская, Т.А. Флоренская) считают, что в нем устанавливаются контакты не между будничными и порой эгоистическими "Я" людей, а между их высшими /духовными/ "Я". И для такого общения характерны безоценочное принятие друг друга, эмпатия и конгруэнтность, или лучше сказать психологическая совместимость.

Список учеников А.А. Бодалева¹⁰

Доктора и кандидаты психологических наук, под руководством А.А. Бодалева подготовившие и защитившие свои диссертационные труды и удостоенные получения названных научных степеней.

- ✓1. Арджакава Т.А.
2. Бабич Н.И.
3. Баскина Ю.В.
- ✱4. Васина Н.В.
- ✱5. Вегерчук (Соколовская) И.Э.
- ✓6. Галагудзе (Дашкова) С.С.
7. Гительмахер Р.Б.
- ✓8. Гордиенко В.А.
9. Горбатов А.А.
10. Гусева А.Г.
- ✱11. Дьяконов Г.В.
12. Егоров А.С.
- ✱13. Еремеев Б.А.
- ✓14. Иванская Л.А.
- ✱15. Иноземцева (Кузьмина) В.Е.
16. Кабрин В.И.
- ✱17. Клыпа О.В.
18. Карандышев Ю.Н.
- ✱19. Князев В.Н.
20. Ковалев Г.А.
21. Кожевникова М.Н.
22. Кондратьева С.В.
- ✓23. Копьев А.Ф.
24. Кукосян О.Г.
25. Кулькова И.В.
- ✱26. Куницына В.Н.
27. Курячий
- ✱28. Лабунская В.А.
29. Лендел Ж.
- ✱30. Лукьянова З.Н.
31. Магомед-Эминов М.Ш.
32. Магун В.С.
33. Манеров В.Х.
- ✱34. Накошная (Цебрикова) Н.В.
35. Наминач А.П.
36. Новгородцева А.П.
37. Панферов В.Н.
- ✱38. Пашукова Т.И.
39. Попов М.Н.
- ✱40. Разувасва Т.Н.
41. Ревенко Н.В.
- ✱42. Романов К.М.
- ✱43. Русина Н.А.
- ✱44. Рюмшина Л.И.
45. Семснова З.Ф.
- ✱46. Скрипкина Т.П.
47. Смирнова Е.Э.
48. Сопиков А.П.
- ✱49. Степкин Ю.П.
- ✱50. Суворов А.В.

¹⁰ Список составлен самим Алексей Александровичем Бодалевым. В нем не указаны его ученики, защитившие в последние годы.

51. Токарева В.А.
52. Унгул В.В.
53. Федотова Н.Ф.
54. Харьковская Е.А.
55. Хорошилова Е.А.
56. Чалкова Е.Г.
57. Чскалина А.А.
58. Шкопоров Н.Б.
59. Щербо А.Б.
60. Яценко Т.С.
61. Кан-Калик
62. Карпова Н.Л.
63. Кричевский Б.Л.
64. Некрасова Ю.Б.
65. Панасюк А.Ю.
66. Флоренская Т.С.

Этих глубокоуважаемых мною коллег я основательно консультировал, хотя они не были прикреплены ко мне как их научному руководителю:

Фамилии коллег, у которых я был научным руководителем или консультантом, успешно защитивших свои докторские диссертации, подчеркнуты.



Общение с А.В. Суворовым на заседании научно-исследовательской группы
«Психология общения и реабилитации личности» ПИ РАО (сентябрь 2003)

Всю жизнь вместе



А. А. Бодалев с женой – Маргаритой Александровной

Научное издание

ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОЗНАНИЯ

Коллективная монография

Выпускающий редактор
Обухова Ю.В.

Подписано в печать _____.2015
Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 500 экз. Заказ № ____/15

Издательство «КРЕДО»

Отпечатано DSM Group



ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9
тел. (863) 263-57-66
E-mail: dsmgroup@mail.ru